

18+

ВАСИЛИЙ РЕМ

Полный сборник прозы

РОЖДЁННЫЙ В СССР

Василий Рем

**Полный сборник прозы.
Рождённый в СССР**

«Издательские решения»

Рем В.

Полный сборник прозы. Рождённый в СССР / В. Рем —
«Издательские решения»,

Книга «Полный сборник прозы» — это книга, созданная из рассказов отца писателя и очевидцев. В нее вошли рассказы из ранее написанных и опубликованных произведений: «Первые рассказы», «Мои воспоминания», «Рассказы и наблюдения», «Забавные рассказы», «Дочери дипломата», «Больной апрелем», «Детективы (Второй сборник прозы)», «Мои короткие рассказы и стихи», «Стихи и рассказы от Старого солдата», «Тихая грусть души». Читайте, такого вы нигде не прочтёте, будет интересно.

© Рем В.

© Издательские решения

Содержание

Мои воспоминания	6
Времена, которых больше нет	7
Предисловие	7
Рабочие будни	10
Прикосновения к истории	19
Прикосновения к войнам	20
Запах зоны	24
Интернат	27
Наши родословные	30
Юность	34
Моя правда о границе	38
Срочная служба, высокогорье	38
Учебный пункт	44
Первые шаги по заставе	46
Богатыри границы	47
Пограничная дружба	48
Замполиты	49
Женщины заставы	50
Безупречная служба	52
Снабжение заставы	53
Чудеса на границе	54
Месть «Пиночета»	55
Пещера	57
Дешифровка	58
Береги честь до конца службы	59
Кинопередвижки	62
Груз 200	67
Подразделения, где я служил	71
Взвод повышенной боевой способности	71
Школа сержантского состава	77
Комендантская рота	81
Автомобильная рота	83
Строительная рота	85
ОКПП «Одесса»	89
КПП «Ужгород»	91
ОКПП «Чоп»	93
Военный патруль	94
Инструктор прикладного карате — до	97
Работа на заводе ЗИЛ	100
«Носитель секретов»	102
Авиакатастрофа, о которой не знала страна	104
Первый теракт в метро СССР	105
Возмущенные «рабочие»	107
Диверсанты	109
«Партизаны»	111
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Полный сборник прозы Рождённый в СССР

Василий Рем

© Василий Рем, 2026

ISBN 978-5-0070-5240-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поэт и прозаик

Мои воспоминания

Времена, которых больше нет

Предисловие

Глухое, забытое богом село Глазово, что на Сумщине. Тогда, во времена СССР, это была территория Украинской ССР. Вначале село территориально принадлежало Зноб-Новгородскому району, затем его передали Шосткинскому району. Ни электричества, ни асфальта. По обе стороны улицы тянулись, чередуясь друг с другом, то покосившиеся, то добротные белые избы-мазанки. Почти все выходили на улицу глухой боковой стеной, без окон. Видимо, сказывались последствия сталинского режима. Люди боялись, чтобы их не подслушали и не увидели, что делается в доме.

Центральная улица величалась Плановой. Она брала свое начало прямо в поле, пролегла мимо старого деревенского кладбища, а концом упиралась в местную школу. Раздваиваясь под тупым углом, плавно уходила влево — в улицу Роговскую. Справа от улицы Плановой под таким же тупым углом начиналась улица Красичка, на самом краю которой когда-то жили мои родители. На Роговской стоял добротный дом директора местной восьмилетней школы. Далее она вела на Кривоносковский шлях, названный так потому, что по нему можно было добраться до села Кривоноска. Улица Красичка шла в сторону реки по имени Бычиха и дальше к бригаде, где я работал. Заканчивалась Красичка красивой берёзовой рощей, у которой, по рассказам моей матери, когда-то стояла ветряная мельница, принадлежавшая ее отцу, моему деду.

От дома директора школы в сторону молочнотоварной фермы (далее — МТФ) почти перпендикулярно уходила улица Лупатовка. А прямо от местной школы под углом к улице Плановой начиналась ещё одна улица — Хуторская, в народе её звали просто Хутор. Она пролегла посередине между сельским советом и местным клубом, стоявшим на берегу рукотворного озера. Обогнув озеро, к Хуторской примыкала улица Заболотная, получившая свое название из-за того, что раньше на месте озера было болото.

Ни одна улица в этом селе не стыковалась с другой под прямым углом, как обычно принято. Видимо, тот, кто занимался его планировкой, не был знаком с геометрией и уж тем более далек от топографии. Названия других улиц и переулков за давностью лет стерлись в моей памяти, но помню, что до ближайшего города Шостка нужно было ехать от центра, где, как и в каждом селе, располагались магазин, школа, сельсовет и клуб. Школа, кстати, была построена на месте снесённой после революции местной церквушки. С этой церквушкой связаны интересные истории, которые рассказывали про моего отца. Когда большевики и их сторонники спилили и сбросили с купола церкви на землю деревянный крест, отец забрался по стене церкви (что само по себе удивительно, ведь он был без одной ноги) на обезглавленный купол и поставил на спиленный пенёк поллитровку водки. При этом прокричал сверху: «Вот теперь ваш крест, молитесь ему, глупые люди!»

Далее по улице Хуторской, под острым углом отделявшейся от Плановой, нужно было проехать вдоль сельсовета и клуба и на первом перекрестке повернуть направо, в сторону полевого тока, где летом сушили зерно. Затем — налево, на Ивотский шлях, который, петляя вправо-влево между лесопосадками, выходил к селу Ивот и тянулся мимо пенькозавода, что стоял за селом Ивот, через тогда еще деревянный мост реки Ивотка, в направлении села Крупец. Про село Ивот в народе ходила интересная поговорка. Жители села часто говорили фразу: «Москву возьмут — Ивот столицей станет». Откуда она взялась, никто толком не знал.

После села Крупец на горизонте показывались трубы военных заводов города Шостка, это были знаменитые в те времена на всю страну «Свема», «Химреактив», «Девятка» и «Пять-

десять третий». Уже по одним только названиям понятно, что все они были военного назначения.

Вообще, до города Шостка всего-то сорок пять километров, но добираться приходилось в открытом кузове машины ГАЗ-51 или старого ЗИЛ-157, глотая пыль полевых дорог Полесья. Так эту местность называли в прессе. Автобусы начали регулярно ходить гораздо позже, когда проложили брусчатку, а затем и асфальт. Хотя назвать эту дорогу асфальтированной можно было с большой натяжкой. Её ширина позволяла проехать только одной машине, и в те далёкие времена все ехали по летней дорожной пыли. А в весенне-осеннюю распутицу машины с набитыми битком кузовами людьми едва ползли. С утра в сторону города, а вечером — обратно. Просто не верится, что это было со мной и на моём веку. В это время на Кубани, откуда я с родителями переехал в село Глазово, всё уже было электрифицировано, а центральные улицы покрыты асфальтом. Делать уроки при керосиновой лампе было для меня дико и весьма неудобно.

Но, наконец, в деревню завезли дизель-генератор и поставили столбы, от которых в каждый дом провели провода. Правда, электроэнергию давали только в часы утренней и обеденной дойки, а ещё вечером — на период показа кинофильма в местном клубе. Кстати, билет в кино после хрущёвской денежной реформы 1961 года стоил пять копеек.

С появлением электричества в деревню пришла почти цивилизация. Жители начали покупать электрические чайники — для быстрого подогрева кипятка к чаю или просто так, например, помыться. Первый телевизор я увидел ещё на Кубани, он стоял в Ленинской комнате консервного комбината. По вечерам мы с улицы через окно смотрели телепередачи. Звук, конечно, не слышали, но черно-белая картинка на голубом экране просто завораживала. И неважно, что там показывали — соревнования по водным лыжам или конькобежному спорту. Смотрели все подряд, не отрываясь, пока проходящий мимо работник не прогонял нас по домам.

В селе Глазово первый телевизор появился, как и положено, у директора школы Петра Трифоновича. В те времена директор школы считался в деревне самым уважаемым человеком. Кстати, он был фронтовиком, командовал знаменитой «Катюшей». Даже председатель колхоза и председатель сельсовета по авторитетности отходили на второй план. Это потом, когда они уже много наворовали и стали очень богатыми по сравнению со скромно живущим на одну зарплату директором, народ поневоле выдвинул их на первые места. Назначение на должность тогда получали чисто в зависимости от принадлежности к партии, которая в СССР была только одна — КПСС. Есть у тебя партбилет — значит, будет и руководящая должность, решение общего собрания колхозников имело мало значения.

В кулуарах о председателе колхоза говорили всякое. Но на собрании все дружно поднимали руки за предложенную райкомом кандидатуру, голосование тогда было открытым. Новый председатель видел, кто голосует за него, кто против, кто воздержался, хотя таких смельчаков, как правило, не находилось.

Вторым по значимости после председателя колхоза обычно был заведующий молочно-товарной фермой либо тракторной бригадой. Им было что воровать и чем привлечь на свою сторону колхозников. Председатель сельсовета постепенно отошёл на задний план и обладал скорее формальной властью — справку выдать, печать поставить. Однако было в его воле и то, что могло в корне изменить судьбу человека, — именно он давал разрешение на получение паспорта, а значит, от него зависела возможность уехать из деревни. Молодёжь тогда насильственно удерживали на селе и приучали к работе в колхозе. Очень редко кто мог получить паспорт и отправиться в город на учебу. Правда, тогда уже вошли в практику направления на учебу от колхоза в ПТУ, техникумы, институты, но только по необходимым для колхоза специальностям и с условием обязательного возвращения в родной колхоз для работы. Паспорта таким студентам тоже не выдавали — только направление, которое было главным докумен-

том. Купить у председателя сельсовета справку на получение паспорта мог позволить себе не каждый. Конечно, детям председателя колхоза, заведующего машинно-тракторной станцией (МТС) и МТФ, а также директора школы эти справки доставались, как говорится, по блату. А остальные расплачивались за свободу кто чем мог — кто мёдом с личной пасеки, кто мясом, кто самогоном: денег тогда в колхозе было мало, вся плата за трудодни была в виде натуральной продукции. На заработанные «трудодни» давали сено, зерно, услуги по вспашке огородов и только совсем немного выплачивали деньгами. Да и то в основном к сентябрю, чтобы детей в школу одеть-обуть. Это потом, уже при Леониде Брежнев, начали выдавать паспорта всем желающим без исключения. Такая была у нас власть, такая партия и такая жизнь.

Рабочие будни

Впервые на работу в колхоз я пошёл после третьего класса, на летних каникулах. Росточка я был маленького, как говорят в народе, «метр с кепкой». Бригадир долго думал, куда же меня приспособить, и первой моей работой стало смазывание гудроном деревянных осей повозок. Ведро, квач (самодельная щетка) из пеньки — вот и весь мой рабочий инструмент. Сняв колесо с повозки, надо было густо намазать ось гудроном — это такая смазка для деревянных осей телег. Позже все оси телег поменяли на металлические, которые смазывали уже солидолом, но первые мои рабочие дни прошли именно с ведром гудрона в руках.

По роду своей деятельности подчинялся я конюху бригады. Это был мужчина небольшого роста, не очень удачной внешности и не блиставший силой, хотя руки имел большие и крепкие, с мозолистыми ладонями. Ходил всегда в ветхой застиранной одежде с заплатами на видных местах, но неизменно в полосатой кепке. Несмотря на всю свою неказистость, человеком он был очень добрым. И благодаря его заботам я научился всему, что необходимо знать при обращении с лошадьми. Умел подобрать по размеру и надеть на лошадь хомут, запрячь ее в повозку, подтянуть чересседельник, засупонить и рассупонить хомут. Он показал мне, как управлять лошадью в движении, сдавать повозку назад и опрокидывать её. Научил цеплять плуг и распашку, работать на конных граблях, крепить веревку для перетаскивания копны с сеном. В общем, через месяц работы в бригаде я уже знал и умел делать всё, что делали крестьяне. Лошадей я любил и легко выучил не только их клички, но и нрав, и привязанности каждой.

Больше других мне нравились конь по кличке Первак и кобыла Майка. Оба были спокойные, без вредных привычек типа кусаться или лягаться, послушные и ласковые. Освоившись, я попросил бригадира послать меня на другую работу, желательно в поле с мужиками и другими ребятами, более взрослыми. Тот, как и положено, сначала проверил меня на «вшивость», то есть попросил продемонстрировать всё, что я умею делать. К его удивлению, с заданием я справился прекрасно, и меня отправили распаивать картофель. Получив у конюха повозку, хомут, сбрую и, конечно, любимого Первака, на следующий день я приступил к самостоятельной работе.

Утро началось с того, что, погрузив на повозку, запряженную Перваком, распашку, я поехал далеко за деревню на картофельное поле. В то время колорадских жуков еще не было, их завезли из США, штата Колорадо, гораздо позже. Ну а с сорняками приходилось бороться. Приехав на место, запряг Первака в распашку, состоявшую из остова плуга с колесом впереди, на который вместо лемеха крепился безотвальный плуг. Конь медленно двинулся вперед, потянув за собой распашку. Удерживая плуг за ручки, я направлял его посередине между рядками, и тот делал свое дело — вырезал с междурядий всю сорную траву и окучивал клубни картофеля. Долгая рутинная работа, без перерыва, до самого обеда.

Когда солнце поднялось высоко, я освободил лошадь от хомута, стреножил её и отпустил пасться на лугу. А сам уселся в тенёчек под телегу и вытащил узелок с нехитрой провизией, захваченной из дома: бутылка молока, кусок сала, лук, варёные куриные яйца и хлеб. Перочинным ножом, который у меня всегда был прицеплен на ремешке к поясу брюк (чтобы не потерялся), аккуратно нарезал хлеб и сало, очистил лук и сваренные вкрутую яйца. Разложив все на газетке, принялся чинно, как заправский крестьянин, трапезничать, чувствуя уставшие от напряжения руки.

Во время обеда приехал бригадир. Проверив качество моей работы, остался доволен и подкинул мне яблок и груш, сорванных по дороге в колхозном саду. Пообедав, я вновь встал за плуг. В тот первый день я не смог выполнить установленную норму и получил за работу всего два трудодня, но крестьянская смекалка уже начала работать. На следующий день, отыскав в

бригаде подходящую металлическую пластину, попросил кузнеца приклепать её к распашке напротив плуга. Прихватив с собой два крепления и два безотвальных плуга, выехал в поле и взялся за подготовку распашки. На приклепанную пластину прицепил ещё два безотвальных плуга на таком расстоянии, чтобы они попадали в соседние междурядья. Теперь при движении плуга я распахивал не один, а сразу три рядка картофеля, к тому же устойчивость плуга повысилась и руки стали уставать меньше. Так что до обеда я уже выдал дневную норму. А к вечеру получилась двойная норма, и это, как говорится, не загоняя лошадь и не напрягаясь. Бригадир, сделав замеры, был очень удивлен. Вначале он решил, что я перенес колышек на вчерашнюю распаханную площадь, но, еще раз всё перемерив, убедился, что я выполнил две нормы. Подойдя ко мне, с уважением пожал руку как настоящему труженику и одобрительно сказал:

— Молодец, парень, умеешь работать! Только не пойму, как тебе это удалось? Лошадь, смотрю, не в мыле...

Я показал ему свою конструкцию и рассказал, как до этого додумался. За день мне поставили шесть трудоней, по три за каждую норму. Утром в бригаде, когда собрались колхозники, бригадир вывел меня перед всеми и красочно рассказал про моё изобретение и про две нормы при распахивании. Все захлопали, с уважением глядя на меня и приговаривая:

— Ай да малый! Ай да смысленный!

Когда распахивание картофельной делянки было завершено, меня с Перваком перебрали на уборку сена — разбросанные по всему полю копны надо было стаскивать к месту скирдования. Для этого к одной стороне хомута цеплялась сложенная вдвое веревка. Обведя веревку вокруг копны, ее подбивали под нижние края копны и привязывали к другой стороне хомута за гуж. Получалась волокуша из веревки и лошади. Однако при таком креплении копны часто разваливались, особенно если местность была неровная или лошадь двигалась слишком быстро. Сообразительность и тут меня выручила. Я сделал один конец веревки длиннее, а другой короче и подбивал под копну только длинный край, а короткий бросал под задние ноги лошади. Продернув копну вперед, доставал конец короткой веревки, который оказывался внизу копны прямо посередине, и, перекинув через копну строго по центру, привязывал его к боковой веревке. Копна сена получалась крепко связанной, как вязанка дров, и можно было тащить её хоть через всё поле — она никогда не рассыпалась. Это мое изобретение бригадир тоже отметил и даже, собрав всех, попросил показать, как это делается. Впредь все стали связывать только так, чтобы понапрасну не разбрасывать сено по полю.

Уже поздней осенью меня послали сгребать в валки конными граблями высохшие стебли убранного картофеля. В то время никаких приспособлений на тракторах для сгребания, подъема или скирдования сена еще не было. Их придумали гораздо позже. Проблема была в том, что при собирании сухих стеблей в валки грабли срабатывали от нажатия на педаль, до которой я из-за своего маленького роста не доставал. Правда, был и второй вариант, ручной, — берёшься за рычаг и тащишь его вверх, пока грабли не поднимутся и не сбросят стебли или сено в валок. Но и этот вариант оказался не для меня: не хватало силенок, чтобы поднять грабли рычагом. Однако смекалка меня и здесь не подвела: я прикрепил к педали веревку, подсунул её вниз, под ось граблей, и вывел к сидению. Теперь оставалось только дернуть за веревку — педаль граблей уходила вниз, железные зубья поднимались вверх, и стебли картофеля падали в валок.

В первые дни работы в бригаде я мечтал стать конюхом, но потом, глядя на всё, что происходит в колхозе, понял, что самая крутая должность — это объездчик. Объездчик имел своего коня, свою повозку и, объезжая колхозные поля, следил, чтобы не воровали. По сути, это был прототип современных охранников, правда, с более широким кругом полномочий. Он мог плеткой отстегать детей, которые воровали горох или молодую кукурузу. Мог заставить взрослых сбросить с воза сено или клевер, которое те положили якобы для мягкости сидения. О любой краже он сообщал председателю, а с согласия того — участковому милиционеру, и возбуждались уголовные дела о хищении зерна, комбикорма, молодых поросят, телят или

птиц. Многих, конечно, брали на поруки, но бывало и так, что сажали за решётку. Ох, как я хотел вырасти и стать объездчиком!

В конце уборочной, когда последний колосок в поле срезан, в колхозе устраивали праздник, у нас его называли «обжинки». Накрывался огромный стол, на всю бригаду, а на нем чего только не было! Борщ, суп, каши из трёх или четырёх круп. Мяса завалились — куры, утки, гуси, говядина, свинина, баранина. Пироги с грибами, пироги с яблоками, медовые коврижки, свежий мёд в сотах. Самогона — хоть залейся, его пили тогда из гранёных стаканов. Я всегда поражался: как можно выпить стакан самогона — двести пятьдесят граммов — и не упасть замертво. А колхозники пили, причём по несколько стаканов, и не пьянели — так, становились слегка веселее, пели песни, пускались в пляс. Женщины пили из маленьких гранёных рюмочек стограммовой вместимости. Были, конечно, и такие, что, захмелев, падали под стол, а иные начинали задираться и лезть на рожон. Но, получив по физиономии, быстро остывали и успокаивались.

Гуляли обычно до поздней ночи, с песнями и плясками. Женщины уходили на вечернюю дойку, управиться по хозяйству, а затем снова возвращались и продолжали веселиться. Дети тоже гуляли вместе с взрослыми, и им перепало по рюмочке самогона, от которого кружилась голова, изображение двоилось и хотелось плясать и петь. Правда, они, чтобы не выдать себя, в общих плясках и песнопениях не участвовали. Однако, когда кто-то из взрослых замечал, что дети, выпивши, то строго говорили:

— Рано начинаете пить, будете, как отцы, алкоголиками.

Мне пить не нравилось, и я твёрдо решил, что, когда вырасту, выпивать не буду совсем. И, судя по сегодняшнему дню, слово своё сдержал.

Но вот лето закончилось. Скоро в школу, опять учить уроки. Как любимые — математику, физику, русскую литературу, физкультуру, труд, так и нелюбимые — биологию, химию, украинский язык, который мы в детстве (да простят меня истинные украинцы) называли телячьим. Особенно он не нравился нам из-за иных знаков препинания. Взять, к примеру, апостроф — никогда не знаешь, когда его надо ставить, а когда нет. Это было непонятно, а значит, неинтересно. Зато я очень любил песни на украинском языке, все мои родственники, включая отца с матерью, пели их проникновенно, с душой. Украинскую литературу я любил так же, как и русскую. Читал много книг — и классиков, и современников. Но больше всего мне нравились стихи. Я удивлялся таланту поэтов и восхищался прекрасно подобранной рифмой. Хорей, ямб, дактиль, амфибрахий, анапест, владение рифмой меня просто очаровывали. Поэты и прозаики: Пушкин, Лермонтов, Есенин, Некрасов, Маяковский, Блок. Тарас Шевченко, Коцюбинский, Леся Украинка. Ломоносов, Максим Горький — это были для меня кумиры. Всё, что в то время можно было найти из их произведений, я доставал и читал запоем, заучивая многие наизусть. В школе посещал литературные кружки — это было очень интересно. Уже к восьмому классу начал пробовать писать стихи сам. Тем более появился повод — умер наш любимый учитель физкультуры Евгений Степанович. Потрясенный этим событием, я написал свое первое стихотворение:

*«На широком кладбище свежая могила,
Ярко светит звёздочка красная над ней.
Жизнь его короткая так же всем светила.
Он дарил нам знания до последних дней...»*

Я показал это стихотворение директору школы, жена которого, Мария Сергеевна, вела у нас литературный кружок. И он распорядился, чтобы стихотворение отпечатали на машинке и повесили в коридоре школы для всеобщего чтения. Внизу было написано, что автор его я. Это была первая проба пера, и сразу такая публичная. Затем появилось стихотворение о прощании

со школой. Я тогда окончил восьмой класс и собирался поступать в ПТУ, а стихотворение подарил своему классному руководителю Татьяне Васильевне, учительнице немецкого языка.

*«Мы расстаемся со школой любимой,
С нашим классом, партой, доской.
Словно уходим от матери милой
С грустью в сердце и сильной тоской...»*

Но всё это было потом, когда я уже заканчивал учебу и жил в селе Глазово, а пока после трудного колхозного лета я пошёл в четвертый класс. Учеба казалась мне довольно нудным занятием, кроме, конечно, математики. Похоже, к этому предмету у меня были особые склонности, поскольку все упражнения, задачи, а в последующем и уравнения я с легкостью решал за один урок. Причем все шесть вариантов, которые предлагались учителем. Решения, конечно, тут же раздавал товарищам, они списывали и тоже получали положительные оценки. Но учитель математики Надежда Гапоновна быстро заметила несоответствие результатов и истинных знаний моих друзей. Далее, как только я решал свой вариант, она забирала мою работу и отправляла меня погулять на школьный двор. Пару раз директор или завуч приводили меня обратно в класс, думая, что я прогуливаю уроки, но потом все привыкли к тому, что во время контрольных работ я болтаюсь в школьном спортивном городке.

По физике результаты у меня были примерно такие же, но преподаватель Поликарп Павлович с урока меня не отпускал, а нагружал дополнительными задачками, как он говорил, для общего развития. У Поликарпа Павловича была дочь Аня, моя одноклассница, в которую я был тайно влюблен в шестом классе. Увидев, как она идет в школу или едет на возу с родителями, я тут же ощущал, как мое сердце начинало сладко биться и по всему телу разливалась истома. И я бездумно брел за ней до самой школы или окраины села, где она жила, сам не понимая, зачем это делаю. Но со временем, где-то к седьмому классу, эта моя любовь прошла. Кстати, Поликарп Павлович тоже умер в расцвете сил. В тот период я начал дружить с Надеждой, другой одноклассницей. Она, как и я, была маленького роста, и вместе мы смотрелись довольно органично. Правда, за излишнюю полноту её дразнили «бочкой», так все и звали — Надя-бочка.

Дружил я с ней до восьмого класса, помогал решать задачки и выполнять домашние задания, готовиться к урокам. В учёбе она была, если честно, не очень. Однажды, провожая её домой, я впервые в своей молодой жизни признался ей в любви. Конечно, надеялся на взаимность и первый поцелуй, но она начала говорить какие-то нелепицы, ссылаясь на сына директора школы Гену. Тот был младше меня на год, но тоже имел на неё виды. По его мнению, я хочу воспользоваться ею и затем бросить. Такого коварного удара в спину я не ожидал и был просто обескуражен. Встречаться с Надеждой я больше не стал, а сыну директора надавал по физиономии так, что меня чуть не исключили из школы.

Второй раз меня едва не выгнали из школы за то, что я нацарапал гвоздем на классной доске слово из трех букв. Но мой отец на педсовете сказал:

— Сам Маяковский написал на литературном заведении «Дом Герцена» слова «Хер цена вашему Дому Герцена!», — и в школе меня оставили.

Однако мать Гены, Мария Сергеевна, которая вела литературный кружок, заявила, что с такими садистскими наклонностями я не достоин заниматься в литературном кружке, и выгнала меня с занятий. Ну что ж, зато её сынок на всю оставшуюся жизнь запомнил, что клеветать нехорошо.

После окончания четвертого класса на каникулах я снова пошёл работать в колхоз, естественно, в свою бригаду. Бригадир с удовольствием принял меня на работу, и мы с конюхом начали пасти по ночам коней, отправляясь с ними, как это называлось, в ночное. Верхом на Перваке или Майке кнутами выгоняли лошадей на луг у реки, где каждого по очереди стрено-

жили путами, кроме жеребят, конечно. Разводили костёр и стерегли лошадей, пока те паслись на траве, покрытой вечерней росой. Насытившись, утомленные дневной работой кони укладывались вокруг костра и отдыхали, мы же спали по очереди. Один из нас всегда был на чеку: во-первых, подбрасывал в костер ветки, чтобы не погас, во-вторых, следил, чтобы волки не «подрезали» жеребят. Серых хищников в лесах тогда было много, и они частенько совершали набеги на стада овец, телят или лошадей.

Как это было прекрасно — сидеть ночью у костра, слушая лошадиное ржание и стрекотание ночных кузнечиков! Запрокинув голову, любоваться огромным количеством звёзд на тёмном бархате небесной вселенной. А когда какая-то из них срывалась и падала вниз, стараться быстро загадать желание. Вдалеке в деревне слышались песни девчат под музыку гармонии, пьяная ругань загулявших мужиков под вой избитых ими баб, визг поросят и мычание коров. К полуночи все затихало, и только местные деревенские петухи звонким криком оповещали о том, что прошёл ещё один час.

Утром над рекою стелился туман, воздух свежел, и от выпавшей росы становилось зябко. Подбрасываешь в костер больше веток, садишься поближе к огню. Но вот небо на востоке начинало розоветь, играя всеми красками — от бледно-жёлтых до фиолетовых. Первые лучи восходящего солнца, упираясь в редкие облака, пронизывали их насквозь, как рентгеном. Долину заливало золотисто-оранжевым светом, и все вокруг становилось в точности таким, как в детской песне, — оранжевое небо, оранжевая трава, оранжевые тучи, оранжевая вода в реке.

Как раз на том месте, где мы пасли коней, на реке когда-то стояла водяная мельница моего деда. Теперь от нее остались только четыре дубовые сваи, торчащие из воды. Но вот из-за горизонта выглядывало и само солнышко — большое, красное, с легкой аурой желтизны по кругу, и в то же мгновение окружающий мир менялся. Деревья, кусты, трава — всё вдруг окрашивалось ярко-зелёным цветом. Вода в реке отливала голубизной, отражая такого же цвета небо, все предметы становились четко видимыми, приобретали свои дневные реальные формы. Проснувшиеся кони вновь принимались пастись, хрустя сочной травой с утренней росой, а жеребята резвились вокруг них, разминая затекшие за ночь ноги.

Мы с конюхом снимали и повязывали на шеи лошадей путы, садились верхом и начинали сбивать табун в один кулак, направляя его в сторону бригады. К семи часам животные должны быть в стойлах конюшни, а через час, уже вычищенные, расчёсанные, с обрезанными копытами, — готовыми к трудовому дню. Подковывали тогда только верховых лошадей, а обозным надевали подковы в гололед. В бригаде было три конюха, которые пасли лошадей по очереди, ночь через две. Естественно, так же работали и подпаски — так называли помощников конюхов, идущих с ними в ночное.

В свободные от ночного дни я выполнял по наряду разные работы, их в колхозе было не счесть. Распахивал картофель, таскал копны с сеном и соломой, ворочал сено на лугу, полел кукурузу и свеклу. На каждую семью выделялись участки свеклы, конопли, кукурузы, и все это надо было вовремя пропалывать, окучивать, а что касается конопли — то вырывать стебли и связывать их в снопы «замашками». И никто тогда не знал, что конопля — это наркотик. Делянки для ухода за растениями не давали только учителям и работникам конторы, все остальные жители села были обязаны выполнять этот иногда непосильный труд. А если учесть, что у каждого колхозника было ещё по сорок соток своего огорода и подсобное хозяйство, то становится ясно, что вкалывали все с рассвета до заката, без выходных.

За то лето я заработал в родном колхозе довольно много трудодней, ведь за ночное их ставили двойные. Не помню общую цифру заработка, но по осени привез домой восемь мешков пшеницы и двенадцать мешков ржи. Муки намолотили полный чулан, мать не могла нарадоваться моему заработку.

Закончилось лето, как всегда, быстро, и я снова пошёл в школу, уже в пятый класс. После пятого класса мне здорово повезло — крёстный отец моей сестры взял меня к себе на молоч-

нотоварную ферму пасти овец. Работа непыльная, можно даже сказать, легкая: утром овцы брели себе гуськом в сторону луга, а вечером возвращались на ферму. Помогала пасти стадо большая овчарка, заворачивая от полей с озимыми или клевером. Конечно, собака — большой помощник и в охране от волков, хотя за всё время моей работы я так ни разу и не увидел волка, нападающего на стадо. Платили за работу пастухам довольно много — писали по двенадцать трудодней в день. Чтобы получить столько, к примеру, на распашке картофеля, нужно было выполнить четыре нормы. Естественно, при этой работе были и другие существенные блага. К примеру, молока — хоть залейся, а если резали какую-то живность — корову, теленка, барана — не важно, всегда перепадало свежего мяса и жареной печени. Конечно, вставать приходилось очень рано. Но к этому быстро привыкаешь. Умылся, собрал сидор (узелок с обедом), взял книгу, плетё — и пешком три километра до МТФ. Вначале улицами села со слоем пыли, а затем по густой лесопосадке. Ветки деревьев цепляются за одежду, обдавая брызгами холодной росы с листьев, горизонт уже розовеет от восходящего солнца. Поначалу ноги идут как бы сами по себе, голова в сонном тумане, двигаешься на автомате. Но холодные обливания каплями росы с листьев случайно задетых деревьев окончательно прогоняют дремоту.

Первым делом на ферме идёшь на сепаратор, где уже собрано всё молоко для перегона на сливки. Набираешь в бутылку свежих сливок и большую бутылку перегона — сливки себе, перегона для молодых ягнят. Дело в том, что овечки, когда у них начинается течка, плохо заботятся о своём потомстве, приходится подкармливать. В наши обязанности входило и наблюдение за овечками, у которых наступала течка. Мы помечали их зеленкой и вечером передавали ветеринару для искусственного осеменения. А баранам повязывали под брюхо фартук из белой материи, чтобы они не могли повлиять на вырождение породистого племени овец.

Пасти овец мы гоняли далеко, почти на самую окраину полей, принадлежащих нашему колхозу, в основном к болотам. Там и трава была сочнее, и озерцо имелось, чтобы животным напиться. Да и самому можно искупаться, если большая жара. Когда наступал обеденный зной, овцы сбивались в кучу и ложились в траву, охлаждая свои тела на ещё не совсем прогретой земле. А для нас наставало время обеда. Разведя костерок, мы жарили на «ловцах» (очищенная и заостренная ветка лозы или иного дерева) сало, пекли в золе картошку и затем уплетали всё это с луком, или огурцом, или помидором — по сезону. Когда свежая зелень надоедала, брали с собой солёные огурцы, они бодрили, и меньше хотелось пить.

В тот период я научился добывать шмелиный мед. Мед земляных шмелей самый вкусный и самый полезный. Следишь, бывало, за летающим чёрным шмелем и, когда он, набрав нектара с пыльцой, улетает в своё жилище, отмечаешь палочкой норку, в которую он залез. Шмели живут парами, они безвредные и не кусаются. Дождавшись, когда оба взрослых шмеля вылетят из своей норки, осторожно раскапываешь её ножом. На глубине примерно двадцать-тридцать сантиметров сооружены соты, заполненные медом. Аккуратно достав соты, выпиваешь мед и кладёшь обратно. Теперь сверху надо прикрыть их землей и дёрном, чтобы хозяева ничего не заподозрили. Вернувшись, шмели сначала долго кружат в поисках своей норки, а затем начинают копать новый вход к сотам. Прокопав, заново наполняют их медом — до полной победы. Вот такие они трудолюбивые.

Правда, шмели тоже не все одинаковые. Если брюшко у него желтого цвета с полосками — это страшные шмели. Увидел такого — беги подальше, потому что, если он заподозрит в тебе разорителя своего дома, будет гоняться за тобой, пока не укусит. Однажды такая пара погналась за мной. Всю дорогу я пытался отмахиваться от них плащом, но, пока не зарылся в стог сена, не отстали.

Иногда мы пасли овец у леса, который местные жители называли Смоляницей. Наверно, потому что стволы росших там сосен выделяли пахучую смолу. Второй лес назывался бором — в нем было много дубов, осин, берёз и, конечно, сосен. Красиво было в лесу, а по тем временам и зверья водилось много. Но меня, конечно, больше всего интересовали грибы. Я

изучил все грибные места и по сезону каких только не приносил домой целыми корзинами! Вначале появлялись маслята и рыжики, затем белые грибы, так называемые колосовые, потому что вырастали они как раз в период созревания колосков пшеницы. Затем шли подберезовики, подосиновики, бабки и летние опята. А уже потом белый гриб боровик, зимние опята, черные грузди, лисички. Собранные белые грибы, бывало, мы сразу нанизывали и жарили на «ловце» вместе с кусочками сала. Получалось очень вкусно, а аромат стоял такой, что слюнки текут, пока жарить.

А уж природных красот и свежего, чистейшего воздуха было хоть завались! Природа в Украинском Полесье действительно чудесная и неповторимая. Небольшие холмы с рошицами и кустарниками, болота, поросшие камышом. Луга с разнотравьем и необъятные леса, а небо!.. Какое красивое небо над Украиной! Легкий ветерок пузырем надувает рубашку на спине, треплет воротник, играет с волосами, освежая лицо утренней прохладой или обжигая полуденным зноем. Лежишь в траве, смотришь на проплывающие в небесной выси белые облака и мечтаешь о том, что вырастешь и обязательно станешь лётчиком. Будешь покорять это небо и подниматься за облака — высоко-высоко, к самым звёздам.

Это лето почему-то тоже закончилось быстро, и мне предстояло идти уже в шестой класс.

О, шестой класс! Беспокойное, непонятное время, когда сердце и взгляд тянутся к девочкам из своего класса и перестают жить в ладу с разумом. Первая любовь, первая драка, первое разочарование, что выбрали не тебя. Как бы случайно все чаще задерживаешься возле зеркала, украдкой разглядывая себя. Одежду начинаешь чаще стирать, сильнее оглаживать, да и надеть уже не всё хочется — только то, что принято носить мальчишкам в твоём селе в настоящее время. Отрочество, одним словом.

Учебный год тянулся в этот раз очень долго. Осень выпала дождливая, и приходилось почти постоянно ходить в резиновых сапогах или бахилах (самодельные калоши). Домашние задания становились все труднее, а гулять вечерами хотелось всё больше. Начались неприятности с невыученными уроками и прогулами. Правда, мой отец в этом плане был лояльным человеком:

— Не хочешь учиться — и не надо, будешь быкам хвосты крутить, — говорил он спокойно и улыбался.

Это спокойствие и его улыбка действовали сильнее всякого ремня. Отметки исправлялись на положительные, подтягивались хвосты, и всё постепенно входило в обычный учебный ритм.

Зима в тот год была необычно снежной, и на уроках физкультуры мы бегали на лыжах. Правда, лыжи были ещё те — тяжелые и громоздкие, из толстого дерева, а крепление надевалось прямо на сапоги или валенки, про лыжные ботинки и пластиковые лыжи тогда еще никто и не слыхивал. Но и на таких я бегал очень быстро, по крайней мере, в школе занимал первые места на всех соревнованиях. В седьмом классе меня послали на первенство района среди школ, где я стал победителем на дистанции три километра. Это была моя первая грамота в спорте, она хранится у меня до сих пор как символ начала моей спортивной карьеры.

Но с лыжами были связаны и неприятности. На замёрзшем озере мы прямо с крутого берега сделали спуск и трамплин. Катились с разгона и затем прыгали, пролетая по воздуху метров пять и приземляясь на заснеженный лёд озера. Во время одного из таких прыжков я не удержал равновесия, упал, и мои лыжи треснули пополам, как дрова под топором. А лыжи-то школьные! Пронумерованы и записаны на меня. И тут мне пришлось провести целую операцию. Маленькими сапожными гвоздиками я кое-как скрепил сломанные части между собой, только бы не отвалились, пока сдам. Стёр ацетоном номера лыж и написал краской другие. Сдавал лыжи в толпе ребят, да и кто там проверял — сдали и сдали. Хотя переживал, если честно. Но этим обманом я избежал наказания за испорченное школьное имущество. Конечно, это плохо, но зато эффективно.

Весна пришла ранняя и теплая — уже первого апреля на деревьях появились зелёные листочки. Весна! Как она будоражит молодую кровь, ослепляет и отнимает разум! В ту весну я влюбился в Анюту, которая так и не ответила на мою любовь. А может, она и не знала, что я в нее влюблён, ведь я любил на расстоянии, боясь даже приблизиться к ней.

И снова лето, каникулы. Снова иду работать в родной колхоз. Как и в прошлый раз, меня отправляют работать на МТФ, только теперь пасти телят. О, это совершенно не то же самое, что пасти овец, — с телятами управляться гораздо труднее. Причина в том, что, проведя всю зиму в телятнике, они застаиваются и, оказавшись на просторе лугов, просто дуреют от ощущения свободы — начинают разбегаться в разные стороны, радостно взбрыкивая и громко мыча. Чтобы удержать непослушное стадо, первое время с нами на выгон телят выходили все работники фермы. Но уже через пару-тройку дней телята начинали привыкать к коллективному походу на пастбище и вольному выпасу. А обратно в телятник вечером бежали так, что и не удержишь, ведь там их ждали телятницы с молочным пойлом (так называлась смесь муки, отрубей и молока) и добрыми ласковыми словами. Остальное в воспитании доделывал длинный кнут — метров примерно около пяти длиной, да ещё с ременным наконечником. Как только кто из телят начинал слишком рьяно взбрыкивать и отбиваться от общей массы, вытянешь его кнутом по правой половинке бедра — и разошедшийся озорник, передернувшись от боли, мигом возвращался обратно в стадо.

В это лето я научился не только хорошо плести длинные пастушьи кнуты, но и так же ловко обращаться с ними. С расстояния пяти метров одним хлестком срезал травинку — вот такая точность попадания. Возможно, эта любовь к кнутам передалась мне от моей бабушки-цыганки. Такой длинный кнут у нас в деревне назывался «пастушка». Благодаря «пастушке» телята быстро становились смиренными и покорно шли куда надо, не отбиваясь от стада. В основном все трудности с их усмирением заканчивались примерно через пару недель, а дальше всё шло так же, как и с овцами. Пощипали травки, попили водички — и к полудню улеглись поспать. Вот только бегали телята гораздо быстрее овец, и если уж побежали, то приходилось мчаться во всю прыть, чтобы обогнать стадо и остановить его. Вот именно тогда я, видимо, и научился делать рывки на тысячу метров. Поскольку после поступления в ПТУ все два года учебы там держал первенство в беге на тысячу метров. За эти спортивные успехи у меня тоже есть награда, вторая в моей молодой жизни.

Привилегии у телячьих пастухов были такие же, как и в прошлом году у пастухов овец, поэтому я не сильно горевал. Конечно, бегать с телятами приходилось больше, как говорится, мороки прибавилось. Но в основном всё было хорошо. В напарники мне дали женщину лет тридцати, немножко «с приветом», о таких в народе говорят, что у них «не все дома». Если что не по ней, она становилась даже агрессивной, иногда могла ударить палкой или стегнуть кнутом. Но обычно вела себя спокойно и особо мне не мешала. Тем более что она находилась с одной стороны стада, а я с другой — так мы удерживали телят при передвижении, да и в период выпаса.

За лето бычки и телочки хорошо откормились, набрали вес, причем гораздо больше, чем ожидалось. Нам, как было принято в колхозе, выписали премию — по одному бычку. И в конце лета я, радостный и гордый, привёл бычка на привязи домой, чему мои родители тоже, естественно, обрадовались.

Очередное лето закончилось, пора снова идти в школу, теперь уже в восьмой, выпускной, класс.

То ли, оттого что пришлось много бегать, то ли по причине хорошего питания на МТФ, но я начал быстро расти. За лето догнал своих одноклассников, а к зиме уже и обошел некоторых в росте. Из маленького ребёнка, как говорится, «метр с кепкой» я как-то быстро вымахал до метра семидесяти сантиметров. И, скажу честно, всем, кто до этого меня обижал из-за маленького роста, начал справедливо отдавать накопившиеся долги в виде подзатыльников и

пинков под мягкое место. А если кто по привычке пытался меня унижить, одним ударом разбивал нос или ставил синяк под глазом. Естественно, в классе стали относиться ко мне более уважительно, а некоторые ребята даже побаивались. Все знали, что, если драка началась, я не останавливался, пока нас не растаскивали старшие или я не забивал противника до беспамятства. Вот такой я был злой. За эту злость ко мне потом в ПТУ и приклеилась кличка Злой.

Между седьмым и восьмым классами я работал в колхозе наравне со взрослыми мужиками. Меня уже научили и сено косить, и землю пахать плугом в конной упряжке, и прицепщиком работать на тракторе. В общем, теперь я наравне со всеми колхозниками шёл на любой наряд, мне доверяли даже заскирдовать сено или солому, не опасаясь, что стог потом промокнет под дождем и отсыреет. Одним словом, я стал настоящим помощником как для родителей, так и для ближайшей родни. Всем нашим родственникам, у кого не было пахаря в семье, весной пахал огороды под посадку картофеля. Помогал косить и запасать сено на зиму, резать торф. В общем, физически я к этому времени накачался прилично. Бицепсов, конечно, не прибавилось, но тело стало хлестким и жилистым, как кнут «пастушка».

Окончив восьмой класс, я поехал поступать в ПТУ в город Шостка. А тут и медкомиссия в военкомате на призывное свидетельство подспела. В ПТУ меня зачислили без проблем, тем более там надо было только пройти собеседование и никаких экзаменов. Будущая моя специальность называлась «токарь-фрезеровщик». Хорошая профессия, рабочая. А навыки, полученные в родном колхозе, помогали мне потом всю оставшуюся жизнь.

Прикосновения к истории

Что творится в голове подростка, выросшего под опекой пожилых родителей (еще помнивших революцию семнадцатого года) в стране под названием СССР? Которого обучали учителя наших советских школ, сформировавшие его нравственные принципы и взгляды на жизнь, а затем воспитывала улица, где его окружали сверстники из разных семей — от сына уголовника до сына профессора. Ох, как много таилось в этой голове всяких мыслей, накапливаясь вместе с жизненным опытом, получаемым дома, в школе и на улице! Кстати, улица тогда в воспитании многих играла главную роль. А если учесть, что в нашей стране в каждой семье кто-то воевал, кто-то был репрессирован, а кто-то отбывал срок за решеткой, причем не всегда справедливо, то становится понятно, каким было это уличное воспитание.

Улица жила по своим правилам и законам. Именно здесь мы получали необходимые для жизни знания и понятия о том, как вести себя в той или иной ситуации, когда надо драться насмерть и как не попадаться. И здесь начинали понимать, что там, за чертой, не важно, какая это черта — война или ворота лагеря. А многие из взрослых, которые были тогда рядом с нами, подростками побывали и на войне, и в плену у немцев, и в сталинских лагерях для врагов народа.

На улице все было просто и понятно — там не существовало деления по возрасту и социальному положению, не было начальников, там все были равны и откровенны. Просто одни имели большой жизненный опыт и делились им, а другие слушали и перенимали его, задавая рассказчикам наивные, а порой и глупые вопросы. Нас просто завораживали воспоминания ветеранов как гражданской, так и Великой Отечественной войн, в которых они рассказывали о тяжелых боях и сражениях, разных опасных ситуациях, подлых поступках командиров и сослуживцев. С болью описывали, как сотрудники «особого отдела» и СМЕРШа кулаками выбивали признания из вернувшихся из плена бойцов и командиров. С не меньшим интересом слушали мы и тех, кто прошел страшную школу жизни сталинского ГУЛАГа. Их почерневшие лица, потухшие глаза и вставные позолоченные или железные зубы невольно наводили на всех какой-то гипнотический страх и одновременно приковывали наше внимание.

Прикосновения к войнам

Даже не знаю, о ком рассказывать в первую очередь: о бывших фронтовиках, которые выстояли и победили в двух кровопролитных войнах, или бывших узниках советского ГУЛАГа, испытавших на себе ужасы этой жуткой мясорубки человеческих судеб? Пожалуй, справедливо будет сначала обратиться к ветеранам войны. Ведь они спасли не только страну, но и тех, кто сидел в тюрьме, — победа над белыми и затем разгром фашистских захватчиков дают ветеранам право быть всегда первыми.

Итак, поговорим о ветеранах гражданской войны. Теперь-то мы знаем, какой кровавой она была и сколько жизней положено на алтарь красной победы. Но тогда люди, прославившие свои имена, были для нас героями: Щорс, Котовский, Буденный, Ворошилов. Блюхер, Чапаев, Пархоменко — да всех и не перечить. Много было и тех, кто именем революции убивал своих братьев, отцов, сыновей, просто безвинных людей. Врагами же страны в то время считались Деникин, Махно, Врангель, Капельников и другие русские полководцы белой гвардии, стоявшие насмерть за Россию без красных.

Вот что рассказывает ветеран и очевидец гражданской войны, живший недалеко от нашего дома.

«Дело было на Украине. Сумская область, Зноб-Новгородский район. Окрестности сел Глазово и Кривоносівка, хутора Хильчичи, сел Уралово, Очкино и города Новгород-Северска, что на берегу реки Десны.

На заливных лугах у Десны мужики косят сено. Эта территория по Брестскому договору принадлежала немцам. Появившийся в небе немецкий самолет, его называли аэропланом, бросает сверху листовки на украинском и русском языках — мол, здесь нельзя косить траву — немецкая территория. Плевать мужики хотели на эти бумажки, разобрали по карманам на самокрутки — бумага очень хорошего качества — и продолжают себе косить. Снова летит аэроплан. На этот раз с него сбросили мешок. Подошли мужики к мешку, смотрят с опаской. Потыкали палкой — что-то внутри есть. Развязали осторожно мешок, а там «жид». Еврей, мертвый, и записка при нем. Мол, мы видим, что вы народ неорганизованный, поэтому присылаем вам начальника — это они на труп намекают. Если не уберетесь, будете мертвы, как и он. Кстати, слово «жид» позже было запрещено Сталиным к произношению. Даже анекдот ходил такой: «Стоит мужик на остановке, к нему подходит второй и спрашивает, мол, что ты здесь в период сенокоса делаешь? Мужик замаялся, потом отвечает: «Я попутку подевреиваю...»

Даже слово «поджидаю» произнести боялись.

Возмутились косари, матом немца покрыли и продолжают косить траву. Аэроплан вернулся и давай по ним из пулемета строчить да бомбы на них кидать. Попадали мужики в траву, затаились. Тот покружил и скрылся. А крестьяне посоветовались и решили пойти и выбить немцев из Новгород-Северска, чтобы работать не мешали. Пошли мужики по домам, по селам и стали всех зазывать на войну с немцем. В гражданскую войну у каждого винтовка была, или пулемет, или наган. Собралось народу видимо-невидимо, от села Глазово до села Очкино толпа идет, и счету ей нет. Все настроены на страшный бой. Подошли к берегу Десны, река быстрая, широкая. Ждут мужики, пока паром с того берега придет.

А в это время в Новгород-Северском у немцев паника — увидели они это огромное войско, испугались. Побросали все, стали покидать город. Первыми смылись, как всегда, евреи и золотишко с собой прихватили, понимают, что грабить будут именно их в первую очередь.

Подошел паром, и начали мужики партиями через Десну переправляться. Полдня прошло, пока все переправились. Назначили командиров, разбились по взводам, готовятся к атаке. В это время немцы по телеграфу депешу в Москву: мол, нарушается Брестский мир, войско идет на Новгород-Северск несметное. Посылает ВЧК свой конный отряд из приграничья в

Новгород-Северск — разобраться, что за партизаны там объявились? Поскакал отряд, выехал на пригорок, стоят, смотрят. И правда, огромная толпа идет колоннами от реки Десны к городу, все вооружены, но без формы. Отряд двинулся навстречу, чтобы разобраться и остановить это войско. Увидели ополченцы, что скачут к ним вооруженные люди на конях. Кто-то крикнул: «Казаки, порубят всех, тикай!»

И пошла по рядам паника. Все обратно к реке кинулись, заполнили паром, отплыли от берега. Остальные — кто на лодках, кто на бревнах, кто просто вплавь — переправились обратно восвояси. Ох и народу потонуло в тот день — многие ведь не умели плавать. Так бесславно и закончился их поход на немцев», — завершает свой рассказ герой гражданской войны. Все смеются, потешно рассказывает, обхохочешься.

Теперь слово другому нашему соседу — ветерану Великой Отечественной войны. Мужик этот был просто богатырем — огромный человечий с руками силача. Все называли его Петровичем, и я, кстати, тоже, хотя многих не знал по имени и отчеству, о чем сейчас очень сожалею. Так вот, Петрович служил в разведке и после Сталинграда воевал на территории Украины. Он много рассказывал о походах в тыл врага и захваченных им «языках», вспоминал своих товарищей, а мы слушали, раскрыв рот. Но когда он начинал демонстрировать нам приемы боевого самбо или метания ножей, мы просто обалдевали оттого, как просто и легко у него все это получалось. За пару секунд связать пленного ремнем, палкой или веревкой, используя морские узлы, — это было что-то! Мы с удовольствием подставляли свои маленькие руки для испытания на прочность. Учились сами вязать морские узлы и метать ножи. Кстати, у Петровича был особый нож — нож разведчика, он нам его показывал и даже давал подержать в руках, а еще рассказывал, как и когда применял и как он помогал ему в трудных ситуациях на фронте и в жизни.

В одном из своих рассказов Петрович вспоминал, как однажды с группой бойцов ходил в разведку. Ночь была темная, безлунная, небо все затянуто тучами, как говорится, хоть глаз выколи. Но для разведчика это просто подарок — можно незаметно пробраться в тыл врага и взять «языка». Такая погода всегда гарантирует успех. Вот уже и заграждение проползли, прорезав колючку. В темноте показались неясные очертания немецких окопов. Время от времени немцы пускали в небо осветительные ракеты, и пока ракета горела, группа разведчиков замирала и вела наблюдение за врагом. В один из таких моментов заметили часового, стоящего у бруствера окопа. Он в свою очередь тоже вел наблюдение за передовой и, как только ракета взлетала, припадал к биноклю, осматривая колючую проволоку в том секторе, который, видимо, ему указал командир. Однако, поднося бинокль к глазам, немец на какие-то мгновения лишился ближнего обзора. А после того, как ракета гасла, некоторое время совершенно ничего не видел в окружавшей его темноте, пока глаза вновь не привыкали к ночи.

Петрович, как опытный разведчик, об этом знал. Вынув нож из-за голенища сапога, где носил его всегда, — такая привычка тогда была у многих разведчиков, он стал выжидать. А когда очередная ракета погасла, прицелился и метнул нож в часового. Послышался хлопок, будто кого-то стукнули кулаком по спине, хрипящий стон, а следом легкий шелест сползающего в окоп тела. Молниеносным броском разведчики переметнулись в укрытие окопа. Петрович, разглядев в темноте раненого часового, вторым ножом быстро добил его, чтобы, очнувшись, тот не наделал шума. Тело часового оттащили в боковую траншею и тихонько двинулись вдоль окопа, выставив сзади себя охрану.

Впереди показался немецкий блиндаж, откуда доносился легкий храп. Немецкие солдаты спали так же, как и наши бойцы, на шинелях, а вот офицеры — отдельно на специальных матрасах. По этим матрасам разведчики и ориентировались, определяя, кого брать в «языки». Привычным движением Петрович зажал немцу рот, второй разведчик схватил его за ноги, и одним рывком они быстро вынесли еще спавшего офицера из блиндажа. На свежем воздухе Петрович слегка стукнул немца по голове и уже спокойно засунул ему в рот кляп, связал руки

и ноги. Затем, плотно завернув пленника в плащ-палатку, бойцы вернулись к выставленному охранению.

Выбравшись из окопа и волоча за собой пленного фашиста, ползком двинулись в сторону наших позиций. Вот уже миновали колючку и приблизились к окопам. Но тут наш часовой то ли не разобрался, то ли ему что-то почудилось спросонья, вдруг начал стрелять по разведчикам из пулемета. Немцы, видимо, тоже проснулись и, обнаружив, что часовой убит, а офицера нет, открыли огонь в том же направлении, куда стрелял наш пулеметчик.

Попав под двойной огонь — своих и немецких пулеметов, Петрович прикрыл захваченного «языка» собственным телом и не шевелился, уповая на везение и Господа Бога. Через время, видимо, разобрались, что к чему, потому что стрельба с нашей стороны прекратилась. Издалека слышался отборный мат командира роты, что, мол, если, не дай Бог, кого ранили или убили, то всё — трибунал. Какими именно выражениями сопровождал командир свою речь, когда в ярости орал на дежурившего пулеметчика, — лучше не вспоминать, эти слова не для печати.

Пользуясь затишьем, разведчики рванули к своим окопам, затащив туда и немца. Тот, как оказалось, был все еще без сознания — то ли Петрович не рассчитал своих сил, когда стукнул его по голове, то ли случайно придавил, когда закрывал от пуль собственным телом. Прибывший санитар сунул немцу под нос нашатырь, потер виски и, пощупав пульс, успокоил разведчиков, что, мол, вообще-то, должен выжить. И когда фашистский офицер очнулся и начал бормотать что-то на своем родном языке, Петрович расслабился и только тут почувствовал на правой ноге что-то мокрое. Боли не было. «Наверно, в лужу попал», — подумал он и пошел в землянку. Примостившись у «буржуйки», снял сапог, размотал окровавленную портянку и ощутил сильную боль в ноге — пуля прошла по касательной и пробила мышцы голени. «В общем, это было сотое задание, выполненное мной, и первое ранение на фронте. Так что я счастливчик», — усмехнувшись, завершил он свой рассказ.

Мы, рожденные в пятидесятые годы, были очень близко к тому времени, о котором он вспоминал. Нам казалось, что это было вчера, да и Петрович рассказывал так, будто только что вернулся из боя и присел с нами отдохнуть и покурить. Это было время, когда все фронтовики ходили в гимнастерках, украшенных рядами боевых орденов, медалей и колодочек желтого и красного цвета, которые свидетельствовали о ранениях. Красные означали легкое ранение. Желтые — тяжёлое. У Петровича таких колодочек было три: две красных и одна желтая. Мы с благоговением трогали эти медали и ордена, читали выгравированные на них надписи. Это было прикосновение к той страшной трагедии, которая прокатилась по нашей стране и Европе. Два ордена Красной Звезды, ордена Славы третьей и второй степени, медали «За отвагу», за взятие Праги, Будапешта, Берлина — все эти награды красноречиво рассказывали о пройденном Петровичем пути от Сталинграда до Берлина. Мы страшно гордились нашим Петровичем и вообще нашими ветеранами и от всей души ненавидели фашистов. Даже когда играли в войну, никто не хотел брать на себя роль немца, желающих не было. Выход из положения находили, назначая немцами тех, кто был в нашей компании новичком или, кто провинился по какому-либо поводу.

Да, мы играли в войну, подражали ее героям и повторяли подвиги Петровича и тысяч других ветеранов, о которых знали по фильмам, книгам или рассказам фронтовиков. Но рядом с ними жили и другие так называемые «фронтовички», которые, оказавшись в плену, переходили на сторону врага и становились полициями у немцев. Отсидев после войны положенный по закону срок, узники возвратились домой. Мне казалось это страшной несправедливостью: почему этих предателей не расстреляли, почему они живут среди нас и работают с нашими родителями? Это было непонятно для меня и других парней, чьи отцы и деды воевали с фашистами и многие не вернулись с фронта, отдав жизнь за Родину. К детям этих бывших полицаяв всегда было особое отношение, с ними никто не дружил, их просто обходили вниманием. Так,

общались в школе, здоровались, но в игры свои не приглашали. А когда подходило празднование Дня Победы девятого мая, ветераны, выпив лишку, всегда вымещали свою злость и обиду на бывших полицаях. Бывало, что от словесных оскорблений переходили и к рукоприкладству. Между прочим, милиция этому не препятствовала, уважая душевную боль и праведный гнев ветеранов, накопившийся за годы войны.

Затем хмель проходил, все выпивали «мировую», и жизнь шла дальше. Позже мать рассказывала мне, что те полицайи, которые вернулись из тюрем, никого не убивали, а просто работали у немцев и пили самогон. Ничего плохого они не делали, наоборот, иногда даже помогали людям избежать отправки в Германию. Тех же, кто убивал местных жителей или наших бойцов, расстреляли на месте по закону военного времени.

Вот пишу все это спустя пятьдесят с лишним лет, а кажется, будто только вчера сидел на лавочке и, раскрыв рот, слушал истории ветеранов.

Запах зоны

Вторая категория рассказчиков — это бывшие заключенные, освободившиеся после отбытия наказания из тюрем и лагерей. Им посвящалась куда большая часть свободного времени нашего детства, поскольку эти люди, как правило, нигде не работали или же выполняли такие работы, которые по времени приходились на утро и вечер, а то и ночь. К примеру, дворник или сторож стадиона. А вообще, бывшим осужденным на работу было устроиться тяжело. Они быстрее других спивались или вновь принимались за свое преступное ремесло и довольно скоро возвращались на нары, заработав вторую, третью и так далее ходки. Летом они выходили на улицу в майках, черных штанах, сапогах и обязательно в кепке. Почему именно так они одевались, я не понимал, но думаю, это был своего рода уголовный фарс. Так они могли продемонстрировать свои наколки на теле, означающие их статус в иерархии воровского мира, а значит, и свои воровские «подвиги». Кепка, я уверен, это тоже воровской атрибут. Как ветеранов об орденах и медалях, мы расспрашивали их о том, что означает та или иная наколка на пальцах, кистях, плечах, груди, спине. У многих на груди, в районе сердца, был наколот профиль Ленина или Сталина, на плечах — замысловатые звезды, как у генералов дореволюционных времен, купола церквей, всякие звери с оскалом, змеи, пауки — в общем, настоящая картинная галерея. Многое из того, что они рассказывали, до сих пор сохранилось в моей памяти и даже, как ни странно, сыграло положительную роль не только в моем воспитании в то время, но и моих будущих учеников.

«Слушай сюда, парни, — начинал свой рассказ Мирон, строго оглядывая нас, — если выколот перстень с пятью горизонтальными рисками — четыре по углам и одна в центре — это означает: «Первая ходка».

Наколка перстня с решёткой в правом верхнем углу и затемненным левым нижним противоположным углом означает: «Привет кентам, позор ментам».

Перстень с затемненным правым верхним углом и нижним левым противоположным углом означает: «Дорога в зону».

Перстень с наколками слева на чистом квадрате зубчиков свидетельствовал о: «Заслуги перед уголовным миром» (количество зубьев совпадает с количеством заслуг).

Перстень с наколкой в виде ромба с затемненными верхним левым и нижним правым противолежащим треугольниками означает: «Знак лидера».

Христианский крест в кругу означает: «Склонен к садизму, насилию, неисправим».

Паук означает: «Наркоман».

Змея с мечом на фоне решетки означает: «Законченный садист».

Сердце на фоне решетки, проколотое мечом, означает: «Насильник». По наколкам легко было изучать биографию их хозяина. Но делать их можно только тогда, когда твои заслуги признаны авторитетами и ты получил добро на очередную наколку. За незаслуженные рисунки наказание было суровым, вплоть до смертельного исхода».

Много еще всякого нам рассказывал ветеран зоны. Что-то осталось в памяти, что-то забылось. Но первые уроки выживания в уголовном мире врезались в память навсегда. Например, наставление, как правильно входить в «хату» (камеру) — к кому обращаться при входе, не плевать в «хате» на пол, на любые действия спрашивать добро у старшего по «хате». Но не того, что назначили «вертухай» (охрана), а посаженного авторитетным вором в законе, то есть смотрящего, того, кто «хату» держит.

«Вот, к примеру, заводят тебя в «хату», — просвещал нас Мирон, — ты должен остановиться у двери и ждать, пока кто-то из шестерок не бросит к твоим ногам полотенце. Вытираешь краги (ботинки) о полотенце и бросаешь его к параше. Только после этой процедуры проходишь в «хату», снимаешь кепку и приветствуешь братву. Затем спрашиваешь, кто держит

«хату». Тебе показывают. Подходишь к нему и спрашиваешь, где твое место на нарах. При этом никому не подаешь руку и сам не пожимаешь протянутые руки, пока не узнал, кто есть кто в этой камере.

Получив свое место, бросаешь туда вещи и представляешься. Все, что у тебя есть из еды, отдаешь старшему, он сам решит, что кому. Затем рассказываешь, кто ты есть, какое у тебя «погоняло» (кличка) и по какой статье замели. Что «шьют», кого из авторитетов знаешь, были ли ранее ходки и по каким статьям. Все это, конечно, формальность, поскольку о каждом прибывающем в зону заранее приходит весточка, и если будешь говорить не то, что в «маляве» (записке), можешь иметь неприятности. Если ты новичок и у тебя первая ходка, после знакомства начнут поступать предложения «прописаться». Практически это означает добровольно подвергнуться побоям и выдержать их, не заплакать и не заныть до конца избияния, каким бы жестоким оно ни было.

Конечно, если есть хоть какая-то возможность избежать этого, нужно попытаться. Вообще, надо сразу поставить себя жестко, чтобы ни у кого не появилось сомнения, что ты его «грохнешь», если он к тебе хоть пальцем прикоснется. Сможешь себя так поставить — будешь уважаемым, нет — терпи «прописку». Но не дай тебе бог заныть или заплакать от боли — могут и до инвалидности забить. Или по решению старшего «опустить» и отправить под нары, к параше — в «петушиные» места. Наколут насильственно перстень для «опущенных» и другие порочащие накладки, чтобы сразу всем было видно, кто ты.

Ни в коем случае не сотрудничать с администрацией, иначе братки сразу посадят на перо или «опустят» и потом «вздернут» (повесят). А охране всей толпой скажут, что сам вздернулся. Но все же стукачей в каждой камере как всякой твари по паре. Точно так же и среди охраны лояльных к зекам полно, особенно в тех зонах, где преимущество на стороне воровского клана. Не доверяй никому, и себе доверяй только раз в год. Не болтай о том, о чем не спрашивают, не предъявляй никому обвинений без веских доказательств. Нет доказательств — руби топором, ножом пальцы, руку в качестве подтверждения своей правоты. Иначе приговор один — на перо, а без пальцев или руки прожить можно.

Играй в карты только на то, что есть у тебя в карманах, дальше начинается рабство. А из рабства два пути — либо на тот свет, либо на добавление срока вплоть до расстрела. Карточный долг для зеков — это святое. За долг скажут убить — пойдешь убивать, скажут отдать жену — отдашь, а убив, ты прибавляешь себе срок. В те времена в СССР по многим статьям была смертная казнь».

Все эти рассказы приучали нас уважать воровской закон, который, оказывается, нигде не описан, а передается из уст в уста. Знают его только воры в законе. Истории из уголовного мира открывали нам еще один срез общества, незнакомый и опасный, овеянный особой романтикой. От этих рассказов нам было немного страшно, немного неуютно, ибо каждый пытался представить, как он поведет себя в тюрьме, выдержит ли все это там, за колючкой. Мы понимали, что пока не готовы к такому испытанию, поэтому и игры про тюрьму не затевали.

Однако ветеран зоны по кличке Бритва, а звали его Мирон, учил нас не только правилам жизни, но и воровскому ремеслу. Начинал с мелочей, например, с помощью тетрадки вытаскивать ручку из кармана «лопуха». Взмах тетрадкой снизу вверх вдоль кармана одежды, где лежит ручка, — и обложка, зацепив за держатель ручки, извлекает ее из кармана. Почему Мирон из всех пацанов выбрал именно нас с моим другом Петей, я не знаю. Сам он говорил, что в нас есть что-то такое, что говорит о наших больших способностях в таком деле. А может, это был ловкий тактический ход — похвалить, поощряя для большего энтузиазма? Причины такого отношения мне неизвестны, но не прошло и полгода, как я уже свободно вытаскивал кошелек из любой сумки и открывал все имевшиеся на тот период времени замки.

Вторым этапом стало обучение мастерству залезать в форточки на первом или втором этажах. Тут было сложнее, однако и эту науку мы освоили быстро, а тренировался я на

собственной форточке. Забираешься на подоконник и, держась за раму окна, просовываешь голову в форточку. Подпрыгнув, зависаешь животом на нижней части форточки, затем переворачиваешься на спину и, ухватившись за верх рамы внутри комнаты, подтягиваешь все тело. И ты уже внутри.

Ключи для амбарных замков мы делали из старых гильз от автомата или винтовки. Вставляешь в гильзу гвоздь, совпадающий по размеру со стержнем внутри замочной скважины, и расклепываешь гильзу вокруг гвоздя. Остается напильником вырезать нужную бородку — и ключ готов. Сколько мы сумели вытащить ручек, совершить проникновений в форточки и вскрыть замков — об этом история умалчивает. А попались, когда однажды забрались в тир. Какой-то бдительный гражданин засек нас и вызвал милицию. Нас взяли, когда мы выбирались обратно. Я почему-то сразу представился как Белоногов Ваня, хотя звали меня иначе. Ну, не буду описывать, как нас допрашивали, как прочитали в моем дневнике настоящую фамилию и все время допытывались, кто нас научил и кто послал? Да кто же им скажет после жизненных уроков и наставлений Мирона! Закончилось все это направлением меня как трудновоспитуемого в школу-интернат города Крымска Краснодарского края. Первый жизненный урок — надо было ставить кого-то на стреме, как учил Мирон, а мы лопухнулись, никого не поставили, вот нас и замели.

Но этот опыт позже здорово помог мне в жизни, когда, выбрав для себя профессию военного, я служил в войсках КГБ. Для выполнения тех или иных заданий полученные навыки оказались просто бесценными.

Интернат

Те, кто в шестидесятые годы бывал в советских интернатах, меня поймут и не станут принимать мой рассказ за мальчишескую фантазию. Привезли меня в школу-интернат перед самым Новым годом, завели в большой холл учебного корпуса, в центре которого стояла огромная елка, украшенная разноцветными шарами и игрушками. От самого низа до макушки елка была увешана маленькими лампочками, которые сияли, мигая разноцветными огоньками. Я стоял как вкопанный и не мог оторваться от этой сказочной красоты. Такого я не видел даже в самом волшебном сне.

Но меня увели в кабинет директора, где долго длилась процедура моего документального оформления в государственное учреждение закрытого типа. Пройдя медосмотр и помывшись в душе, я переоделся в новенькую, сшитую по моему размеру ученическую форму с ремнем и кирзовыми сапогами. На ремне красовалась сверкающая бляха с двумя скрещенными ветками, а в центре — звезда с серпом и молотом. Одежда напоминала форму одновременно и зеков, и военных, только цвета была другого — темно-синего. Посмотрев в зеркало, я себя просто не узнал: о прежней жизни напоминало только мое бледное и немного испуганное лицо.

Меня отвели в класс, первый «Г». Занятия уже начались, и меня тихонько усадили за свободную парту. Был урок родной речи. Поскольку учебников мне пока не выдали, я просто сидел и слушал, что говорит учитель. Один из учеников предложил посадить меня к нему за парту, чтобы я мог читать учебник вместе с ним. Учитель разрешил, и я пересел. На перемене парень сказал, что его зовут Ваня Волков. Затем я познакомился и с другими ребятами, правда, вскользь: как и ко всем новичкам, ко мне отнеслись без особого доверия.

Меня быстро научили сидеть на уроках тихо — не шевелиться, не баловаться, не говорить без разрешения. Большую роль в этом сыграли длинная линейка, а иногда указка, которые не раз плотно прикладывались к моим рукам или стриженному затылку. И вот я уже стал на занятиях очень внимательным и прилежным учеником. По всем предметам, кроме чистописания, получал одни пятерки. А вот чистописание мне почему-то не давалось — как ни старался, выходили какие-то неровные палочки, черточки, кружочки. Хотя через некоторое время и по этому предмету мне поставили пятерку.

Однако учеба занимала только часть времени, и чаще всего эта часть проходила спокойно. На полдник нам обычно приносили прямо в класс кефир с булочкой, что для меня стало приятным сюрпризом. После занятий, пообедав, мы уходили в общежитие, и там начиналась уже иная интернатская жизнь.

Нас, первоклашек, почему-то разместили на четвертом этаже общежития, и мы ходили на свой этаж пешком по лестнице, поскольку лифта не было. Для малышей это было весьма утомительно. Оказавшись в общежитии, мы попадали в руки нашего воспитателя, к которому еще до моего прибытия приклеилась говорящая кличка Тиран. Поскольку я с ним еще не стал-кивался на узкой дорожке, то не знал почему.

Наши спальни располагались по обе стороны от большого холла, где с нами проводили все игровые и воспитательные мероприятия. Справа от холла — два спальных помещения для мальчиков, где находилась и моя кровать, а слева от холла — столько же спальных комнат для девочек. Днем нам, хоть и неохотно, но все-таки разрешали заходить в спальню к девочкам, и мы рассматривали, как заправлены их постели, как хранятся туалетные принадлежности на прикроватных тумбочках и какие игрушки им позволено иметь. Можно было спокойно посидеть на табуретках и поговорить с девчонками без присутствия воспитателя. Но в вечерние часы и ночью нас к ним не пускали.

К этому времени я уже подружился не только с Ваней, но и с девочкой Аней — помню только ее имя, два белых бантика в косичках и еще силуэт в школьной форме коричневого

цвета с белым передником. Я не любил коллективные игры и массовые развлечения и, уединившись с Ваней и Аней, рассказывал им сказки, которые когда-то слышал от своих родителей. А потом начал и сам придумывать, причем не только сказки, но и былины и разные страшные истории про всяких чудовищ. Слава о моих сказках вскоре прокатилась по нашим «спальникам» (так мы называли наше общежитие), и к нам начали присоединяться другие ребята из параллельных классов. Порой собирались в спальне целыми классами и слушали все, что я сочинял. Некоторые мои истории так захватывали, что их просили рассказывать по несколько раз. Так продолжалось до тех пор, пока воспитатель не заметил, что учеников в спальном помещении находится намного больше, чем в холле для игр. И тут настал мой черед познакомиться с нашим Тираном поближе.

Войдя в спальню, он дал команду всем выйти в холл, а меня, схватив за ухо, повел в комнату воспитателей — их было по одному на каждый класс, то есть шесть человек. Как только он меня не обзывал, а главное, кричал, что именно из таких, как я, идиотов вырастают бунтари и изменники Родины! Я так и не понял, в чем провинился и что плохого в том, что я рассказываю сказки своим товарищам. На первый раз мне повезло, может, потому что я по привычке молчал и не спорил с Тираном. Так или иначе, но все обошлось внушением и красным правым ухом, долго еще нывшим от руки воспитателя.

Кроме сказок, у нас было и еще одно интересное занятие — просмотр диафильмов. Телевизоров и иной аудио- или видеоаппаратуры в интернате тоже не было, только радиоприемник, который висел на стене, да и то его включали, когда разрешит воспитатель. А не было ничего потому, что этого еще не изобрели. Но для нас не это было главным, а то, что для просмотра диафильмов нужно было выключать свет, а значит, мы могли потихоньку смыться и до конца сеанса пообщаться отдельно от толпы. Диафильмы нам крутил сам воспитатель, и сам же читал титры под картинками, лишь иногда доверяя это девочкам, которые хорошо читали и имели громкий голос.

Был в нашем классе заветный талисман — игрушка ванька-встанька с музыкой внутри. Его у нас постоянно воровали другие школьники из старших классов (второго или третьего). Собравшись толпой из самых отчаянных одноклассников, мы ходили отбивать этот талисман. Руководил нами Гена, он считался самым сильным и самым задиристым, и все его немного побаивались. Но один случай положил конец его руководству. Однажды, уже не помню, за что, он разозлился на меня и стал догонять. Забежав за угол здания, а это было на улице, я поскользнулся и упал. В это время Гена прыгнул на меня и начал бить кулаками по спине. Я сначала испугался, но, почувствовав, что удары не приносят никакой боли, поднялся и врезал ему кулаком в челюсть, как учил нас фронтовик-разведчик Петрович. Гена рухнул как подкошенный и заплакал, а я сказал, что он больше не главарь, плюнул на его форму и пошел в общежитие.

С тех пор все наши походы и вылазки возглавлял я, а помогал мне в этом все тот же Ваня Волков. Ох, и отчаянный же был парень, выдумщик еще больше, чем я. Если, например, нам надо было смыться из общежития, он вставлял в розетку две иголки и замыкал их металлической частью ручки, удерживая её за деревянную часть. Были тогда такие перьевые ручки. Естественно, происходило короткое замыкание, предохранители сгорали, и свет гас. Пока ходили за электриком и потом тот менял пробки, мы смывались и успевали провести запланированную акцию, к примеру, по возвращению талисмана или наказанию тех, кто на нас стучал, а были и такие. Без драк не обходилось, однако мой немалый опыт в уличных сражениях принес свои плоды, и вскоре к нам стали уважительно относиться не только второклассники, но даже и третьеклассники.

Однажды, когда Ваня в очередной раз попытался сделать короткое замыкание, наш воспитатель поймал его с поличным. Притащил за ухо в холл, приказал нам всем построиться в две шеренги и повернуться друг к другу лицом. И стал рассказывать, что ждет Ваню и таких

преступников, как он, в будущем, употребляя при этом совсем не литературные выражения. После завершения словесной части процедуры воспитания Тиран приказал нам снять ремни и закрутить их на руку, оставив бляхи на конце ремня. И повел Ваню сквозь строй, требуя, чтобы мы били его этими бляхами по спине. Мы были напуганы и от страха и растерянности били, но старались делать это не сильно. Хотя те, кто был на Ваню зол или обижен, били изо всей силы. Уже в конце строя ноги у Вани подкосились, но он не плакал и не стонал, переносил наказание молча, что для нас стало хорошим уроком на всю жизнь. Когда публичная экзекуция закончилась, Тиран спросил, мол, теперь тебе понятно, как себя вести? Ваня, глядя ему прямо в глаза, ответил легкой улыбкой и кивком головы. После всего, что с ним произошло, он еще улыбался. Вот это сила воли! Он бы точно в тюрьме выдержал, да и на войне тоже.

Теперь пора сказать и о питании в интернате. Кормили нас четыре раза в день: завтрак, полдник, обед и ужин, но меню почему-то было скудным и однообразным. Завтрак давали всегда одинаковый, он состоял из ненавистного мне винегрета и глазуньи. Затем чай с булочкой — и так каждый день. Ассортимент блюд не менялся ни зимой, ни летом. Обед включал в себя суп или борщ, на второе — котлета с гарниром из макарон или картошки, компот — и это меню тоже было неизменным. К тому же порции по объему были маловаты для растущего детского организма. Ну а ужин, честно скажу, уже и не помню, — по-моему, давали то, что оставалось от завтрака и обеда.

Голод не тетка, и многие пытались унести с собой после обеда хотя бы кусок хлеба, которого давали сколько пожелаешь. Но выносить из столовой еду, которую не съел, запрещали. На выходе стояли старшеклассники из девятых или десятых классов и обшаривали наши карманы. У кого обнаруживали хлеб или булочку, отбирали, а взамен отвешивали крепкий подзатыльник. Однако я ухитрился спрятать горбушку в голенище сапога, поэтому мой хлеб не находили. После, уже собравшись где-нибудь в укромном месте, мы делили на всех и съедали этот вкуснейший черный хлебушек. Это было самое вкусное из всего, что я там ел, по крайней мере, тогда мне так казалось.

Скудное питание и тяжелые физические нагрузки, связанные с учебой и ежедневными подъемами по лестнице на четвертый этаж, подкосили мое здоровье. Однажды я прямо на лестнице потерял сознание. Меня положили в нашу внутреннюю больницу, в отсек, который почему-то назывался изолятором. Я смеялся: «Ну, блин, совсем как на зоне!» Проверив мое состояние и сделав анализы, врач назначил мне гематоген и усиленное питание: манку с маслом. Гематоген мне понравился, несмотря на то что он был жидким и тягучим, главное, он был сладким. Неделью я пролежал в изоляторе, потом меня выписали. Просто я, видимо, активно рос, и мой организм требовал больше витаминов и более калорийного питания. Но худа без добра не бывает. После этого случая в интернат пришла комиссия с проверкой, и выяснилось, что повара воровали мясо и вообще нам давали очень уж маленькие порции. Времена тогда были суровые, поэтому шеф-повара за воровство посадили, а нас начали кормить очень даже хорошо.

Так и протекала моя жизнь и учеба в интернате до тех пор, пока не пришла пора расставаться и с ним. Мои родители решили переехать из Краснодарского края в другую местность и, забрав меня из интерната, увезли с собой. Но память о времени, проведенном в интернате города Крымска, останется со мной до самой смерти.

Наши родословные

Хочу рассказать о матери и ее родословной. Мой дед по материнской линии Мирон Остапович Майданник родился в 1873 году, задолго до революции 1917 года.

Это был настоящий земледелец и труженик. Не покладая рук работал на своей земле, доставшейся ему по наследству от родителей. Нет, помещиком он не был, на своих десяти гектарах земли трудился от зари до зари вместе со своими родственниками. Когда подрастали дети, то и с детьми. Батраков дед не нанимал, управлялись сами. Построил ветряную мельницу, а на реке соорудил водяную мельницу, которую выписал из Америки. Наряду с производством сельхозпродукции занимался выращиванием крупного рогатого скота, а также помолом зерна на мельницах. Хозяйство было большое. Восемь лошадей, двенадцать коров, пятьдесят овец, ну а сколько было гусей, уток, индеек, кур — да кто их тогда считал! К нему везли зерно для помола со всей округи, поскольку только его мельницы производили муку трех видов: высшего сорта, первого сорта и грубого помола. Оборудование все-таки импортное. Беднякам дед молот зерно бесплатно, понимая их тяжелое положение. Вдовам с детьми из своего села всегда давал на зиму по мешку муки из собственных запасов. А вот пьянствующих и бездельников он ненавидел и гнал их в шею, когда приходили к нему кланяться денег или муки.

Однако грянула революция 1917 год, власть в России захватили большевики, и те бездельники и пьяницы, которых дед гнал в шею, теперь стали править на селе. Пока шла гражданская война, деда не трогали — всё-таки он помогал бедноте, да и Красную армию снабжал продовольствием. Но вот пришло время так называемого раскулачивания, когда голодранцам дали волю отбирать землю и имущество у крепких, зажиточных крестьян. Деда довольно долго обходили стороной, поскольку при организации колхозов он добровольно отдал часть лошадей и коров. Да и от продразверстки не уклонялся — хлеб поставлял исправно. Но когда появился ленинский указ об окончательном раскулачивании, игра деда «в поддавки с властью», как он сам это называл, не помогла.

Сначала отобрали мельницы. Затем конфисковали весь скот, оставив одну лошадь и по корове на семью. Мой дед понял, что власть эта гнилая, и быстро выдал своих дочерей замуж за середняков, выделив все, что положено, для хозяйства и в придачу по чугунку золотых царских червонцев. По тем временам это было целое состояние. Не успел он только, а скорее всего, просто не захотел уехать с семьей из России, хотя многие ему это советовали. И в 1922 году был арестован вместе с сыновьями как кулак и мироед. Все имущество деда конфисковали, а самого отправили в Соловецкий лагерь особого назначения, где он и умер в 1933 году.

Его жена, моя бабушка, Прасковья Корнеевна, родившаяся в 1871 году, в период раскулачивания в 1929 году умерла от инфаркта, или, как тогда говорили, от разрыва сердца. Не выдержала ареста мужа и сыновей и изъятия большевиками всего нажитого непосильным трудом. Вообще, ее не арестовали лишь потому, что они с дедом не были расписаны в ЗАГСЕ, а венчались в церкви, — большевики не признавали это браком.

Но их сыновья и дочери продолжали жить. Старший сын, Стефан, 1899 года рождения, сразу после начала войны в 1941 году ушел на фронт, воевал в штрафной роте, а после ранения, получив реабилитацию, вернулся в деревню и жил еще долго. Умер он в 1957 году, когда ему исполнилось пятьдесят восемь лет. Пережитое, да и ранение сделали свое дело.

Старшая дочь, Устинья, 1901 года рождения, вышла замуж, родила двух сыновей и двух дочерей. Её муж, Минко, погиб на фронте. Тетка Устинья испытала на себе все тяготы вдовьей жизни и немецкой оккупации. Но детей, как ни трудно было, подняла. Выпало на ее долю и еще одно испытание — немцы угнали сыновей в Германию на рабский труд. Только в последний год войны их освободила Красная армия, и они добровольцами ушли на фронт. Вернулись домой после Победы в 1945 году. Петр стал завучем в школе, Вячеслав трудился в колхозе.

Старшая их сестра Надежда уехала из села, а младшая, Нина, работала тоже завучем в школе, как и Петр.

Средняя из дочерей, Галина, 1903 года рождения, вышла замуж за Хоба — Терентия Козенка. Дядя Терех, как все его называли, быстро развернулся в торговле и в период НЭПа стал зажиточным торговцем. Позже, после отмены НЭПа, он и его жена за это подверглись преследованиям НКВД. А у них на руках уже были сын и две дочери. Скрывались по родственникам и знакомым, проедаая то, что было нажито. Но когда началась война, о них забыли и преследование прекратилось. Дядя Терех ушел на фронт и после окончания войны вернулся домой живым. Жили они долго и счастливо. Дядя Терех умер в 1976 году, тетя — в 1982 году. Дочери их остались в селе. Нина работала в магазине, Вера — в родном колхозе. Сын уехал в город и лишь иногда проводывал родителей.

Средний сын, Иван, 1907 года рождения, как и его старший брат Стефан, воевал в штрафной роте. Получив ранение, был реабилитирован и дошел до Берлина, но восьмого мая 1945 года попал под огонь снайпера и умер от ран. Его сыновья тоже сражались на фронте. Василий был танкистом, горел в танке, получил контузию. Владимир — подводник, дослужился до командира подводной лодки, капитан первого ранга, живет в Североморске.

Младший сын, Андрей, 1910 года рождения, как и его братья, прошел через штрафную роту, после ранения был реабилитирован. Погиб в 1943 году при штурме очередного немецкого укрепления. Где его могилка, никто так и не знает.

Младшая дочь, Евфимия, 1913 года рождения, вышла замуж последней. Ее муж, местный бедняк, ушел в Красную армию и погиб. Богатство Евфимии, данное ей отцом, как я ранее упоминал, — чугунок золотых царских червонцев, свекор забрал, а саму её после смерти сына выгнал из дома. Родня скинулась, кто сколько мог, купили ей хату, где она и жила до замужества с моим будущим отцом.

Рассказываю я все это по воспоминаниям матери и моих любимых тетушек. Кстати, все они были набожными, жили по христианским законам и мне тоже привили веру в Бога. И за что им любить советскую власть? Я не понимаю. Но Родину свою они любили — это точно.

По рассказам моего отца, наша родословная берет начало от вольных запорожских казаков, которые не захотели ходить под Речью Посполитой и причисляли себя к русскому воинству. Почти вся территория нынешней Украины, куда и входила Запорожская Сечь, называлась Малой Русью, а проживающий там народ — малороссами. Мы все помним из истории Переяславскую Раду, когда Малая Русь была присоединена к России и запорожские казаки присягнули российскому престолу. Во времена пугачевской смуты Екатерина II, опасавшаяся, что запорожцы поддержат восстание, расформировала Запорожскую Сечь и часть казаков переселила на Кубань, образовав Кубанское казачество. Когда мы с родителями жили в Краснодарском крае (Крымский район, станица Варениковская, улица Тельмана, дом номер 102), где я ходил в первый класс, помню, как отец рассказывал мне историю нашего рода. Правда, тогда было не принято, а порой и опасно знать свою родословную, и со временем многие забывали, откуда их корни. В нашем казачьем роду, как мне стало известно, были представители и другой крови, цыганской. Дед, отец моего отца, проводя по заданию казачьего атамана расследование очередной кражи лошадей, вышел на цыганский табор, которых тогда на Кубани было множество. Отбив лошадей, он увел с собой и полюбившуюся ему молодую цыганку, которая в дальнейшем стала его женой и родила ему четверых сыновей.

Мой отец, Мирон Андреевич, 1904 года рождения, в отличие от матери был совсем другого роду-племени. Бедный крестьянский сын. Хотя дед мой, Роговой Андрей Афанасьевич, 1864 года рождения, как я уже упоминал, происходил из запорожских казаков.

Бабушка, Евдокия Назаровна, мать моего отца, 1862 года рождения, и есть та цыганка, которая была украдена дедом из цыганского табора. Они с дедом довольно долго скрывались от преследования цыган, пока не появилось на свет двое сыновей. По цыганскому обычаю

после рождения двух сыновей преследование и месть прекращаются. Однако с казачеством деду пришлось покончить. Переехав в село Глазово, где жили их родственники, они стали простыми крестьянами.

Старший из братьев моего отца, Григорий, 1896 года рождения, вначале служил рядовым лейб-гвардии Измайловского полка. В период первой мировой войны за проявленное личное мужество был награжден четырьмя Георгиевскими крестами. Золотой крест, погоны прапорщика, сто золотых червонцев и дворянское звание ему вручал лично царь Николай II. В 1916 году при следовании в отпуск Григорий был ограблен и убит в городе Новгород-Северском.

Средний брат, Фока, 1902 года рождения, был заслуженным картографом. Имел правительственные награды. Его картами пользовались в период Великой Отечественной войны, не утратили они своей значимости и до нынешних времен. Офицер запаса, проживал в городе Пушкино, Московской области. Заведовал архивом КГБ. Умер в 1979 году.

Еще об одном брате моего отца, Кирилле, я почти ничего не знаю: когда родился, когда умер — нет никаких данных.

Теперь подробнее об отце. Мой отец — личность загадочная и неординарная. Окончил всего четыре класса церковно-приходской школы, но писал красивым каллиграфическим почерком и без единой грамматической ошибки. На матери он женился, будучи вдовцом и имея на руках двух дочерей: приемную дочь Александру и родную — Ульяну. После замужества мать родила мою старшую сестру Татьяну, ну и затем меня. Кем только мой отец не работал! Налоговым инспектором, председателем поселкового совета, секретарем поселкового совета, заведующим магазином, статистом, путевым обходчиком. Поколесил по всему Союзу в поисках лучшей жизни, но вернулся в родное село Глазово. Такая у него была манера. Молча собирался и, никому ничего не сказав, уезжал. Однажды пришло письмо из станицы Варениковской Краснодарского края: «Привет, жена, нашел благодатное место, продавай дом собирай детей и приезжай». Далее следовал адрес, куда ехать. Вот так же он в разное время побывал в Херсонской области, где я родился, затем на Кубани, в Сумской и Кустанайской областях. Да сколько их было, этих переездов, я уже и не помню.

В одну из своих ранних поездок, когда еще не был женат, оказался отец в Донбассе. Устроился работать на шахту — учеником шахтера. Попал под завал, ему ампутировали ногу. Стал инвалидом труда второй группы. Хотя в народе ходили слухи, что на самом деле он угодил на одной из станций под поезд, но история об этом умалчивает. Однажды, в очередной раз разъезжая по стране, попал на стройку Беломорско-Балтийского канала. Вышло это случайно: сотрудники НКВД совершали рейды по железным дорогам и всех, кто ехал без документов (а тогда все ездили без документов), снимали с поезда и отправляли на стройку века. Затем для выяснения личности задержанного писали запрос по указанному им адресу. Пока запрос шел туда, пока обратно, люди вкалывали на строительстве канала за еду. Хитро было придумано властью. Да никто особо и не спешил посылать запросы по адресам, невыгодно это было.

Поскольку мой отец был, как я уже писал, человеком грамотным, к тому же еще и инвалидом, тачки таскать его не заставляли. Он вел учет трудодней и смазывал колеса тачки, чтобы не скрипели. Пользуясь тем, что он грамотный, к нему обращались с просьбами послать запросы по разным адресам, что давали задержанные. Ответы стали приходить быстро, и людей отпускали.

На стройке трудились и заключенные, которых охраняли конвоиры с винтовками и с пулеметами на вышках. Им отводили самые труднопроходимые места. Однако и в этих условиях они умудрялись передавать отцу записки с просьбой написать жалобу или ходатайство о пересмотре их дел как незаконно осужденных. Многих мой отец тогда вытащил на свободу, представив в письменном виде их алиби на момент выдуманного властями преступления. Заключенные называли его не иначе как «пахан». Позже он рассказывал мне и про это,

и про гражданскую войну, про немецкую оккупацию и про нашу советскую власть. Много из услышанного я описал в своих рассказах. Вот такие у меня были предки.

Когда настал мой черед служить, я выбрал пограничные войска. Видимо, гены все же брали свое — меня тянуло на границу. Дослужился до капитана — на большее у моего командования не хватило терпения, уж больно я был правдолюбивым. Не раз вступал в схватку с бюрократической армейской машиной, защищая своих подчиненных от произвола начальства. Сотни бойцов, прошедших обучение, воспитание и службу в моем подчинении, вернулись домой живыми и здоровыми. И я всегда считал это своей главной заслугой перед народом и Родиной, которую была отнята у меня в Беловежской пуще, тогдашним президентом страны Борисом Ельциным.

Юность

Первого сентября тысяча девятьсот семидесятого года мы, зеленые первокурсники, собрались во дворе ПТУ №3 на линейку, посвященную началу учебного года. Перед нами с напутствиями и пожеланиями выступили директор училища Чепур, другие преподаватели, старшие ученики, рабочие завода и родители. Затем нас развели по группам и начались занятия. В перерывах мы выбегали во двор, кто-то торопился за угол здания покурить, кто в соседний магазин за пряниками, а я — к девчатам. Понравилась мне одна миниатюрная рыжая бестия. Такая она была беспокойная, такая подвижная и живая, ну настоящий огонь! Как потом выяснилось, звали ее Надеждой, фамилия Клочкова. Но познакомились мы чуть позже, а пока я просто наблюдал и любовался ею.

С девчонками я нашел общий язык быстро: рассказывал им анекдоты, читал стихи — литературный кружок в школе сыграл здесь положительную роль. Но однажды за этим занятием меня застала наша воспитательница и тут же записала в художественную самодеятельность как чтеца. Так до окончания ПТУ я и выступал со стихами на всех праздниках и концертах. И вот тут у меня, как и у всех влюбленных, снова прорезался дар стихоплетства. Написал я стихотворение для Надежды и подарил через свою знакомую односельчанку Свету Вожик. После этого мы начали встречаться. Вот отрывок из этого стихотворения:

*«Я встретил тебя в сентябре,
Когда листья еще зеленели,
Когда мы собрались во дворе
И любовью сердца загорелись...»*

Надежда была моей первой, но далеко не последней девушкой в училище. Встречались, целовались, обнимались, вздыхали при луне — и расстались друзьями. Влюбился в жгучую цыганку Маю, подбивал к ней клинья, делал комплименты, бегал следом, не давая прохода, но... не сложилось. Следующей была Аня, высокая стройная девушка, правда, немного ограниченная, особенно в отношении учебы. Я помогал ей по каким-то предметам, и мы начали встречаться: обнимались, целовались, вздыхали при луне и, как и с Надеждой, расстались друзьями. Потом я уже и не помню, сколько раз влюблялся и как звали мою очередную пассию. Познакомился как-то с местным жителем по имени Юра, работавшим на заводе, где мы от ПТУ проходили практику. Юра пригласил меня в свою компанию, где я увидел девушку, его соседку, Валентину Ященко. Начали мы встречаться. Вроде все было серьезно, но, как потом оказалось, конец нашего романа в точности повторил все предыдущие — расстались друзьями.

Даже не знаю, с чего начать рассказ о своей юности. Говорить об учебе — не интересно, о досуге — так это займет много времени и можно просто заскучать от монотонности событий. Постараюсь быть кратким в своих воспоминаниях.

На первом курсе все мы, кто приехал из деревни, на собственной шкуре испытали проявления, как теперь говорят, дедовщины. Оказалось, что она начинается не в армии, а еще на гражданке. Нам выдавали талоны на бесплатное питание — завтрак, обед и ужин. Когда началась практика, стали выдавать и деньги. Да и родители всегда привозили из деревни не только еду, но и деньги. Вот по вечерам нас и отлавливали либо выпускники из ПТУ, либо городские отморозки и «трясли», то есть отбирали талоны на еду и все деньги, что были в карманах. Могли и физиономию разбить, если начнешь сопротивляться. После первой «тряски» я сразу записался на секцию самбо и через три месяца занятий уже не боялся хулиганов. Правда, надо, сказать, что помогли мне не столько приемы самбо, сколько смелость, выработанная в процессе тренировок. Затем по воле случая я попал к тренеру по боксу и начал тренироваться

уже на ринге, но и секцию самбо посещал тоже. Получается, дедовщина послужила стимулом для занятия единоборствами.

А начало было такое. Есть у меня друг, Николай Лях, который сейчас живет в городе-герое Одессе. Мы подружились, когда я еще учился на первом курсе ПТУ. Все свободное время проводили вместе, а для связи придумали условный свист. Вечером выходили на улицу и свистели условным свистом, откликаясь и двигаясь на звук навстречу друг другу. Он научил меня нескольким блатным песням, которые мы распевали, когда работали или прогуливались по поселку. Кстати, на самбо мы тоже ходили вместе. Он и познакомил меня с Татьяной, которая в свою очередь вывела на будущего тренера по боксу. Пока же на работе я общался с одним мужиком, он трудился в термическом цехе. Как-то речь зашла о личной безопасности и боксе, он принес мне книгу «Уроки бокса», и я начал самостоятельно изучать все стойки, движения, удары, защиту. Ну а для безопасности он посоветовал мне носить с собой электрическую лампочку. «Не поверишь, — сказал он мне, — удар электрической лапочкой в лоб — и твой противник в нокауте». Я, конечно, с тех пор лампочку носил, но проверить, так это или нет, не решился.

Еще один бывший подводник порекомендовал мне запастись цепью от велосипеда, ею можно драться, не подпуская к себе противника, и никакого криминала. Милиция за цепь не ругала — тогда велики были у каждого.

Позанимавшись боксом самостоятельно, я понял, что не очень далеко продвинулся, и решил найти себе тренера. А если вспомнить уличные драки, в которых я всегда одерживал победу, похоже, у меня к этому виду спорта был какой-то талант. Через нашу общую с Николаем знакомую Татьяну вышел на мастера спорта по боксу Толика Черного. Он в городе Шостке и, в частности, на улице Депутатской был авторитетом в первой и последней инстанции.

А история его жизни такова. Он успешно занимался боксом и довольно скоро дошел до титула чемпиона Сумской области, на республиканских соревнованиях выполнил нормы мастера спорта. Но однажды, когда Толик гулял по городу с девушкой, какие-то хулиганы оскорбили его спутницу. Он вступился за честь девушки, завязалась драка. Естественно, он уложил всех пятерых, но под руку попала какая-то подружка из этой толпы. За хулиганство Толю посадили на четыре года. Отсидел он свой срок от звонка до звонка. Выйдя на свободу, стал часто выпивать с друзьями и как-то не мог вписаться в нормальный ритм свободной жизни. Само наше с ним знакомство было, на мой взгляд, интересным, и о нем стоит рассказать.

Ранее упомянутая Татьяна однажды показала мне его издалека и объяснила, когда и где его можно найти. Несколько дней я ходил по предполагаемому маршруту в ожидании встречи с ним и наконец увидел. Он зашел на почту, я — за ним. Когда Толик получил бандероль, я подошел и спросил, как говорится, в лоб:

— Это вы Толя Черный?

Он удивился моему вопросу, но спокойно ответил:

— Да, это я.

Со свойственной мне прямоотой я заявил:

— Можете научить меня боксировать?

Он внимательно посмотрел на меня и поинтересовался:

— А что, кто-то обижает?

Я невнятно пробормотал что-то типа «нет, но хочу научиться боксировать профессионально» и продолжал стоять в ожидании ответа. Опешив от моей настойчивости, он усмехнулся и назначил мне встречу. Но когда в назначенный час я явился, он и несколько его друзей были уже в изрядном подпитии. Меня это здорово задело, и, сильно рискуя, я со злостью высказался:

— Как же так, вы назначили мне встречу, а сами пьете! Где же ваше мужское твердое слово?! И вообще, я хочу научиться у вас боксу, а не пьянствовать в кругу друзей.

Если учесть, что он был чемпионом в тяжелом весе, а все его друзья — бывшие зеки, наглость моя была просто беспредельной. Но, как я и рассчитывал, это подействовало на него в положительном плане. Он извинился и назначил мне первую тренировку на четверг. Помню еще, что я подтвердил встречу вопросом:

— Значит, после дождика в четверг?

Когда я приехал к нему домой, он уже ждал меня. Для первой тренировки мы пошли на поляну у реки. Как говорится, все началось с «обкатки танками». Он бил меня, а я уклонялся, защищался, конечно, как мог. Когда удар попадал по мне, я отлетал метров на пять, но вставал и снова шел на него. Пару раз он спросил:

— Может, достаточно?

Но я был настроен на драку до конца. Падал, поднимался и снова шел на него. Бил он меня, наверно, минут тридцать, не меньше, но мне казалось, что прошло уже часа три. Наконец он сам сказал:

— Все, стоп! Я понял, что ты настырный и не боишься боли, а для бокса — это не последние качества бойца.

Итак, мы начали тренироваться три раза в неделю. Толя перестал пить, купил гири, скалку, стал делать зарядку и вообще решил восстановить свою былую спортивную форму. Его мама была счастлива, что я вернул его в нормальный ритм жизни, за что подкармливала меня пирогами. А увидев под моими глазами синяки, ругала своего сына за то, что «побил парнишку». Мой вес тогда был шестьдесят семь килограммов, а у него — сто пять. Но тренировки свое дело сделали: через полгода он уже просто не мог попасть по мне: я «порхал, как бабочка, и жалил, как пчела». Теперь уже ему доставалось от меня. Конечно, мои удары не могли причинить ему никакого вреда, но он злился и начинал бить в полную силу. И эти его удары, встречаясь с моей защитой, отбрасывали мое тело на несколько метров.

Однажды, явившись на тренировку, я увидел, что его ждет какой-то парень. В этот день мы пошли на тренировочную площадку втроем. Здесь Толик отозвал меня в сторонку и объяснил ситуацию. Выяснилось, что парень толкнул его на автобусной остановке и не извинился, за что Толя наказал его легким ударом по печени. Парень оказался боксером, и теперь они должны драться вроде как на боксерской дуэли, чтобы выяснить, кто из них сильнее. Меня же пригласили в качестве секунданта.

После разминки надели перчатки, и поединок начался. Кстати, — это был, пожалуй, единственный «джентльменский» поединок, который я видел в своей жизни. Обычно дрались либо толпой, либо не по правилам бокса.

В первом же раунде Толя парня нокаутировал. Извинившись и пожав друг другу руки, они разошлись. А мы продолжили тренировку.

Наступил день, когда Толя заявил, что уже научил меня всему, что сам знал. Теперь мне нужен был другой тренер, который сможет подготовить меня к выступлению на соревнованиях. В назначенное время мы пришли в спортзал завода «Свема» города Шостки, где Толя познакомил меня с молодым тренером и, как говорится, передал из рук в руки.

Дальше последовали изнуряющие как по технике, так и в физическом плане тренировки. Через три месяца тренер провел соревнования внутри секции, и я оказался абсолютным чемпионом, победив всех, включая и тяжеловеса. На этих соревнованиях в качестве боковых судей и рефери присутствовали другие тренеры. И один из них, тренировавший секцию из тринадцатого ПТУ по «Трудовым резервам», забрал меня к себе. Выписали мне ученический билет ПТУ №13, и я начал готовиться к первенству города. С тех пор цифра «13» стала моим счастливым числом, своего рода талисманом. Соревнования были назначены спустя три месяца. Не буду описывать волнение и прочие нюансы моего внутреннего состояния, но я выиграл их без

единого поражения и стал чемпионом города Шостки. Конечно, в весе до шестидесяти семи килограммов по «Трудовым резервам». Мне присвоили третий взрослый разряд по боксу и вручили зачетную книжку, которой я теперь мог хвастаться перед друзьями. От радости и гордости голова у меня пошла кругом. Но тренер быстро привел меня в чувство, посоветовав не обольщаться и сразу начать готовиться к областным соревнованиям.

В период этой подготовки я участвовал по ходу в соревнованиях и по линии «Спартака», и по линии «Динамо». В общем, для получения практики тренер возил меня на все встречи городского уровня, и, после того как я все поединки блестяще выиграл, мне присвоили второй взрослый разряд по боксу. Впереди были областные соревнования, которые приурочили к Первомайским праздникам.

Мы заранее приехали в город Сумы, расселились в общежитии какого-то ПТУ и начали усердно готовиться. Медосмотр, взвешивание, жеребьевка. Помню, как сильно мне хотелось победить и получить наконец первый разряд. Поединки проходили с большой отдачей сил и, конечно, здорово изматывали меня. В моем весе выступали двенадцать спортсменов, и всех их надо было победить.

Сначала соревнования шли по круговой системе, а потом по олимпийской: проиграл — вылетел. Но мне повезло, боксировал удачно и одерживал одну победу за другой, причем все с нокаутом. В финал мы вышли с парнем из Винницы, достаточно сильным боксером. На первом круге он попался мне третьим, проиграл, и вот теперь мы вновь встретились уже в финале. В конце второго раунда парень упал на помост ринга, и его тренер выбросил полотенце. В результате моих ударов у него оказалась сломанной челюсть, ведь перчатки тогда были набиты конскими волосами и не имели нынешней жесткости, а на голову не надевали защитный шлем.

Я стал чемпионом Сумской области в весе до шестидесяти семи килограммов по «Трудовым резервам» и получил первый взрослый разряд по боксу. Радости моей не было предела. Вот только была она, к сожалению, недолгой. Десятого мая 1972 года меня призвали в армию, в пограничные войска. Прощай, гражданская жизнь! Мы с Николаем Ляхом очень хотели, служить вместе и даже ходили по этому поводу в военкомат, но, поскольку он был на год моложе меня, ему велели ждать своего призыва.

Моя правда о границе

Срочная служба, высокогорье

Десятого мая 1972 года я ушел на службу в армию. Собрали нас возле военкомата, нескладных, постриженных наголо, одетых в старую, практически негодную одежду, — все равно ведь придется выбрасывать или старослужащие заберут, чтобы в самоволку бегать. Это мы уже знали от тех, кто отслужил. Провожали меня Николай и прочие мои друзья, ну и, конечно же, девушки. Их было на тот момент три. Правда, лишь с одной из них все было серьезно, а остальные так, про запас. Ну там, суматоха, построение, посадка в автобус — и затем знакомой дорогой в город Сумы, на сборный пункт. В Сумах жили суток трое, пока нас разбили по командам — и вперед, заре навстречу. Но я смог написать своей девушке стихотворение:

*«Был рассвет затуманенный, расцветали сады,
В это утро весеннее мне промолвила ты:
— Вот уходишь ты в армию, оставляешь тоску,
И платок твой с оливою заскользил по виску...»*

В дороге я сдружился с Ваней Замесой из Винницы. В Киеве у нас была пересадка, потом еще сутки ждать поезда на Львов. И мы с другом, естественно, решили рвануть к моей старшей сестре, которая жила в Киеве. Остальные ребята прикрывали наше отсутствие. У сестры побыли недолго, она нас накормила, положила в дорогу всякой еды и дала мне старый пиджак своего мужа, чтобы не замерз. По дороге обратно мы успели купить в магазине гармошку «Тальянку» и явились на вокзал уже почти к самому прибытию поезда. Зато теперь было весело. Ваня умел играть на гармошке, мы пели песни и развлекали скучающих в зале ожидания пассажиров.

Вот, наконец, и поезд, а утром мы проснулись уже в городе Львове. Снова долго сидели на вокзале, ждали поезда в Мукачево. Время летело незаметно, с гармошкой-то! Но наш капитан Муравлев все больше нервничал. Народ устал, никто его не слушал и не подчинялся приказам, ходили по городу толпами. Он боялся, что мы попадем в какую-то историю, и, как оказалось, не напрасно.

У меня с собой был подарок отца — опасная бритва. В туалетной комнате вокзала к нам пристал какой-то могучего телосложения мужик, отиравшийся на вокзале.

— Вы — подонки, едете служить «москалям». Я вас передую по одному, сволочи, — заорал он и бросился на меня.

С мгновенной реакцией боксера я выхватил из кармана опасную бритву. Резанул его по протянутой руке, а затем по горлу. Не знаю, попал по горлу или нет, потому что мы сразу убежали и доложили нашему капитану о том, что нас хотели побить. О бритве я, разумеется, умолчал. Капитан вызвал милицию, пошли в туалетную комнату, но там, кроме капель крови на полу, ничего не было. Я так понял, что это был бандеровец, украинский националист, ненавидящий Советский Союз.

А еще там же мы впервые столкнулись с бывшими хозяевами этого города. Слоняясь по улицам, как-то увидели мужчину, который с печальным видом разглядывал большой четырехэтажный дом.

Мы поинтересовались, что там такого интересного, что он так долго смотрит. Не поворачиваясь к нам, и не отрывая взгляда от дома, он грустно произнес:

— Это мой дом. Я его построил, владел им, а потом советы его у меня забрали. Голодранцы!

В его голосе прозвучало столько злобы и ненависти, что мы приняли его за сумасшедшего и поспешно удалились. А ведь это был 1972 год, значит, уже тогда на Западной Украине зарождался национализм. А может, он был там всегда?

Прибыл наш поезд до Мукачева, и, погрузившись в вагоны, мы сразу завалились спать. Тем более капитан предупредил, что на место приедем в пять утра. Было еще темно, когда нас высадили на каком-то полустанке. У платформы стояли грузовые ЗИЛы с тентами, в которые нас погрузили после переклички. Ехали долго, в основном все горами, долами. Вот и конечный пункт — поселок Великий Березный. Закарпатье. Мать моя женщина!

Для начала нас повели в баню, где мы наконец сбросили с себя гражданку, которая тут же пошла под топор. Оказывается, в погранвойсках с этим строго: либо отсылай гражданскую одежду домой, либо под топор. Помывшись, получили новое военное исподнее белого цвета в виде рубашек и кальсон, а еще портянки. После этого, подбирая строго по размеру, нам выдали военное обмундирование и зеленые фуражки. Когда мы все это надели, удивились тому, что просто перестали узнавать друг друга — все стали какие-то одинаковые.

После бани был обед в столовой, а затем нас строем отвели в казарму. Вот тут сержант и увидел мою опасную бритву, которую я достал, чтобы побриться. Бритву тут же изъяли как холодное оружие. В казарме нас распределили по отделениям, представили наших командиров и показали койки, где будем спать. И наконец, выдали оружие — автоматы АКМ 7,62 мм, которые мы тут же стали изучать и чистить. А когда научились разбирать, собирать и чистить оружие, получили задание все бирковать, то есть отмечать с помощью бирок. Место для своего оружия — бирка; противогаз — бирка; подсумок для магазинов — бирка. Саперная лопата, на чехле — бирка; сумка для гранат — бирка. После этого раствором хлорки рисовали бирки на обмундировании. Фуражка — бирка, китель — бирка, брюки — бирка, сапоги — бирка, ремень — бирка. Как шутил наш старшина, если на воинскую часть упадет ядерная бомба — три дня с неба будут сыпаться бирки, а если она не взорвется, ее забирают.

Затем начались занятия на учебном пункте. Пограничника, как и волка, ноги кормят. Кроссы, марш-броски в противогазах и без них. Стрельба, тактика, оружие массового поражения, боевое самбо, обучались следопытству. Несмотря на мой титул перворазрядника по боксу, я ничем не отличался от других бойцов. Каждодневные тренировки вымотали меня окончательно, и я стал просто доходягой, похудев до неузнаваемости, впрочем, как и все остальные.

Когда в часть пришел запрос на отправку в другие учебные пункты типа школы поваров, школы артиллерийских мастеров, школы кинологов, меня почему-то убедили поехать в школу артиллерийских мастеров в город Шепетовку. Если честно, мне было до лампочки, куда ехать. Только бы подальше от этих поросших лесом гор и холодных горных ручьев. Опять же, хоть несколько дней передышки, пока доберусь до этой школы.

Сначала мы оказались в отряде, где нас доукомплектовали обмундированием, выдали парадную форму и привели к торжественной присяге у знамени части. Было это тридцатого мая 1972 года. В школу нас попало двое — я и Ваня Замеса, тот парень из Винницы, с которым мы сдружились в пути. Пока ехали в поезде, все было нормально. Оказывается, наш советский народ хорошо относится к пограничникам, можно даже сказать, любит их. Нас все время пытались угостить, чем-нибудь вкусненьким, спрашивали, тяжела ли служба. Мы отмалчивались, да и что мы могли сказать, пробыв в учебном пункте всего лишь месяц. Но вот и город Шепетовка.

Как же мы разочаровались, когда узнали, что такое эта общевойсковая артиллерийская школа! Оказывается, мы будем учиться у «шурупов», так пограничники называли остальные рода войск за то, что они носили пилотки, — если смотреть на солдата в пилотке сверху, он был похож на шуруп. Сюда же приехали и семеро десантников в ярких голубых беретах. Не

скрою, я мечтал быть десантником. Даже на призывных сборах совершил три прыжка с парашютом с АН-12. Естественно, мы сразу подружились и решили стоять друг за друга. Особенно я сошёлся с Колей Пахомовым, который расположил меня к себе своей рассудительностью и зрелостью мышления. Но об этом позже.

Итак, началась серьезная учеба. Нас готовили стать мастерами по ремонту оптических и электронно-оптических приборов. Параллельно изучали «Шилку» и «ПУАЗО» — ныне устаревшие артиллерийские системы. Учеба и боевая подготовка крепко сдружили нас, сплотили в единую команду, и мы начали бороться за звание «лучший взвод» в социалистическом соревновании. Командиром моего отделения был Брижанин, родом из Молдавии. В общем, драил я полы, лестницы и туалеты по одной простой причине — я умел ругаться на молдавском языке. Никто, кроме него, не понимал, куда я его посылаю.

Учиться мне нравилось, я прекрасно освоил все премудрости этой науки и стал отличником учебы, а моя фотография красовалась на Доске почета. Но это не самое интересное, были в этой службе и более занятные моменты.

В Шепетовке как раз снимали телефильм «Как закалялась сталь» с Конкиным в главной роли. Артистов известных понаехало — почти вся команда из фильма «В бой идут одни старики», кроме, конечно, Леонида Быкова. Они выступали перед нами, пели песни, читали стихи, рассказывали про кино. В ответ нас послали помочь им с массовками. О, это была прекрасная неделя! Впервые в жизни мы присутствовали на съемках фильма, открывая для себя киношные тайны. Оказывается, ветер в кино делается двигателем самолета, дождь льет из рукава пожарной машины.

Конкин, как выяснилось, не умел держаться на лошади. Каскадерам пришлось его этому учить, и он все же освоился и сам выполнял многие трюки. Снимали и меня в массовках: на похоронах красноармейца прямо перед моим лицом в буденовке проплыла камера с оператором. Дело в том, что для съемок прокладывали рельсы, по которым катали камеру. Теперь об этом знают все, а тогда для нас это было очень интересным открытием.

Не меньшим по значимости событием был и приезд ко мне моих родных и друга Николая Ляха. Такое в армии бывает не часто, а особенно в те советские времена всеобщего запрета. Затем меня навестили девушки — моя нынешняя жена с подругой. Тут мне повезло: наш сержант в эту подругу втрескался, и моя жизнь с того момента стала нормальной. Вот только сержант надоедал своими расспросами о ней. Я, конечно, врал как мог, но это спасало меня от нарядов вне очереди и задания драить полы. Конечно, не обошлось и без самоволок. Я убежал к девушке, переодевшись в робу и прихватив с собой штык-нож от АК. Как она меня такого тупого и безбашенного терпела, не могу понять до сих пор.

А еще у меня была довольно приятная общественная нагрузка: я ходил в школу и занимался патриотическим воспитанием пятиклассников. Рассказывал им про суровые будни границы, о которых я сам тогда еще ничего не знал, но много читал о них в книгах и видел в кино. Дети слушали меня с интересом, задавали много вопросов, почему-то в основном про собак. Я, конечно, использовал весь свой багаж знаний, вспоминая уроки по следопытству. Дети есть дети, они искренне радовались всему новому и еще тому, что я, взрослый парень, пограничник, говорю с ними на равных. Я это понял и позже использовал в своей педагогической работе. Имею в виду — говорить на равных.

Но скоро этот рай закончился. Правда, то, что это был рай, мы поняли, только попав на границу. Из школы нас выпустили, вручив значки с буквой «М» и удостоверение «Мастер по ремонту оптических и электронно-оптических приборов», где все оценки были отличные. Мы прибыли назад в Мукачевский пограничный отряд, но, поскольку разнарядка на нас еще не поступила, были направлены на пограничную заставу Шаламоново. Начались пограничные будни.

Кошмар первых недель службы я не мог себе представить даже в самых буйных своих фантазиях о пограничной службе. Завтрак — в обед, обед — в ужин. Боевой расчет в девятнадцать часов, сутки начинаются с двадцати ноль-ноль и до двадцати ноль-ноль. Ночью — служба, днем — сон. Пешком по двадцать пять километров вдоль системы и КСП (контрольно-следовая полоса) с ФАСом (фонарь аккумуляторный следовой) в руках. Дождь, грязь, ноги разъезжаются в стороны, на сапоги налипают грязь, а ты должен идти и не можешь ни отдохнуть, ни выключить ФАС. Периодически мы его выключали и тихонько возвращались на полкилометра назад, затем вновь включали и имитировали прохождение нового наряда, а прежний вроде как засел в засаду. Наверное, это были необходимые пограничные хитрости. Но от этих хитростей ноги просто гудели, от пальцев до самых колен. Вернувшись на заставу, чистили одежду, приводили в порядок обувь, оружие. Проглотив дополнительный пограничный паек, падали и засыпали.

Пару раз за время сна нас поднимали по тревоге: «Застава, в ружье! Сработал пятый участок правого фланга!» Запрыгнув в машину, ехали на этот фланг, перекрывали участок границы, ждали, когда тревожная группа выяснит причину срабатывания сигнала, и, вновь почистив обувь, отправлялись спать дальше. Проспав положенное количество часов, шли к старшине получать задание на хозяйственные работы — доить корову, рубить дрова, чистить свинарник, кормить свиней, мыть заставу. Работы было много, все делали сами, причем с удовольствием. Это была наша застава, наш второй дом.

Постепенно привыкнув к службе, втянувшись в её будни, начинаешь постигать всякие пограничные хитрости, которые реально облегчают жизнь. Например, если сапоги обильно смазать рыбьим жиром, грязь при движении сама отваливается от сапог. Или, если использовать при ходьбе «турецкую» походку (загибая носки внутрь), не так устают ноги. Еще один секрет: ночью надо смотреть в луч фонаря одним глазом, а затем через десять минут — другим, при этом глаза не так утомляются и КСП не плывет.

Не могу не написать и о том, что мы видели на той стороне границы. Застава располагалась на рубеже между Венгрией и Чехословакией, в то время Чехия и Словакия были еще одной страной. С той стороны вдоль всей границы был проложен асфальт, пограничники ездили по нему на машинах с открытым верхом и наблюдали за всем, что происходит на прилегающей территории. Часто мы видели их с девушками, распивающими пиво прямо из бутылок. Они кричали нам: «Пограничники, давай к нам, будем пиво пить и девушек любить».

Суки! Как они нас этим раздражали, как они нас злили! Но, по сути, зачем им быть бдительными, если у нас ширина КСП двенадцать метров, колючая проволока «Системы С-100», различные датчики, вышки наблюдения, радиолокационные станции и тому подобное? Мы по-настоящему держали границу на замке. Ползая по грязи, наматывая на сапоги километры. Если разобраться, им и оставалось только кататься на машинах по асфальтированной дороге и расслабляться с девушками. Уже тогда на Западе всё делалось для людей, а у нас — всё для Родины.

Было у меня и первое задержание нарушителя границы. Это произошло в одно из дежурств на вышке у реки Тисы. Вечерело, скоро я должен был сняться и убыть на заставу. Вдруг вижу на том берегу движение — я в ТЗК (труба зенитная командирская). Вот это да! Молодая женщина, раздевшись, причём догола, собрала одежду в целлофановый пакет, привязала его себе на голову и поплыла в нашу сторону. Ну, я, конечно, к трубке, доложил на заставу. Тревожная группа выехала, я продолжаю наблюдать с вышки. Вот она вышла на берег, совершенно голая, стройная, красивая телом. Блин, в тот момент я забыл про всё — про Родину, про заставу, про свой долг. Но она оделась — и я очнулся. Вот она идёт к КСП, затем вдоль нее, ищет тропинку и ворота в заборе «С-100». Ничего не найдя, шагает напрямую через КСП, подходит к забору, разгибает проволоку и ныряет в образовавшийся проём. Я докладываю на заставу, тревожная группа еще в пути. Получаю команду на задержание. Срываюсь с вышки и

бегу, пригибаясь к траве, наперерез. Вот и нарушительница, быстро шагает в сторону поселка. Я вырастаю перед ней из травы: «Стой, пропуск!»

Она пугается до крика и опускается на колени, потому что ноги сами подкосились. Говорит мне что-то на своем языке. Отдельные слова я понимаю, они схожи с украинскими. Держу ее на мушке. Подкатила тревожная группа, овчарка, почуяв запах чужого, начала громко лаять. Передав задержанную офицеру тревожной группы, доложил обстоятельства задержания, показал всё на карте и на местности. Затем женщину увезли, а я снова полез на вышку — тащить службу и ждать смены. Очень надеялся, что получу какую-то награду за задержание нарушителя границы, но — хрен, её получили другие, а я как временно прикомандированный был забыт.

Но и этому этапу моей жизни пришёл конец. Согласно полученной разнарядке на мастеров меня направили в Зайсанский пограничный отряд, Ваню — в Курчумский пограничный отряд Восточно-Казахстанской области.

Служба в высокогорье вспоминается мне чаще всего, может, потому что она была срочной, а может, потому что проходила на китайской границе. Но скорее всего, потому что это была моя молодость.

После прибытия в отряд меня определили в ОРТМ (оружейная ремонтно-техническая мастерская), на должность мастера по ремонту оптических и электронно-оптических приборов. Жили мы в автороте, а на службу надо было являться в мастерскую. Начальниками моими были прапорщик Кирьянов, начальник ОРТМ, и лейтенант Ванявкин, начальник арттехвооружения отряда. В мастерской нас работало четверо: командир отделения — он как раз увольнялся, химик-дозиметрист Виталик Остафьев из Москвы, связист — ремонтник радиоточек Леша и ваш покорный слуга.

Живя в автороте, я наблюдал все отрицательные стороны службы в этом подразделении. Дедовщина там была просто махровая: служба дневальными, мытье полов, чистка картошки — все это ложилось на плечи солдат первого года службы. Неуставные отношения пытались применить и ко мне. Первая стычка произошла из-за парадной формы, а вернее, из-за ботинок к ней.

Мы все должны были присутствовать на торжественном заседании в клубе части в парадной форме. Когда подошла моя очередь брать ботинки, я увидел, что их нет на месте. Но я-то был дисциплинированным пограничником и внутри ботинок хлорной известью, разведенной с водой, четко вывел свою фамилию, имя и номер военного билета. Поэтому бойца, позарившегося на мою обувь, обнаружил быстро. Им оказался «дембель», который, как выяснилось, приготовил мои ботинки себе домой. Два удара боковых справа и слева — и «дедушка» рухнул между кроватей, а мои ботинки оказались на ногах своего настоящего хозяина.

После торжественного собрания мы сдали парадную форму в каптерку и стали готовиться к отбою. А после отбоя собрание «дедов» пригласило меня в ленинскую комнату для профилактической беседы. Ну, слово за слово, кулаком по столу — и, погасив свет, меня начали бить. Я, естественно, резко ушел в сторону и, едва различая в тусклом свете окна ленинской комнаты силуэты «дембелей», стал наносить по ним удары. Они падали как подкошенные. Когда свет включили, на полу лежало человек пять еще не пришедших в сознание «дедов», трое уже поднялись и, постанывая, держались руками за лицо и ощупывали синяки. Я стоял в боевой стойке и был готов к продолжению «беседы». Тут вошел старшина роты Гатиатулин, тоже срочной службы, и, осмотрев побитых «дедов», засмеялся: «Ну что, воспитали молодого?»

Затем последовала команда всем спать. Я, конечно, долго не мог уснуть, ожидая провокаций от «дедов», думаю, и им было не до сна, поскольку пришедший фельдшер долго еще приводил их в чувство. На следующий день один из «дедов» подошел ко мне и спросил: «Ты что, боксер?» Я ответил, что да, перворазрядник, чемпион по боксу Сумской области. После

этого никто больше ко мне претензий не предъявлял, а тут мне как командиру отделения как раз присвоили звание, и жизнь вошла в нормальное русло.

Однако скоро приказом командира части я был откомандирован на пограничные заставы, с первой по тринадцатую, — то самое счастливое число. Послали меня ремонтировать приборы наблюдения, которые вышли из строя. Я быстро собрал в дорогу свой чемодан с инструментами, радости не было предела — я ехал на границу, на боевую границу с Китаем.

На первую заставу, которая располагалась на равнинной местности, прибыл поздней осенью. Долго я там не задержался. В течение трех дней отремонтировал все бинокли и иные приборы наблюдения, и меня перевезли на следующую заставу. Так я прошел эстафетой по всем заставам, пока не добрался до тринадцатой — высокогорной. Три тысячи семьсот метров над уровнем моря, и еще тысяча шестьсот над ней — вышка, откуда пограничники ведут наблюдение за Китаем. Застава оказалась кавалерийской, никаких средств передвижения, кроме лошадей и собственных ног, здесь не было. Если по ровному месту, то зимой можно было еще бегать на лыжах.

На этой заставе я задержался довольно долго. Ну, во-первых, чтобы отремонтировать ТЗК-90 или БМТ-110 (бинокулярная морская труба) на вышке, туда надо еще подняться. Моя адаптация к высокогорью длилась пару недель, только после этого я мог спокойно, не задыхаясь, подниматься на вышку и ремонтировать приборы. Сам ремонт приборов на вышке занял еще неделю, а потом по неизвестной причине обо мне забыли, и я так и остался служить на этой заставе.

Ходил в дозоры и на лошадях, и на лыжах, и пешком — служба мне очень нравилась. Кормили здесь очень хорошо, а главное, коллектив был сплоченный. Мы все сдружились, и время шло незаметно. Много было всякого за этот период: и охота на архаров, теперь занесенных в Красную книгу, и дозор на соседний стык, где кончается участок нашей заставы и начинается соседний и где должен пройти чабан со стадом на весенние пастбища. И это единственная возможность увидеть живого человека и поговорить с ним, потому что в высокогорье, кроме пограничников, нет ни души. А еще переход китайцев через нашу границу, перегон скота и воровство китайцами овец у наших чабанов.

Но вот пришла весна, снег начал таять, и обо мне вспомнили. Перед отъездом я написал рапорт о поступлении в пограничное училище, и теперь нужно было проходить медкомиссию. Прилетел вертолет и забрал меня в отряд, а затем я улетел в Москву. Но я уже никогда не забуду эту заставу, ставшую мне родной. Она навсегда в моем сердце.

Учебный пункт

Служба в пограничных войсках КГБ в СССР считалась очень почетной и ответственной. Соответственно, отбор в пограничные войска проходил тщательно и кропотливо, при этом изучалась едва ли не вся родословная. По крайней мере, так было в годы моей службы с 1972 по 1992 год. Проверяли дедушек и бабушек, родителей, братьев и сестер кандидата, а если был женат, то точно такие же проверки проводились и по линии жены. Быть на передовом рубеже нашей Родины — это действительно очень ответственно.

Сначала действовала специальная программа отбора, затем работа с кандидатами. Призыв — и новый этап более углубленного изучения кандидата. С момента отбора в команду с секретным кодовым номером (условно будем называть ее «команда 100») начиналась летопись поведения будущего пограничника. Как держался на пункте сбора, как вел себя в пути, что говорил, кто друзья, какие интересы? Пока призывник добирался до учебного пункта, о нем уже был составлен рапорт, описывающий его поведение в пути. На учебном пункте помытый, коротко остриженный и переодетый в форму с зелеными погонами молодой человек становился пограничником. Но право называться пограничником он получал как бы условно, авансом. Чтобы стать достойным этого звания, предстояло пройти еще немало испытаний. На учебном пункте обучение длилось три месяца, в школе сержантов — полгода. В этот период в молодого человека «вбивалась» куча знаний, о которых он на гражданке даже не подозревал. А скупые рассказы уволившихся из армии земляков не имели ничего общего с тем, что происходило вокруг новоиспеченного пограничника.

Слова Феликса Дзержинского: «Пограничник-чекист, неподкупный страж рабочих и крестьян, стоящий на передовых позициях» — это точно про всех пограничников, без исключения.

Сформированные по отделениям и учебным заставам бойцы оказывались под строгим присмотром командиров отделений, старшины учебной заставы, начальника и замполита учебной заставы. С первого дня обучения с каждым проводились индивидуальные беседы. В этих беседах в простой и доверительной обстановке сержанты выясняли все, что было с бойцом до армии, собирали сведения о его друзьях и родных. Полученные данные оформлялись в письменные отчеты, «педагогические дневники» и ложились на стол замполита учебной заставы, а от замполита — в штаб учебного пункта. Офицеры в свою очередь проводили уже более глубокие профессиональные беседы, опираясь на информацию, полученную из личного дела, докладов сержантов и «педагогических дневников». В течение первого месяца службы каждый солдат учебного пункта был опрошен сержантом и офицерами. Я уже не говорю о встречах и беседах со специалистами разных профилей: медработниками, которые проводили дополнительные и более тщательные медосмотры каждого солдата, политработниками пограничного отряда, офицерами всех отделов и служб пограничного отряда и, естественно, офицерами особого отдела.

Пока солдат обучался охранять границу, о нем уже знали все, и бывало, что заключения делались очень неожиданные. Можно было вдруг оказаться в строительной роте. Причину никто никогда не говорил, но все понимали — значит, есть нечто такое, что не позволяет служить на самой границе.

За три месяца пребывания на учебном пункте бойцы привыкали ко всем атрибутам армейской жизни — форме, распорядку дня, воинской дисциплине, подчинению старшим по званию. Становились физически выносливыми и волевыми бойцами. Овладевали такими специальными знаниями, как военная топография, защита от оружия массового поражения, а также все виды подготовок — военно-медицинская, огневая, физическая, пограничная, так-

тическая, строевая и, конечно же, самая любимая всеми пограничниками политическая подготовка. Любимая, потому что сидишь себе в тепле ленинской комнаты и записываешь все, что диктует замполит. И при этом не надо ни рыть окопы, ни ползать по грязи, ни совершать марш-броски. Так что с идеологией у пограничников всегда было все в порядке.

Слова Феликса Дзержинского: «Пограничник-чекист — неподкупный страж рабочих и крестьян, стоящий на передовых позициях» — это точно про всех пограничников без исключения.

Но вот обучение на учебном пункте и первая притирка к армейским будням успешно пройдены, присяга принята и — здравствуй, пограничная застава! Радости бойцов нет предела, каждый благодарит своего сержанта за учебу и просится поехать для дальнейшей службы именно на его заставу. Ведь все сержанты и офицеры учебного пункта на период учебы прикомандированы из линейных пограничных застав и по окончании курса вместе с молодым пополнением возвращаются на свои заставы.

Первые шаги по заставе

Небольшое, но весьма познавательное в плане наставлений сержанта путешествие от учебного пункта вдоль границы — и молодой пограничник прибывает к месту своей постоянной службы. На заставе, естественно, все готовится к встрече молодого пополнения, ведь оттого, как «дембеля» подготовят и втянут вновь прибывших в службу, зависят сроки их увольнения. Это, к слову сказать, одна из причин, почему на пограничных заставах практически нет дедовщины, — потому что «деды», каждый на своем боевом месте, обучают и готовят себе замену. И чтобы молодые бойцы быстрее усвоили практику, «деды» обращаются с ними очень вежливо и тактично, их отношения напоминают скорее общение старшего брата с младшим.

После прибытия пополнения на заставе по традиции проходит торжественное построение, на котором молодых пограничников представляют всему гарнизону, вручают личное боевое оружие и закрепляют каждого за тем специалистом, на смену которому они пришли. После этого проводится первый в их жизни боевой расчет и накрывается праздничный стол.

Попав в такую теплую и почти домашнюю обстановку, бойцы довольно быстро осваиваются и с первых дней начинают вникать в службу. Обучение практической стороне у всех проходит по-разному, так как приходится привыкать к совершенно иному образу жизни. Тем не менее одни быстрее, другие медленнее, но постепенно все приспособляются к непростому распорядку дня пограничной заставы, когда ночью все находится на службе, а днем спят. У каждого бойца расписан на сутки весь его «манёвр». Как говаривал в давние времена великий российский полководец Александр Васильевич Суворов: «Каждый солдат должен знать свой манёвр».

Все начинается и заканчивается боевым расчетом, который проводится во время «Ч». Получение боевого задания на сутки, прием пищи, подготовка к наряду, инструктаж, выдача оружия и боеприпасов, приказ об охране государственной границы. Служба с восьми до двенадцати часов непрерывно, без сна и отдыха. Возвратившись на заставу, сдать боеприпасы и снаряжение, почистить оружие и далее — сон. Проспав положенное время и приняв пищу, каждый по заданию старшины идет выполнять хозяйственные работы. Колоть дрова, доить корову, топить баню (если банный день), ловить рыбу (по сезону), работать на строительстве чего-нибудь, в теплице или на огороде, мыть полы на пограничной заставе, подметать плац, косить траву (по сезону), разгружать уголь с прибывшего транспорта. Примерно столько работы нужно выполнить пограничникам, чтобы обеспечить жизнедеятельность заставы. Кроме этого, ежедневно проходят занятия, строевая, боевая, пограничная, физическая и иные подготовки, а также производится обслуживание техники всеми специалистами. Затем следует подготовка к боевому расчету, когда каждый обязан привести себя в отличный внешний вид — его-то и проверяет старшина перед началом боевого расчета.

Все, сутки кончились — круг замкнулся. И так изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Но этот строго определенный распорядок — ритмичный пульс жизни заставы. Он не должен нарушаться или давать сбой, потому что за этим стоит безопасность родины.

Время на границе летит быстро, два года службы промелькнули незаметно, а сроднившись с заставой, так тяжело потом расставаться.

Богатыри границы

Во всем мире известно, что российские пограничники не только очень сильны физически, но и владеют секретными приемами единоборств, приемами с оружием и армейским ножом, саперной лопатой. Не перевелись еще богатыри на земле русской! Благодаря напряженной работе и занятиям, а также питанию, которое на пограничной заставе очень калорийное и обильное, бойцы быстро становятся если не Гераклами, то уж богатырями точно. Обязательные приемы рукопашного боя, конечно, преподают еще на учебном пункте и затем на заставе отрабатывают технику, но это такая маленькая капля в общей подготовке, что даже сами пограничники ее не замечают. Однако, если на заставе кто-то из офицеров или прапорщиков занимается рукопашным или каким-то иным видом единоборства, бойцы обязательно потянутся к ним для проведения дополнительных занятий. Таких, как правило, не очень много — процентов двадцать-тридцать от общего числа пограничников заставы. Они тренируются в свободное время, а на занятиях по физической подготовке занимаются по своему отдельному плану. Ездят на отрядные и окружные соревнования, оттачивая свое мастерство. Вот если такому попадется нарушитель, будь он хоть «морским котиком», хоть «зеленым беретом», шансов у него нет — обязательно будет связан и упакован. И так было не раз в истории пограничных войск при боевых столкновениях на границе.

Конечно, я не могу расписываться за все пограничные заставы — условия везде разные. На каждом участке границы своя, особая остановка: традиции, климатические условия, рельеф местности, да и контингент призывников очень даже отличается. Речь идет только о тех пограничных заставах, на которых мне лично по службе довелось побывать в качестве рядового солдата, сержанта или офицера комендатуры по боевой подготовке. А это в общей сложности более ста гарнизонов, через которые я прошел сам или со своими бойцами. Именно так, как я рассказал выше, зеленые неопытные мальчишки и становились сильными, смелыми, мужественными и непобедимыми как в рукопашном, так и огневом бою, пограничниками. Их становление происходило на моих глазах. А служба моих бойцов, моих орлов в Афганистане и в других горячих точках — тому веское доказательство. Они все вернулись оттуда живыми.

А как же остальные семьдесят-восемьдесят процентов личного состава, которые не желают заниматься спортом так фанатично? Надо сказать, что это обыкновенные средние солдаты, как все. От других солдат (тогда советской армии) их отличали только зеленая фуражка и погоны. Были среди них и трусоватые, и хитроватые, что называется, себе на уме, в общем, всякой твари по паре. А что делать, надо же кому-то служить и охранять границу. Вот и служат, и охраняют, а на показательных выступлениях и соревнованиях отдуваются те, кто преданно любит спорт. А зрители смотрят и думают, что пограничники все такие сильные и смелые.

Пограничная дружба

Особенность службы на границе еще и в том, что на заставе складывается коллектив единомышленников, сплоченный и дружный. Как это получается? Почему практически все заставы, за редким исключением, не подвержены такому порочному явлению, как «дедовщина»? Ответ очень прост: некогда им этой дурью заниматься. С вечера и до утра все заняты работой, учебой, службой и другими делами, не менее интересными, чем служба. Второй немаловажный и очень серьезный фактор, устраняющий «дедовщину», — боевое оружие и боеприпасы, с которыми и молодые бойцы, и умудренные опытом солдаты приступают к выполнению приказа об охране границы. Задайте сами себе вопрос: будет кто-то издеваться над человеком, с которым ему через час идти на восьмичасовую службу с боевым оружием и боеприпасами? Разумеется, нет.

«Дембелям» остается одно: уговорить молодых бойцов — именно уговорить — соблюдать такие, на мой взгляд, порочные, но в то же время безобидные традиции, как перевод с одного срока службы на другой или празднование оставшихся ста дней до приказа. Замечу, что этот праздник на заставах праздновали официально: накрывался стол, выставлялось угощение, звучали поздравления, и «деды» официально приказом начальника заставы на эти сто дней освобождались от мытья полов, но не более. Сами понимаете — боец, добровольно согласившийся на такой простой и безболезненный ритуал, уже не выстрелит тебе в спину. На тех же заставах, где такая опасная грань нарушалась, где не уговаривали, а силой заставляли соблюдать неписанные ритуалы, бывало, происходили трагические события. Хорошо, что их были единицы. Но о каждой такой трагедии пограничники знают и помнят — это расстрел местных жителей в Ракверском пограничном отряде (ныне территория Прибалтики), расстрел сослуживцев на Курилах, убийство молодого солдата в Приморье.

Самый серьезный аспект борьбы с «дедовщиной» — это работа сержантов, прапорщиков и офицеров. Там, где добросовестно выполняли свои обязанности все командирские звенья, таких позорных явлений никогда не бывало. Особое место в этой цепочке отводится старшине заставы. Если для бойцов старшина — отец родной или старший брат, в коллективе всегда создается домашняя, добрая и, я бы сказал, сытая обстановка. А вовремя накормленный и занятый делом боец — это добрый боец, который не станет кого-то унижать или издеваться над младшим товарищем для собственного самоутверждения. И тут огромное значение имела работа с личным составом, знание каждого бойца, правильное его воспитание и общий настрой. Смело можно сказать, что наши пограничники — самый дружный народ в войсках, чем я особенно горжусь.

Замполиты

Роль замполита на пограничной заставе весьма спорна, и этот вопрос можно обсуждать бесконечно. Во-первых, все неоднозначно, во-вторых, недоказуемость сплошная. Замполит на заставе, конечно, нужен, хотя бы потому что, чем больше офицеров, тем лучше контроль и больше патриотизма. Тут надо признать, умели наши замполиты прививать ненависть к врагам и любовь к Родине, очень профессионально и грамотно умели. Но наряду с этим профессионализмом они выполняли и не совсем благородные функции контроля над всеми, в частности, над офицерами, вплоть до начальника заставы, в плане морального облика. Можно сказать, это был политический особый отдел, «стукачи» от политики. Так их и называли все — от рядового до майора. О каждом замполитами собирались самые негативные сведения — всякая грязь, добытая даже копанием в грязном белье. Все эти данные отправлялись в политотдел пограничного отряда, где их обрабатывали и вкладывали в досье рядового пограничника, сержанта, прапорщика или офицера. Когда же приходило время получать повышение или очередное звание, эта «черная» папка доставалась, и в политотделе смотрели, достоин тот или иной кандидат нового звания или должности. Затем соответственно выносился вердикт.

Мой замполит в этом деле был просто асом. Именно поэтому попытки моих командиров отправить меня на повышение пять раз терпели поражение, и все возвращалось на круги своя. Дважды меня не допустили до поступления в академию, поэтому я ушел на пенсию раньше, чем мог бы уйти. Вот такую роль играли замполиты- политруки, а по-старому — комиссары. Пограничные войска — особые, политические войска, говаривал наш начальник политотдела. И я испытал справедливость его слов на собственной шкуре. Но всё же Бог есть, и эра замполитов в пограничных войсках однажды закончилась — они были расформированы, а вместо них ввели психологов. Правда, я в это время уже был на пенсии. Но, может, другим повезло больше, чем мне?

Из своего опыта общения с этими людьми я вынес твердое правило: никогда не доверять людям, если они были в своей жизни замполитами. Девяносто процентов из ста — это подлые люди. С ними нельзя иметь никаких дел — заболтают, оклеветают, обвинят, перевернут всё с ног на голову и оставят вас без вины виноватым. Замполиты — это подлецы, лгуны, подхалимы, клеветники, доносчики, болтуны, бездельники, трусы, страдающие манией величия. Встретил бывшего замполита — обойди десятой дорогой.

У Наполеона есть такая фраза о женщинах: «Женщина — это грязная палка, с какой стороны ни возьмешься, всё равно измажешься». Я бы перефразировал так: «Замполит — это грязная палка, с какой стороны ни возьмешься, всё равно измажешься». А еще больше мне нравится высказывание Суворова об интендантах: «Интендант — вор, расстрелять!», если его немного изменить: «Замполит — гад и подлец, расстрелять!»

Конечно, все это не относится к тем оставшимся десяти процентам замполитов, которые действительно были знаменем и душой армии. Честно и самоотверженно выполняли свой долг перед Родиной, заботились о молодых бойцах, шли в атаку в первых рядах и умирали первыми, показывая пример мужества и героизма. Вот поэтому их так и мало. Преклоняю перед ними колени и скорблю вместе со всеми. Вечная память героям — комиссарам и замполитам!

Женщины заставы

О, женщины заставы! Это отдельный разговор! Сколько ходит о них среди пограничников разных историй! Порой выдуманных, а порой и весьма реалистичных. Мне довелось служить на одной из пограничных застав Зайсанского пограничного отряда (ныне территория Казахстана), где жена начальника заставы проявляла более высокие боевые качества, чем он сам. Все-таки отдаленность от управления пограничного отряда и отсутствие постоянного контроля сказывались на морально-этическом облике офицеров. И когда иной раз начальник уходил в очередной запой (на высокогорье такое время от времени случалось), супруга командира приходила на заставу и строила пограничников на боевой расчет. Со всей требовательностью проверяла порядок в казарме, внешний вид бойцов и чистоту оружия. От ее цепкого взгляда не ускользали даже такие мелочи, как несвежий подворотничок гимнастерки. Приказов на охрану границы она, конечно, не отдавала, но следила за тем, как это делал дежурный по заставе. На проверку нарядов она тоже не выходила — контролировала их с помощью приборов наблюдения или по радиостанции. А как она стреляла, как стреляла! Меткости ее могли позавидовать даже самые опытные бойцы.

После прибытия нового пополнения и окончания торжественной встречи начальник обязательно проводил стрельбы, проверяя подготовку молодых бойцов на учебном пункте. Молодые пограничники стреляли хорошо, ведь они только что прошли трехмесячное обучение. Затем выходила она и из трех положений — лежа, с колена и стоя — выбивала одиночными выстрелами из автомата Калашникова по три десятки из трех. Из пистолета Макарова тоже ниже девятки никогда не попадала. В общем, Ворошиловский стрелок — так ее и прозвали между собой пограничники. Кроме всего прочего, она имела высшее образование по специальности «учитель физкультуры», и когда по поручению начальника заставы проводила кроссы или тренировку по преодолению полосы препятствий, пограничники просто падали без сил, особенно те, кто пытался ее догнать или перегнать. Ведь, если честно, что ей делать на этой высокогорной заставе вдали от цивилизации и людей? Кстати, двух своих сыновей она тренировала не хуже любого сержанта. Уверен, что, когда придет время служить, у них будет отличная подготовка.

Но были и другие жены. Обучаясь на третьем курсе пограничного училища, я проходил стажировку на одной из высокогорных застав Ленинанского пограничного отряда (ныне территория Армении). Когда приехал на заставу, выяснилось, что здесь всего один офицер, да и тот, быстренько передав мне все ключи и управление заставой, ушел отсыпаться. Я, как меня и учили, приступил к службе: вызвал сержантов, принял у них доклады о делах в каждом из подчиненных им подразделений и поставил нужные задачи на сутки. Затем обошел с ними всю территорию заставы, включая хозяйственный двор и теплицу. Разобрался, какой ключ от какой двери, и приступил к подготовке боевого расчета.

С сержантами общий язык я нашел быстро, поскольку сам был сержантом и проходил срочную службу в пограничных войсках. И пошла служба своим чередом: приказы, проверки, тревоги, заслоны, дозоры, занятия и хозяйственные вопросы — все легло на мои курсантские плечи. Начальник заставы, как оказалось, убыл на учебу в академию. Заместителя по боевой подготовке не прислали, а старшина заставы (прапорщик) в результате чрезмерного увлечения спиртным лежал в госпитале с диагнозом «белая горячка». Замполит, который передал мне ключи и управление заставой, спал трое суток, не вставая, а проспавшись и увидев, что я справляюсь, достал из-под кровати ящик с водкой и объявил мне, что уходит в «отпуск» до конца моей стажировки.

Я был не робкого десятка и быстро втянулся в службу, спасибо сержантам — они мне очень помогли и многое подсказали. Прошла неделя, настало время выдавать продукты пита-

ния на следующую неделю. Я пришел на заставу, вызвал повара, чтобы вместе с ним взять необходимые продукты на складе. Все взвесил, записал в амбарную книгу и помог донести до кухни. И тут вижу, из дома старшины вышла женщина и направляется прямо ко мне. Честно говоря, я сначала даже растерялся: мне никто не сказал, что жена старшины осталась на заставе. Думал, что она вместе с супругом уехала в отряд. Она вежливо попросила меня выдать паек на неделю — оказывается, с ней на заставе проживали двое несовершеннолетних детей. Ну, естественно, вернулся на склад и стал собирать положенный паек для старшины заставы.

Женщина пошла со мной, но стала вести себя весьма странно и даже вызывающе: все время норовила ко мне приблизиться и как бы случайно дотронуться грудью или бедром. Я не обращал на это особого внимания. Выдав положенное пропитание, быстро вышел из помещения и обнаружил за дверью следившего за нами пограничника-связиста. На мой вопрос, что ему надо, он что-то невпопад буркнул и убежал. Жена старшины еще оставалась на складе, складывая в сумку пакеты с крупами и мясом. А когда вышла, попросила меня донести сумку до квартиры. Я погасил на складе свет, опечатал двери, отнес сумку и у порога попрощался.

— Может, зайдете, посмотрите, как живет старшина? — спросила она, кокетливо глядя на меня.

Я как стойкий «марксист» ответил, что мне некогда, и быстро ушел на заставу. Когда же начал разбираться в этой странной ситуации, выяснилось, что жена старшины спала со связистом заставы, часто вызывая его по поводу якобы перегоревшей лампочки или плохой связи. Увидев новое лицо, решила закрутить роман и со мной. Я, однако, не поддался на провокацию и доложил о произведенном расследовании проспавшемуся замполиту. После его доклада вскоре приехал ГТС и увез жену старшины вместе с детьми в пограничный отряд.

М-да, разные бывают жены, да и мы, мужики, тоже бываем разные. Не будем валить всю вину на хрупкие женские плечи.

Безупречная служба

«Безупречная служба» — такое выражение часто используется в характеристиках пограничников, когда их увольняют из войск или отправляют для поступления в училище. О том, насколько безупречной была служба, можно рассказывать целые повести. Прибыл я как-то на одну из линейных пограничных застав на границе с Турцией. Со временем втянулся, привык к высокогорью, как офицер ходил на проверки пограничных нарядов. На заставе был секретный график проверок, который исполнялся строго, как положено. Но я заметил одну странность, которая меня насторожила, заставила задуматься и сделать логическое умозаключение. Вместе с нами на границу через ворота с электронным замком всегда выбегал маленький поросенок. На мои вопросы дежурный отвечал, что, мол, растёт этот поросенок как полудик и вечно бегает туда-сюда в поисках корма. Но это меня ещё больше насторожило, и я решил проверить свои подозрения. Заранее приготовил мешок и, поймав поросенка, спрятал его в ящике для овса на конюшне. Затем, взяв одного из свободных от службы бойцов, пошел на проверку.

Не успел я пройти вдоль пограничной тропы и пяти километров, как обнаружил спящий пограничный наряд. Это было настоящее ЧП для заставы и всего отряда! Я прилег рядом, приняв под охрану границу на этом участке, незаметно забрал у спящих бойцов оружие и вызвал по рации наряд им на смену. А для большей уверенности отправил дополнительный дозор с собакой вдоль колючки всего правого фланга — проверить следовую полосу. Пока я отдавал приказы и распоряжения, бойцы проснулись и поняли свой пролет. Стали умолять меня простить их. Но я ответил, что разговор об этом будет на заставе. А пока сдал смену прибывшему наряду и отконвоировал проштрафившихся бойцов на заставу, где их уже ждала машина для дальнейшей отправки в комендатуру, на гауптвахту. Вот так и выяснилось, что я был прав в своих подозрениях насчет шустрого поросенка: тот выбегал впереди проверяющего, а примчавшись на место службы наряда, будил спящих, толкая их своим пятакон, и получал лакомства в награду. Только с тех пор меня все время мучил вопрос: сколько нарушителей границы могло за это время пройти на участке, где спали такие пограничники в ожидании поросенка? И пусть каждый пограничник задаст себе вопрос, а так ли уж безупречно он нес службу все положенные два года? Если честно, только единицы из всех отслуживших в погранвойсках были настоящими профессионалами.

Снабжение заставы

«Все лучшее — детям!» — такой лозунг висел у нас на заставе в ленинской комнате. А мы, глядя на старую изношенную технику на погранзаставе, шутили, что все лучшее у нас — пограничникам. Кто помнит дизель по кличке Чача, тот понимает, о чем я говорю. Полностью убитые до ручки автомашины ГАЗ-66 и УАЗ-459, прожектор ПР-15 на телеге или в лучшем случае АПН-90 на базе ЗИЛ-131, изношенные дизели, изношенные ГТС, изношенные РЛС... В те времена с поставкой на заставы новой техники и даже запчастей на старую технику было, мягко говоря, не очень. Только благодаря умельцам, старшине заставы и шефам, если они были, застава могла функционировать и выполнять свои боевые задачи по охране государственной границы СССР. Возможно, кто-то скажет, что это клевета на пограничные войска. Пусть думает так, а я привык говорить то, что видел в реальности своими глазами, а клевета это или нет, рассудит история.

Например, сломалась машина ГАЗ-66, починить её своими силами не представляется возможным. Идет доклад наверх, и по команде приезжают из комендатуры бойцы с прапорщином. Буксируют машину в отряд, в ремонтные мастерские, где подобных развалюх уже много. Наш ГАЗ-66 занимает свою очередь, примерно, как в блокадном Ленинграде за хлебом. Через неделю, а то и две, приходит его черед. Машину загоняют в мастерскую, начинается ремонт, но такой, что лучше бы и не начинался. Как ремонтируют в отряде, все знают: хорошие запасные части с машин снимают и ставят на другие, «блатные» машины. На нашу машину установили то, что уже отжило свой век и еле дышит. Главное, как говорил начальник ОРТМ, чтобы до заставы докатилась, а там уже старшина пусть сам разбирается.

Итак, ремонт закончен, вызывают с заставы водителя с сопровождающим, машину гонят на заставу. Целый месяц, пока машина была на ремонте, застава бегала по всем «срабатываниям» пешком на своих двоих. Да и после ее возвращения, скорее всего, бойцов ждет то же самое: ремонт-то сделан некачественно — то масло подтекает, то тормоза отказывают. И тогда берет старшина записную книжку и звонит своим друзьям с просьбой выручить и помочь с ремонтом машины. Пригоняют ее, допустим, на угольный разрез или в колхоз и устанавливают все новые запчасти. Регулируют нужные агрегаты — и всё, машина как новая, снова катит по пограничным дорогам, доставляя в нужные места пограничные наряды для охраны государственной границы СССР. Спасибо шефам, по-нынешнему — спонсорам.

И таким образом ремонтировалась вся техника пограничной заставы в те, «мои» времена. Нет, конечно, существовали и показательные заставы, где все было новое, все блестело и сверкало. Туда и возили всех гостей и проверяющих. Да и то в основном для отдыха (попойки в бане или рыбалки с охотой). Конечно, это позор, но это «наш» позор, а гражданским лицам до него вовсе нет никакого дела.

Чудеса на границе

Если, находясь на учебном пункте, солдат месяц не пишет писем домой, родители звонят командиру части: «Что с нашим сыном?» Поднимается настоящий переполох, всех солдат усаживают в ленинскую комнату и принудительно заставляют писать письма домой. Затем заклеивают их в конверты без марок и относят на почту. На пограничной заставе такого ажиотажа не было, особенно в отдаленных местах. Один раз в месяц прилетал вертолет и то, если погода летная, оставлял письма, присланные из дома, и забирал те, что написаны домой. Но наши люди, как известно, в любой ситуации найдут выход, а смекалка солдат зачастую не имеет границ. На одной из высокогорных застав я стал свидетелем невероятного эпизода, который поначалу привел меня в ужас.

Однажды ночью, ближе к утру, иду я вдоль системы на очередную проверку. Вдруг замечаю вдалеке какое-то шевеление и небольшой силуэт на линии горизонта, который то появляется, то исчезает, временами надолго. Волки и лисицы обычно вдоль «колючки» не бегают — они ходят напролом по уже давно натоптанным тропам. Кстати, это из-за них часто срабатывала система, доставляя пограничникам большие неприятности в виде марш-броска для закрытия рубежа прорыва. Но этот то ли зверь, то ли человек перемещался мне навстречу именно вдоль системы. Когда силуэт оказался достаточно близко, чтобы его можно было рассмотреть в бинокль ночного видения, я увидел нечто меня поразившее. Какой-то невиданный ранее зверь двигался в мою сторону с довольно приличной скоростью. Я принял положение для стрельбы лежа и стал наблюдать, приготовившись к любой неожиданности вплоть до применения оружия. Докладывать дежурному по заставе не спешил — откровенно говоря, не хотелось выглядеть смешным.

Когда чудовище приблизилось на расстояние выстрела, я решил еще раз посмотреть на него в бинокль и увидел свиное рыло, на котором сверху было что-то привязано — то ли взрывчатка, то ли какая-то посылка. Невольно вспомнился фильм про войну, когда собаки с минами на спине бросались под немецкие танки и взрывали их. Стало немного жутковато. «Пальнуть, что ли?» — мелькнуло в голове. Пока я размышлял, это «чудо» было уже рядом. Почуввав мой запах, оно захрюкало и остановилось, а затем, принюхиваясь, медленно двинулось в мою сторону. «Фу...», — с облегчением выдохнул я. Чудовище оказалось обыкновенной домашней свиньей, приблизительно год отроду, на холке которой был прочно закреплен чем-то набитый вещевой мешок.

Ничего не трогая, я доложил о ситуации по рации дежурному по заставе. Тот рассмеялся и объяснил, что в вещмешке лежат солдатские письма домой. Смышленные бойцы приучили свинью носить письма от заставы к заставе, а потом доставлять в комендатуру. Такой почтальон оказался гораздо проворнее, чем вертолет, и солдаты получали почту каждую неделю.

Месть «Пиночета»

У пограничников очень сильно развита любовь к животным. Служил я в Ленинканском пограничном отряде в пограничной комендатуре Ибиш, на высокогорной заставе №3, — сейчас это территория другого государства — Армении. На любой пограничной заставе всегда есть подсобное хозяйство: коровы, свиньи, куры, овцы, теплица и огород. На нашей все это тоже имелось, а еще родился бычок с белым крестом на лбу. Солдаты, лишённые маминой любви на два года, относились к животным с особым трепетом, и новорожденный бычок сразу стал их любимчиком. Принимая во внимание существующую коммунистическую идеологию и крест на лбу бычка, кличку ему подобрали подходящую — Пиночет, в честь диктатора. Растили всей заставой, вырабатывая у бычка забавные привычки. Так, в процессе воспитания солдаты приучили его к одному приколу. Когда на бычка направляли автомат со словами: «А ну, Пиночет, на колени перед советским пограничником!», тот послушно подгибал ноги и падал на землю. Это вызывало у пограничников смех, и Пиночет получал заслуженное лакомство. Когда бычок подрос и стал взрослым быком, солдат он уважал и не трогал, а вот остальных жителей заставы, я имею в виду офицеров и их жён, почему-то недолго любил и неодобрительно косил на них взглядом.

В это время на погранзаставу приехал новый начальник с женой. О жене надо сказать особо. Будучи москвичкой, она привыкла одеваться модно и красиво, и каждый день меняла наряды. Ее платья, обтягивающие стройную фигуру, с неприлично открытым декольте очень нравились солдатам и привлекали к ней общее внимание. Когда она проходила по двору заставы, из всех окон казармы ее провожали горевшие страстью глаза пограничников. Целую неделю она ходила по заставе спокойно, видимо, сам Бог не сводил ее с Пиночетом. Но день «Ч», как говорят военные, все же настал. В этот день, как назло, платье, в котором решила прогуляться по заставе жена нового начальника, было красного цвета. Подол развеялся на ветру, оголяя ее стройные ноги.

О последствиях встречи красного платья с быком Пиночетом страшно даже рассказывать. Но когда женщину сняли с дерева и привели в чувство, она еще долго не могла говорить. Платье на ней было изодрано в клочья, сквозь которые проглядывало ее красивое нежное тело. Начальник тут же дал команду резать зловерного быка и пустить на мясо. Собственно говоря, для этого быка и откармливали. Но никто из солдат не хотел этого делать, а сам начальник резать скотину не умел. Тогда он решил быка пристрелить, взял автомат и отвел его на хозяйственный двор. Начальник еще не догадывался, какое его ждет разочарование и какие проблемы принесет ему это решение. Привязав быка к столбу в загоне, он тщательно прицелился и выстрелил. Но пока целился, Пиночет по привычке рухнул на колени. И пулю получила строевая лошадь, стоявшая метрах в двадцати позади быка. Несчастная громко заржала и свалилась замертво.

Начальник за бесцельную стрельбу и потерю строевой лошади получил «неполное служебное соответствие» — это вроде последнего предупреждения перед увольнением. А лошадь пришлось пустить на мясо вместо быка. Надо сказать, начальник на этом не успокоился и решил покончить с Пиночетом другим способом — взорвать быка. В один из дней все солдаты были в нарядах на границе, дежурный по заставе грелся на крыльце на летнем солнышке, а часовой на вышке немного задремал. Начальник увел быка подальше от заставы, привязал к дереву и прикрепил у него между рогами тротилловую шашку. Затем поджег бикфордов шнур и махнул в укрытие.

Пиночет, почуяв жжение на лбу и запах горящей шерсти, рванулся в сторону. Одним резким движением он оборвал веревку и в два-три прыжка оказался у здания заставы. Мыча от боли на лбу, начал рогами тереться об угол здания заставы, пытаясь стряхнуть с себя эту

«неприятность». Через пару секунд раздался мощный взрыв, который отбросил Пиночета в сторону метров на двадцать вместе с рухнувшим углом здания. Дежурного, который находился на крыльце, сдуло ударной волной. Придя в себя от шока, он самостоятельно поднялся и увидел бегущего к нему бледного как мел начальника заставы. Слава Богу, люди остались живы. Пиночет тоже еще дышал, но был уже не жилец.

Часовой, спустившийся с вышки, дорезал раненое животное. Есть мясо Пиночета на заставе из уважения к быку никто не стал. Пришлось отправлять его в комендатуру. Приехала комиссия, и по итогам ее работы начальник заставы был уволен из войск без пенсии. Так Пиночет уже после гибели отомстил своему обидчику. Господа офицеры, любите животных!

Пещера

Горы — это не только красиво, но и опасно, а еще они хранят в себе такие тайны, разгадав которые, становишься первооткрывателем. Однажды мы с пограничниками штурмовали сопки. На вершине одной из них виднелся черный крест, вернее, дерево, напоминающее крест. А вот почему оно было черным, нам еще предстояло узнать. Подъем на сопку мы совершали все вместе и на время. Кто прибежал на вершину первым — тому дополнительный сухой паёк. А сухой паек — это печенье, колбасный фарш и стуженное молоко, в общем, стимул что надо. Я рванул вместе со всеми и побежал по зарослям бамбука и кустарника. Все остальные выбрали дорогу, которая петляла то вправо, то влево и, постепенно сужаясь, превращалась в тропинку. Во время бега я вдруг почувствовал, что проваливаюсь в яму, и через мгновение оказался в полной темноте. Хорошо, что пограничная экипировка предусматривает фонарик. Включив его, я осмотрелся и немного успокоился, поняв, что нахожусь в яме, у которой, однако, есть какое-то продолжение. Яма оказалась пещерой, и любопытство взяло над страхом верх.

Двигаясь по узкому проходу, я понимал, что поднимаюсь все выше и выше. Внезапно передо мной выросла стена, и первой мыслью было: «Все, тупик!» Я уже собирался вернуться обратно, но заметил какой-то поворот, уходящий налево. Пошел дальше и при очередном шаге едва не свалился в пропасть. Ужас, охвативший меня, не передать словами. С трудом перевел дух и заставил себя успокоиться. Осмотревшись, увидел, что вдоль пропасти ведет узкий обход. Я обошел ее и бросил монетку, интересуясь глубиной. Монетка летела минут пять, прежде чем раздался звон ударившегося о камень металла. Собрав оставшиеся силы, я рванул дальше вверх по пещере, которая становилась все уже и уже. Наконец из-за поворота забрезжил свет.

Выбравшись наружу через отверстие величиной с канализационный люк, я оказался на вершине сопки, прямо под черным деревом, которое, видно, сгорело от удара молнии. Его обгоревшие ветки издали и напоминали крест. Усевшись под ним, отдышался, привел себя в порядок. Бойцов все еще не было, хотя топот их ног я уже хорошо слышал. Прошло несколько минут, пока они добрались до места. Надо было видеть изумление на лицах бойцов, увидевших, что я уже здесь. Вот так я выиграл сухой паёк и открыл новую, доселе никому не известную пещеру. Разумеется, пайком я поделился, а пещера — моя!

Дешифровка

Секретные переговоры, кодированные слова, шифры — обычному гражданину все это напоминает наши фильмы про войну или боевики голливудского размаха. Однако для пограничника это его повседневная жизнь. Так случилось, что у начальника одной из застав вблизи японского острова Хоккайдо служба как-то не задалась: то он с пулемета в пьяном виде постреляет, то крыша гаража на заставе сгорит до фундамента. Все у него шло не так, и начальника отстранили, а меня отправили его на этой заставе подменить.

Прибыв на заставу, я принял дела, книгу пограничной службы и приступил к работе: все проверил, осмотрел территорию, оружейную комнату, хозяйственные постройки, в том числе и баню. В верхнем ящике стола начальника заставы обнаружил простой тетрадный листок с расшифрованной радиোগраммой. Кто хоть немного в теме и понимает, что это такое, придет в ужас. Это ЧП, о котором нужно докладывать в Москву. Я пока решил разобраться сам и вызвал пограничника, отвечающего за эти телеграммы, назовем его «телеграфист». Ну и так осторожно расспрашиваю его, когда, мол, и какие радиোগраммы принимал, какие приносил начальнику и на каких носителях. Он, ничего не подозревая, решил, что я его экзаменую, и отвечал, как профессионал четко и внятно.

По моей просьбе боец принес секретный журнал, где записываются все расшифрованные радиোগраммы, и я убедился, что эта радиোগрамма в журнале есть. А поскольку никаких черновиков заводить не положено, а тем более хранить их вне сейфа, я вынужден был об этом доложить. Обнаруженную шифровку пока спрятал в сейф, а сейф опечатал. На следующий день прилетел вертолет с начальником штаба, начальником политотдела, старшим офицером СПС и офицером особого отдела. Комиссия в течение дня провела на заставе расследование и сделала выводы, что эта шифровка из кабинета начальника заставы никуда не выносилась. Ну, есть у каждой службы свои люди на заставе, которые негласно за всем присматривают. Затем шифровку просто сожгли, составив об этом акт, и комиссия улетела восвояси. Бдительность — наше оружие.

Береги честь до конца службы

Любовь к оружию пограничнику начинают прививать с первого дня службы. Даже есть специально придуманные поговорки и изречения по этому поводу:

«Девушка любит ласку, а оружие — чистку и смазку».

«С оружием нужно обращаться нежно, как с девушкой».

Я уже не говорю о том, что почти у всех мальчишек с детства к оружию особое отношение, они вечно носятся с игрушечными автоматами и пистолетами, играя в войну.

На пограничной заставе учет оружия и боеприпасов ведется очень строго. Часть оружия, которое задействовано на службе, стоит в пирамидах, а остальное — на складе. Точно по такому же принципу хранятся и боеприпасы, за исключением тревожных запасов. И учет ведется не только по штукам, но и по номерам, и по партиям. Все сведения заносятся в специальные книги, их несколько, и находятся они на особом контроле у начальника заставы и старшины. Из отряда регулярно приезжают офицеры службы вооружения, которые проверяют оружие по номерам, а боеприпасы поштучно. И не дай Бог, не будет списан хоть один патрон, использованный на стрельбах, или хоть одна цифра в номере оружия не совпадет! Сразу начинается разбирательство, составляются акты, приказы, следуют оргвыводы. Кажется, что украсть хотя бы один патрон или оружие невозможно. И тем не менее, пользуясь нерадивостью офицеров или прапорщиков, солдат и сержанты, сговорившись, похитили со склада автомат.

Случилось это в пограничном отряде Приморья, на одной из пограничных застав. Начальник заставы собрался в отпуск и передал все оружие и боеприпасы на ответственное хранение старшине заставы. Я так думаю, что считать оружие, а тем более боеприпасы, никто не стал, а если и посчитали, то чисто формально, за что позже и поплатились. Надо сказать, что доверие между солдатами и офицерами возрастает вместе с их сроком службы, и наиболее опытным солдатам и сержантам всегда доверяют больше. Это и было главной ошибкой начальника заставы.

У меня принцип другой — я даже себе доверяю только один раз в году. Так вот, как потом оказалось, начальник заставы, а затем и старшина хранили ключи от склада АТВ (артиллерийского технического вооружения) в ящике стола канцелярии, а не в сейфе, как положено. Там же хранилась и печать, с помощью которой опечатывается дверь склада АТВ. Итак, начальник заставы в отпуске, замполит на учебе, солдатами на заставе командуют старшина и сержанты срочной службы. Все идет по плану: наряды, приказы, проверки. Но вот старшина выбивается из сил и просит помощи у коменданта. Тот присылает на заставу офицера из комендатуры на усиление. Прибывший офицер принимает личный состав, оружие и боеприпасы, находящиеся в оружейной комнате. Дает коменданту шифрограмму о приеме, где спрашивает, что делать со складами АТВ, принимать их или нет? Комендант отвечает также шифрограммой, что склады на ответственном хранении у старшины и принимать их не надо. Поскольку шифрограммы хранятся вечно, в последующем эта переписка станет для офицера реальной защитой.

И пошла обычная служба на заставе. Офицер, имевший опыт работы с людьми и владеющий педагогическими навыками, провел с личным составом индивидуальную работу, в результате чего выявил группу пограничников, призванных из города-героя Москвы. Доблестные москвичи особой дисциплиной не отличались, но имели огромную тягу к оружию. Фотографии в их «дембельских» альбомах просто пестрели оружием. Каждый на фото был ну просто Рембо — с оружием наперевес, обмотанный лентами с патронами. Особенно выделялся среди всех младший сержант Козликин. Офицер взял москвичей на заметку и стал чаще проверять их по службе.

Однажды явившись на проверку ПТН (поста технического наблюдения), он дал команду засветить прожектором неопознанную цель. Тут произошла заминка, а на лицах бойцов появилась даже какая-то растерянность. Офицер не придавал этому особого значения, и напрасно. Как выяснилось, это был момент истины, ибо под чехлом РП-15 — это прожектор — лежал разобранный автомат Калашникова, который они ранее украли со склада. Сержант стал жаловаться, что они вдвоем не смогут выкатить прожектор на боевую позицию. Тогда офицер принял пост у экрана локатора, о чем была сделана соответствующая запись в журнале службы ПТН. Трое бойцов выкатили прожектор, сделали засветку цели и, закатив обратно, опять накрыли чехлом. Украденный автомат они перепрятали. Вскоре эти трое бойцов, участвовавших в краже оружия, уволились и уехали домой в Первопрестольную. По возвращении начальника заставы из отпуска офицер комендатуры все передал ему, о чем доложил шифрограммой, и, получив разрешение, уехал.

Отсутствие автомата на складе обнаружилось, когда из отряда приехала очередная проверка, — это было ЧП союзного масштаба. Сразу прилетели на вертолетах генералы, создали комиссию и всех офицеров, кто был на этой заставе, начали опрашивать в особом отделе. Опросили и офицера комендатуры, который подменял начальника заставы на период отпуска. Офицер пояснил, что склад АТВ по распоряжению коменданта не принимал, а список оружия, находящегося в оружейной комнате, у него был переписан в рабочей тетради, которую он и предъявил работнику особого отдела. Сверив списки, тот убедился, что все сходится до единого номера, а проверенные шифрограммы подтверждали слова офицера. Тогда чекист спросил просто так, наобум:

— А ты не знаешь, кто мог бы это сделать?

Офицер комендатуры достал свою рабочую тетрадь и продиктовал фамилии трех москвичей, у которых подметил странную тягу к оружию. К тому времени ведущееся на заставе расследование ни к каким результатам не привело, и особый отдел уцепился за версию офицера комендатуры. В Москву был отправлен офицер штаба с полномочиями провести предварительный опрос трех бывших пограничников. Первым в этом списке оказался бывший сержант, который в период кражи дежурил по заставе. Он сразу во всем признался и показал именно на младшего сержанта Козликина. Далее все шло по плану: офицер доложил по закрытой связи командованию, подключились военная прокуратура, милиция — и все трое участников кражи оружия были арестованы. Их под конвоем отправили в пограничный отряд для проведения следствия и суда, и в результате следственных действий были установлены вина и роль каждого в этом хищении.

А было все так. Зная, что ключи от склада с оружием хранятся в канцелярии в столе начальника, эта троица по предварительному сговору решила похитить оружие. Зачинщиком и организатором выступал младший сержант Козликин. Начальника нет, старшина, вымотавшись, отдыхает, подмена из комендатуры еще не прибыла — момент для кражи просто идеальный. Убедившись, что вся застава спит, они взяли ключи от склада в канцелярии и вскрыли склад с оружием. Похитив автомат, вновь закрыли и опечатали склад.

Часовой стоял на «стреме», чтобы не застучал старшина, дежурный по заставе следил за спящими пограничниками — вдруг кто случайно проснется, а Козликин в это время проник на склад, вынес оружие, а затем закрыл и опечатал дверь. Оружие под видом проверки поста ПТН Козликин унес и спрятал под чехлом прожектора. Затем во время службы разобрал его на части, а что не смог — распилил. После проверки офицера комендатуры, о которой я писал выше, Козликин смазал автомат, завернул в тряпку, затем в целлофан и закопал по пути к ПТН. Он надеялся, что, когда все уляжется, автомат спишут как утерянный, а он однажды приедет, откопает его и увезет в Москву.

До суда и на период следствия трое бывших пограничников содержались в следственном изоляторе, в одной камере с зеками, проходящими по статьям разбойного и иного характера.

Из рассказа конвоировавших солдат внутренних войск стало известно, что все трое вышеупомянутых были «опущены» зеками в камере и перешли под нары на «петушиные» места. После суда реальный срок — четыре года строгого режима — получил только Козликин, а остальным дали условные сроки и отправили домой, но судьбы свои ребята уже сломали. Во времена СССР судимый пограничник был крайне ограничен в своих правах как гражданин страны.

Вот такой позор очередным бременем лег на пограничные войска. Начальника заставы уволили, старшину отправили на пенсию, а замполит, вернувшись с учебы, стал начальником заставы. Кстати, женой его была знаменитая стюардесса, награжденная орденом за предотвращение угона самолета.

Кинопередвижки

Кто служил в те давние времена, когда кино на заставах показывали через кинопроектор «Украина», тот помнит и автомобили с кинопередвижками, которые в период праздников отправлялись из пограничной комендатуры или пограничного отряда по заставам с пропагандистскими фильмами на разные темы для солдат. И вот послала меня Родина за этими самыми кинопередвижками в город Нижний Новгород. Дали мне семерых бойцов во главе с командиром отделения, вооруженных «до зубов», — так называемый караул по сопровождению военного груза. Если кто знает порядок перевозки оружия в поездах, тот поймет, с какой морозкой мне пришлось столкнуться: оружие и боеприпасы должны находиться в специальном ящике, обшитом металлическим листом и имеющем на крышке не менее двух замков и пломбы. Когда мы сложили в этот ящик семь автоматов и боеприпасы, он оказался просто неподъемным. А ехали мы из города Находки до Владивостока на поезде местного значения. Это такой поезд, как в фильмах про дикий запад: проводник вагон не топит, мусор не убирает, чай не готовит, постели не выдает — просто голые полки общего вагона. Других вагонов в этом поезде нет. Вчетвером мы еле-еле закинули ящик с автоматами в вагон и покатали навстречу приключениям, коих оказалось немало. Но обо всём по порядку.

Во Владивостоке мы сразу же поехали в Управление пограничного округа, ящик с собой тащить не стали. Оставили под охраной двух бойцов в здании вокзала, предварительно предупредив офицера местной комендатуры, чтобы их не арестовали. Явившись к дежурному офицеру управления, я доложил о цели прибытия и попросил разместить нас и выделить машину, чтобы доставить ящик с боеприпасами к месту нашего размещения. Мне дали автобус. Я смотрелся на вокзал, забрал бойцов и ящик, и отвез в пограничную строительную роту, где нас поселили. На следующее утро офицер политуправления округа отвел меня в отдел кадров, там мне выписали проездные документы до Нижнего Новгорода и поставили задачу на путь следования.

В делах сопровождения грузов я был не новичок, а потому «заправился» полностью. Купил двадцать бутылок питьевого спирта, два ящика тушенки (в каждом по сорок восемь банок), выпросил у старшины пять новеньких камуфляжных костюмов. Естественно, получил сухой паек на обратный путь следования для всех бойцов. На каждого солдата оказалось по два полных, под завязку, вещмешка с грузом плюс ящик с оружием. Затем купил билеты, и наш поезд тронулся в Нижний Новгород.

Ехали мы, как и положено, в общем вагоне, заняв два купе полностью и забив в них своим грузом все ящики и полки. Поочередно дежурили дневальные (так положено при сопровождении груза), чтобы никто не украл еду и оружие. Времена-то были горбачевские, в стране дефицит всего — еды, одежды. Так что бдительность не помешает. В Нижнем Новгороде на разного рода перекладных, попутно расспрашивая людей, куда ехать, долго добирались до комендатуры, где контролировали все передвижения грузов. Как нам объяснили, она находится в Кремле, на берегу Оби и Волги, где обе реки сливаются воедино. Оказавшись в нужной точке и доложив о цели нашего прибытия, получил приказ разместиться с бойцами в роте по сопровождению грузов на железнодорожном транспорте. Я и не знал, что есть такой род войск.

Отдохнули, побродили по Кремлю, полюбовались красотами этого края — места здесь действительно красивые, и поехал я искать завод, на котором делают кинопередвижки. В комендатуре о таком заводе почему-то не знали. Начал я, как меня учили, с местного рынка. Поспрашивал бабушек, и оказалось, что в Нижнем Новгороде более ста военных заводов. Бабки мне всё рассказали: и где ракеты делают, и где самолеты взлетают. Находка для шпиона: все секреты нашей обороны выложили как на ладони. Но вот про завод, где делают кинопередвижки, они тоже ничего не слышали. Я заподозрил что-то неладное.

Поехал в Управление КГБ по Нижнему Новгороду — решил там узнать, где этот завод. И оказалось, что меня не туда прислали — данный завод находится не здесь, а в Великом Новгороде, чуть выше Ленинграда. По связи ВЧ доложил оперативному дежурному Управления пограничного округа в городе Владивостоке о положении дел и спросил, что делать дальше. Проездных документов у меня и моих бойцов нет, а командировка выписана до Нижнего Новгорода. Там велели подождать до принятия решения. Пока суд да дело сходил в ближайшее кафе перекусить, выпить кофе. От соседа по столику узнал, как доехать до Великого Новгорода: словоохотливый мужичок рассказал, что сначала едешь до Ленинграда (тогда это был, Ленинград), там делаешь пересадку, а затем уже оттуда на Великий Новгород.

Вернувшись в Управление КГБ, получил следующую установку: командировку и проездные билеты нам выпишут прямо здесь, в КГБ Нижнего Новгорода, и сегодня же вечером мы отправляемся в Ленинград. Забрав проездные документы, я купил билеты до Ленинграда и сразу же до Великого Новгорода. Оказалось, в Ленинграде нужно будет сделать пересадку и ожидать поезда целые сутки. Такая вот нестыковка с поездами.

Попрощавшись с Нижним Новгородом, мы двинулись дальше, навстречу новым приключениям. Думаю, не стоит повторяться, как мы снова грузили в поезд свои мешки и ящик. Это было уже так привычно, что мы даже перестали обращать на это внимание, чего не скажешь о гражданских пассажирах. Те с любопытством задавали вопросы типа: «А не на войну ли вы едете, солдатики?» Мы отшучивались: «Не на войну, а с войны, а в мешках трофеи везем!» И все вместе смеялись. Тогда еще к армии относились с уважением, а к пограничникам особенно.

Прибыли мы в Ленинград. Как потом оказалось, это был наш последний визит в город с таким названием, ведь вскоре его переименовали в Санкт-Петербург. В общем, грех было не воспользоваться выпавшей возможностью! И далее я пошел по более простому варианту — за пару бутылок питьевого спирта нам упаковали в бумагу весь наш багаж, который мы сдали в камеру хранения. Решился я на эту авантюру, чтобы показать бойцам город на Неве, ведь они все сибиряки, и неизвестно, попадут ли сюда когда-то. Я уже бывал в Ленинграде раньше и неплохо знал город, особенно старую его часть. Разумеется, мы пошли от Московского вокзала пешком. Смотрели по сторонам: Невский проспект, памятник Екатерине, Фонтанка, собор Спас на Крови, марсово поле, памятники Суворову, Петру Первому. Исаакиевский собор, гостиница «Англетер» (где убили Есенина). Сфинкс у моста Лейтенанта Шмидта, скульптурные изображения львов и лошадей. Дальше — мосты над Невой, крейсер Аврора на Малой Невке, Летний сад с его скульптурами. Но главное, конечно, ночной развод мостов над Невой. К моему удивлению, нас никто ни разу не остановил. Думаю, по нашим раскрытым ртам было понятно, что мы безобидные туристы. Питались мы в кафе и киосках, которые тогда были на каждом шагу.

Очарованные городом, гуляли мы довольно много. Перебрались по мосту Лейтенанта Шмидта к кунсткамере, затем отправились к знаменитой Петропавловской крепости на Заячьем острове. На Васильевском острове прошли мимо ростральных колонн, обратно по Центральному мосту и по набережной до Кировского моста. Эмоции у ребят просто зашкаливали, впечатлений было много, да и я обновил свои воспоминания о Северной Пальмире.

Явившись на вокзал за час до отправления поезда, мы присели на лавочку и только тогда почувствовали, как сильно устали, ноги просто горели огнем. В туалетной комнате привели себя в порядок, получили вещи из камеры хранения и, погрузившись в вагон, покатали дальше.

В Великий Новгород наш поезд прибыл утром. Имея предыдущий опыт, я сразу пошел в Управление КГБ по Великому Новгороду, где мне рассказали, куда ехать, чтобы попасть на этот злополучный завод. На заводе нас уже ждали и сразу выделили вагон-теплушку. Точно, как в фильмах о войне: нары из досок и печка-буржуйка — больше никаких удобств. Заселились в теплушку, начали благоустраиваться. Опять же из опыта прошлых поездок первым делом как следует закрепили печку и особенно крепко прикрутили ее трубу к вагону, чтобы от

тряски эту трубу не разобрало на части. Перед печкой для пожарной безопасности постелили лист железа. Естественно, я сразу организовал настоящую караульную службу: часовой, дневальный, дежурный — все как положено. А тут как раз прицепили и платформы, на которых будут погружены и закреплены кинопередвижки. Правда, до погрузки у нас еще оставалась пара суток.

Я по очереди сводил ребят в Кремль, к памятнику «Тысячелетие крещения Руси», что у Софийского собора. Видели мы и знаменитые ворота, которые хан Батый своровал, а потом наши их отбили и возвратили обратно. Пешеходный мост через реку, сделанный по приказу князя, чтобы он мог ходить к своей любимой. В общем, и здесь, в Великом Новгороде, впечатлений было море.

Еще через сутки пригнали и закрепили на платформах автомашины, в фургонах которых была установлена аппаратура кинопередвижек. Опять же исходя из жизненного опыта, все, что было на этих машинах ценного, включая аккумуляторы, я приказал снять и сложить к нам в теплушку. На платформах остались только сами автомашины. Пора было в путь. Дополнительный сухой паек нам, конечно, никто не дал, а выданный ранее уже заканчивался. Солдаты недовольно бурчали, что скоро начнут голодать и ходить побираться на станциях. Я успокоил их, сказав, что все у нас будет, причем самое лучшее и самое свежее. Со мной они не пропадут — опыт-то не пропьешь.

Для большего удобства охраны кинопередвижек ночью мы приватизировали на грузовой станции лавочку. Прибили ее гвоздями к полу на самой последней платформе и для надежности прикрутили проволокой. Сидя на ней, часовой мог наблюдать за всеми машинами, и мы тоже видели часового из дверей теплушки — так сказать, визуальный контакт. Настал день, когда к нашему составу прицепили тепловоз, и мы покатали через всю страну к городу Владивостоку.

Мелькали за окнами деревеньки, станции, города. Проплывали деревья, поля, люди, домашние животные. На все это мы смотрели через приоткрытую дверь вагона-теплушки, согреваясь чаем, вскипяченным на буржуйке. Красота! Романтика и отдых, а не служба. На больших станциях, где мы стояли долго, я подходил к дежурному по вокзалу и менял питьевой спирт на свежие овощи и фрукты. На дворе стояла осень, и мы ели все, что уродило на нашей русской земле-матушке. Редис, помидоры, огурцы, в том числе и малосольные. Молодая картошка, зеленый лучок, укропчик, петрушка, сельдерей. Довелось нам отведать и грибочков, также продавали на станциях виноград, арбузы, дыни, яблоки, груши. Тушенка у нас была своя, а на спирт я выменивал все витамины нашей родины. Продав пару новеньких «камуфляжей», которые я прихватил с собой, покупали на эти деньги хлеб, беляши, пирожки. Слава Богу, все это в любом уголке прекрасно умеют выпекать наши русские женщины. Однако, проезжая через таежные места, мы убедились, что в европейской части нашей родины люди живут немного иначе. Здесь уже не было тех разносолов, что встречались до Урала. Зато в изобилии предлагались грибы, картошка, кедровые орехи, свежее и вареное мясо диких животных, меха на воротники и смола-жвачка. Как местные говорили, помогающая от цинги. Также местами, особенно ближе к Байкалу, было много разнообразной белой рыбы, в том числе и знаменитый омуль. Естественно, мы запаслись им в сушеном виде на всю дальнейшую дорогу.

Сила и мощь Сибири, конечно, покорили нас. Бойцам все местные красоты были близкими и родными, а я, родившийся и выросший в европейской части страны, не мог налюбоваться величием таежных рек с их крутыми берегами, могучими вековыми хвойными деревьями, каменными утесами, по которым, возможно, бродил, когда-то сам Ермак. А вот начиная от Кушки, к сожалению, любоваться было особенно нечем. Степи и степи. Причем безжизненные.

По Казахстану мы ехали без единой остановки пять суток. Скорость состава была очень большой, и нас трясло, как на старой телеге по каменистой дороге. Казалось, все внутри

скоро оторвется и вывалится через лопнувший от тряски живот. Мы даже чая толком не могли согреть: чайник на буржуйке плясал, как сумасшедший. Приходилось держать его за ручку, чтобы не прыгнул и не ошпарил нас кипятком. Готовить еду было просто невозможно, поэтому мы ели рыбу и тушенку с огурцами и хлебом.

Наконец первая станция, где наши платформы загнали в тупик на переформирование состава. По пути нас уже не раз переформировывали. Но обычно просто отцепляли два-три вагона, которые уже пришли по своему адресу, а здесь было полное переформирование. То ли по ошибке, то ли специально, но две наших платформы отцепили от эшелона и покатали в другой тупик. Я, естественно, был начеку и, запрыгнув на эти платформы на ходу, покатил вместе с ними. Когда платформы остановились, подошел к сцепщику и сказал, чтобы отогнал наши платформы обратно, иначе мне придется применить оружие (а я имел такое право в соответствии с уставом караульной службы). Он посмотрел в свои записи, сверил номера в них с номерами наших платформ. Переговорив с кем-то по рации, признал, что это действительно ошибка, и отогнал платформы обратно. Но к этому времени наш эшелон уже переформировали, и эти платформы прицепили с другой стороны теплушки. Вот это было уже гораздо хуже. Ведь лавочка-то у нас на платформе была одна, и когда платформы стояли одна за другой, все машины хорошо просматривались одним часовым. А теперь на каждой остановке приходилось выскакивать из теплушки еще одному солдату и следить за теми платформами, что находились с другой стороны теплушки. И однажды это едва не привело к гибели бойца.

Соскочив на одной из стоянок, боец, как и положено, охранял платформы. Одет он был очень тепло, поскольку осенью на Дальнем Востоке ночи уже холодные. Когда поезд без предупреждения снова начал двигаться, боец попытался на ходу запрыгнуть в теплушку. Я всегда страховал как посадку, так и высадку бойцов. Держась одной рукой за вагон, другой схватил его за руку, чтобы поддержать. Он тоже взялся рукой за скобу вагона и, поставив ногу на железную ступеньку, хотел оттолкнуться другой от насыпи и запрыгнуть в теплушку. Но то ли верхняя одежда оказалась тяжелой, то ли усталость за месяц путешествий сделала свое дело, только он внезапно потерял равновесие. Я увидел, как его нога соскальзывает со ступеньки и по инерции уходит под вагон на ходу поезда. Крепко сжав его руку, я что было силы дернул его к себе, стараясь затащить в вагон. Боец тоже не растерялся и, на ходу оттолкнувшись от рельса обеими ногами, как мячик запрыгнул в теплушку. Сердце мое билось как сумасшедшее, лоб покрылся холодным потом, даже колени слегка дрожали — вот такой стресс за несколько секунд.

Все же не зря я хорошо физически готовил своих пограничников — именно в таких ситуациях спортивная подготовка часто спасает жизнь. Открыв бутылку со спиртом, я налил полкружки и выпил залпом, не закусывая, но он меня не брал — до такой степени было напряжение от стресса. Только с третьего раза почувствовал, как тело постепенно расслабилось. И ужасно захотелось есть. Съев банку тушенки и два малосольных огурца, я наконец-то смог уснуть.

На следующей станции при проверке обнаружилось, что стекло одной нашей машины разбито. Сначала я подумал, может, дети, бросили камень по ходу движения поезда. Есть ведь такие шутники на наших железных дорогах. Но, открыв кабину, мы увидели, что электрическая печка в салоне выломана и валяется на полу, — видимо, вор не успел ее вытащить и убежал без добычи, услышав, что часовой прыгнул с теплушки. Что делать? Наш недосмотр — надо принимать соответствующие меры. А это значит, что по приезду нам придется возвращать стоимость разбитого стекла. На одной из станций напротив нас остановился эшелон, где на платформах стояли машины, похожие на наши, которые никто не охранял. Ребята, пока я отдыхал в теплушке, быстро вытащили стекло из чужой машины и вставили в нашу кинопередвижку. Мне они об этом ничего не сказали.

Ближе к Владивостоку стало совсем холодно, да так, что один из моих бойцов, сидя на лавочке на открытой платформе, простыл и заболел. По симптомам было похоже на бронхит, но я опасался, что это гораздо серьезнее. И оказался прав. Не дожидаясь прибытия на станцию,

стал делать ему спиртовые компрессы и растирания спины и грудной клетки. Это ненадолго помогало, хотя бы немного облегчало сильнейший кашель.

Спустя два дня с начала болезни бойца мы прибыли на вокзал, и я сразу повел его к дежурному врачу. После осмотра тот диагностировал воспаление легких. Я позвонил в пограничный госпиталь города Владивостока, оттуда прислали санитарную машину и забрали моего бойца. Его оружие и всю амуницию мы, конечно, привезли с собой, сдавали доставленный груз уже без него.

Благодаря буржуйке мы все выглядели как копченые. Не мылись более месяца, поэтому сразу же, как только сдали кинопередвижки, направились в баню. Выстирали вещи, хорошенько попарились и пошли отдыхать. На следующий день я взял билеты на все тот же ковбойский поезд от Владивостока до Находки, и, загрузившись со своим ящиком, мы поехали в свою воинскую часть продолжать службу по охране границы. Но эта командировка еще долго снилась мне ночами, да и моим бойцам, я думаю, тоже. Через месяц, вылечившись, приехал и тот солдат, которого мы оставили в госпитале во Владивостоке. Хорошо, что все обошлось, что называется, легким испугом.

Груз 200

На одной из пограничных застав сахалинского пограничного отряда корсаковской комендатуры, называлась она «Озерской», как и поселок, в котором находилась, произошло страшное происшествие. Чрезвычайное. Там застрелился солдат. Причем служить ему оставалось всего три месяца. Все понимали, что это не дедовщина.

После тщательного расследования установили, что гибель солдата — результат неразделенной любви. Он познакомился с местной поселковой девушкой, встречался с ней и даже хотел жениться, настолько все было серьезно. Но, однажды убежав в самоволку, так сказать, с внезапной проверкой, обнаружил ее спящую с местным парнем, который, видимо, был у нее запасным вариантом. После тяжелого объяснения с девушкой солдат возвратился на заставу и заступил в наряд на пост технического наблюдения. А вернувшись из наряда, отправился в столовую чистить оружие. Дальше события развивались по банальному сценарию: улегшись на пол, он вставил патрон в патронник и выстрелил себе в подбородок. Пуля прошла насквозь и вышла у него на макушке, отколов кусок черепной коробки. Прибежавший на выстрел дежурный по заставе увидел лежащего в луже крови бойца с дырой в голове.

В таких случаях все действуют строго по инструкции: доклад начальнику, мигом прилетила на санитарном вертолете «медицина», а на другом вертолете — комиссия. Боец умер мгновенно. Медики уже ничего не могли сделать и только привели его тело в порядок. Комиссия разобралась быстро: начальнику — строгий выговор, замполиту — строгий выговор за плохую работу с личным составом. Но это было лишь началом той беды, которая внезапно свалилась на командование пограничного отряда. Солдат этот прибыл из Литвы, а отношения с балтийскими республиками тогда были на пределе. Митинги и демонстрации по отделению Литвы, Латвии и Эстонии от СССР уже набирали силу. И тут очень некстати такое происшествие.

Нужно кому-то везти этот груз 200 в Литву. Смелых офицеров, однако, не находилось, все отказывались, вплоть до увольнения — знали, чем может закончиться такая поездка.

Командир вызвал меня и приказал сопровождать груз 200. Ничего не оставалось делать, как отправляться в эту неприятную со всех точек зрения командировку. Дали мне для сопровождения двух бойцов, и, загрузив гроб, запаянный в цинк и уложенный в деревянный ящик, мы поехали через всю страну. Вначале на машине от заставы до аэропорта Южно-Сахалинска. Дальше наш путь продолжился на самолете до Красноярска, там пересадка и перегрузка в самолет до Москвы, а оттуда самолетом в Литву.

В столичном аэропорту Литвы нас встретили родственники на бортовом ЗИЛе с открытым верхом. Загрузив груз 200, мы все тоже уселись в кузов и поехали в тот поселок, из которого солдат-литовец призывался в пограничные войска. Над дорогой стоял густой туман, как белое молоко, ничего не видно в пяти метрах. Было такое впечатление, что мы плывем в облаках. Родственники, сидевшие рядом с нами, молчали на протяжении всего пути. Они ни о чем не спрашивали, мы тоже молчали.

Когда наконец-то добрались до поселка, туман сразу пропал, будто мы спустились с небес на землю. То, что происходило дальше, до сих пор кажется мне диким и неприятным. Я знал причину смерти бойца, и мне было его искренне жаль. Но то, что совершалось на моих глазах, потрясло меня еще больше.

Разломав ящик, многочисленные родственники солдата вскрыли цинк и извлекли гроб. Затем вынули из гроба тело, полностью раздели бойца и, переодев в свою национальную одежду, положили в другой, заранее заготовленный гроб. Ящик и гроб груза 200, в котором солдата привезли, а также форму пограничника вместе с зеленой фуражкой сожгли на костре тут же во дворе. Когда я смотрел на то, как горит зеленая фуражка, мне хотелось разорвать

всех присутствующих на части. И почему-то в этот момент вспомнилась казнь пограничника из книги о «лесных братьях».

Раздетого бойца родственники тщательно осмотрели, изучая каждый сантиметр безжизненного тела. Я так понял, что искали синяки и кровоподтеки, но их не оказалось. Совершив какие-то свои обряды (его семья придерживалась католической веры), установили гроб в комнате и начали отпевать, прощаться, а затем повезли тело к месту захоронения. Я со своими бойцами тоже хотел присутствовать на похоронах, но нас не пустили. И все вокруг говорили только на литовском языке, искоса бросая на нас негодующие взгляды, будто это мы убили солдата или каким-то образом причастны к его смерти.

После захоронения вернулись в дом и начали поминать усопшего за большим столом. Нам накрыли стол отдельно, в углу двора, и поставили на стол только водку, хлеб и селедку. Вот как они относились к нам тогда, и почему-то мне кажется, что не лучше относятся и теперь. Хорошо, что я захватил с собой сухой паек.

Мы не стали пить, так как понимали, что есть опасность драки, а рукопашный бой во хмелю опасен не только для подвыпившей родни, но и для нас. Скажут потом, мол, пьяные пограничники нагрубили, пришлось успокаивать их кулаками. Перекусили мы с ребятами, помянули усопшего сослуживца, встали из-за стола и вышли на улицу, чтобы не видеть косых взглядов и не слышать направленных явно в нашу сторону угроз на литовском языке.

Когда вся компания уже хорошо выпила, начала формироваться очень агрессивная группа, которая просто рвалась с нами расправиться. Их с трудом удерживали другие, видимо, более лояльные родственники. Все бросить и уйти с траурного мероприятия было как-то неудобно: родственники покойного могли подумать, что мы трусили или, что еще хуже, выказываем им свое неуважение. Поэтому мы продолжали оставаться возле дома. У меня, как и полагается, был собой пистолет Макарова и шестнадцать патронов к нему. Правда, он находился в потайной кобуре и был не виден окружающим. На всякий случай я расстегнул китель, решив, что если моих бойцов начнут бить и им будет угрожать смерть, то после предупредительного выстрела вверх успею положить человек пятнадцать наиболее ярых до расправы литовцев.

Даже сейчас, спустя много лет после того случая, я понимаю, что сделал бы это. Вскоре к нам подошел один мужчина и тихо сказал, что дело обстоит плохо. Нас хотят растерзать за смерть гражданина свободной Литвы. Он предложил поскорее сесть в его машину, чтобы уехать в аэропорт. Я спросил, насколько это удобно, не обидятся ли остальные родственники на то, что мы уехали. Но он ответил, что как раз родственники и просят увезти вас «от греха подальше». Упрашивать нас долго не надо было, и, сев в машину, мы покинули поселок.

В аэропорту, купив билеты и поблагодарив литовца за помощь, пошли в кафе, где наконец по-настоящему помянули погибшего товарища. Нам все пограничники одинаково дороги, какой бы национальности они ни были и какой бы религии ни придерживались, — пограничное братство нерушимо. Ведь не зря в приказе министра обороны СССР написано, что любой солдат, сержант срочной службы считается погибшим «при исполнении служебных обязанностей» независимо от того, что явилось причиной его смерти. В армии нет «самострелов», как иногда, не зная вышеупомянутого приказа, пишут разные корреспонденты, разжигая при этом ненависть к армии между народами и между религиями.

Печально возить такие грузы из армии на родину, но мы солдаты и делаем то, что нам прикажут. А сердца наши всегда на стороне простого солдата, его родителей, его родных и близких. И мы искренне скорбим вместе с ними.

Не успел я еще отойти от этой поездки в Литву, как снова произошло самоубийство, и тоже на почве неразделенной любви. «Ребята, что же вы делаете с собой?! — хотелось крикнуть каждому солдату, — Очнитесь!» Головой надо думать, а не тем, что ниже пояса выросло. Если девушка ушла, еще неизвестно, кому сильнее повезло! Я понимаю, молодость — она у

всех примерно одинаковая. Я тоже мог бы застрелиться, если бы меня вдруг бросила та единственная, а их у меня было три. Из-за каждой из них я мог бы застрелиться, но... только на словах и в письмах.

У застрелившегося пограничника дома была девчонка, которая провожала его в армию и верно ждала. И это только подтверждает мои мысли о том, что молодость — это глупость, возведенная в третью степень. Меня как опытного «похоронщика» откомандировали сопровождать и этот груз 200. Хорошо, что парень жил в Приморском крае, недалеко от Хабаровска, и повторение литовской эпопеи меня здесь точно не ожидало.

Когда погибшего одевали и укладывали в гроб, а затем запаивали в цинк, я не присутствовал. Мне передали уже деревянный ящик с надписью «груз 200» и инвентарным номером. И из-за этого возникли некоторые проблемы, когда по прибытии на родину бойца его пришлось вскрывать, но об этом потом.

Мы прилетели в Хабаровск, где нас встретили родственники тоже на бортовом, без тента, ЗИЛе. И это не последнее совпадение, которое бросилось мне в глаза. Встречали нас отец и дядя погибшего солдата. Отозвав меня в сторонку, они попросили, чтобы я никому не говорил о том, что парень сам застрелился. Я объяснил, что военкомат все равно непременно скажет всем правду, и я буду выглядеть лжецом. Но они очень слезно просили, пришлось согласиться. Ведь парень был из деревни, а тогда еще во многих местах самоубийство считалось позором, это было не по-христиански. Таким образом, зная приказ министра обороны СССР о том, что всем солдатам положены все воинские почести независимо от причины гибели, я пошел на этот обман. Мы договорились, что я скажу, что сам этого не видел, но командование сообщило, что произошел несчастный случай во время чистки оружия. Оружие выстрелило само по себе, а пуля попала парнишке в голову.

Когда добирались от аэропорта к дому, нас, как и в прошлый раз в Литве, окутал густой туман. Мы снова плыли, как в облаках, до самой деревни. Это совпадение поразило меня больше всего. Неужели Бог подавал сигнал, что он все видит и укрывает нас от злых глаз и злых людей, которые могут осудить мертвого или нас, решивших не говорить людям всей правды. Не знаю, была ли это святая ложь, но, думаю, Бог всех рассудит. Когда родственники спросили меня о причине смерти, я ответил так, как и договорились предварительно с дядей и отцом солдата. Однако военком поступил иначе, заявив родителям, что их сын — «самострел», и никакой оркестр ему не положен, а почетный караул тем более. Кроме невероятного горя из-за гибели сына, над этой семьей нависла еще и угроза позора.

Понимая трагедию родителей и пожалев несчастную мать, я с дядей и отцом бойца поехал на автомобиле к военкому. Тот, естественно, сразу вспылил и начал орать, что меня накажут за ложь и что вообще таких бойцов он закапывал бы в одной шинели, без гроба. Однако этот крикун, занимающий должность военкома, оказывается, не знал приказа министра обороны. Я вежливо напомнил ему об этом и порекомендовал прочитать приказ заново. Приказ вышел под грифом «секретно», в военкомате его не оказалось. Мы вместе с военкомом поехали в ближайшую воинскую часть, где, получив разрешение на ознакомление с приказом, он его прочитал. Как же он был удивлен, как забежали его свиные глазки после прочтения! Он начал извиняться перед родственниками и тут же дал команду срочно выслать в деревню военный оркестр для похоронных мероприятий.

Мы вернулись в деревню с оркестром, и все успокоились. Пришло время открывать цинк. А я ведь не знаю, что в цинке. Есть там гроб или нет, как солдат одет и как вообще выглядит. Наступила минутная заминка. Немного подумав, я пришел к выводу, что не может там быть ничего иного, чем то, что должно быть. Не могло командование не выполнить всех положенных по протоколу обязанностей! И дал добро на вскрытие цинка. Внутри оказался прекрасно сделанный, обитый, как положено, гроб. И мальчик их лежал в пограничной форме, со всеми его воинскими наградами на кителе. Выглядел как живой.

Минутное молчание прервали рыдания и вопли убитых горем матери и родни. Просто не передать словами все, что мне пришлось выслушать за этот час прощания. Девушка солдата к этому времени училась в десятом классе, и, если бы он вернулся, они бы осенью поженились. Но весна забрала его вместе с той мимолетной любовью вдалеке от родного села на острове Сахалин. Оркестр, прибывший к дому, играл траурную музыку, заглушая вопли скорбящей родни, которые как ножом по сердцу ранили каждого присутствующего.

Прощание закончилось, гроб вслед за машиной понесли по деревне. Я держал портрет солдата. Мои бойцы сопровождения несли крышку гроба. За деревней гроб и венки сложили на машину и медленно двинулись к кладбищу. Мои солдаты по стойке смирно стояли возле изголовья почетным караулом, а оркестр все играл и играл траурную мелодию, как будто извиняясь за то, что несвоевременно прибыл на похороны.

Похоронили молодого бойца возле дедушки, участника Великой Отечественной войны. И глядя на могильную фотографию деда, я увидел его ясное сходство с внуком. Как же они были похожи внешне, а какие разные судьбы! После похорон от криков и стонов родни у меня так разболелась голова, что я не знал, что и делать. Вернувшись с кладбища, попросил разрешения прилечь в надежде, что боль утихнет, но она не проходила. Родственники и односельчане сели за стол поминать, а меня нет. Начались перешептывания, почему, мол, офицер не идет, не уважает, значит. Ко мне подошел дядя покойного и сказал, что сейчас он меня выleicht. Налив рюмку коньяка, велел выпить, я от безысходности повиновался. И вдруг, как по мановению волшебной палочки, боль ушла.

Выйдя к столу, я извинился за опоздание. А когда подошла моя очередь говорить, произнес следующее: «У меня самого двое детей, я люблю их безмерно и молю Бога, чтобы никому из родителей не довелось испытать такое горе и такие страдания, какие выпали на долю этой семьи. Ваш сын был настоящим воином, пограничником, и мы всегда будем помнить о нем как об отличном бойце, защитнике Родины. И пока мы о нем помним, он жив в наших сердцах и нашей памяти. Вечный ему покой и царствие небесное!» Выпив до дна еще рюмку коньяка, я невольно вспомнил похороны, что были в Литве: меня даже передернуло от этих воспоминаний. Уж больно разными были эти два приема. После похорон молодого бойца я уже больше никогда не соглашался на сопровождение груза 200. Этих двух мне хватит на всю оставшуюся жизнь.

Подразделения, где я служил

Взвод повышенной боевой способности

Было время, когда у руля страны находились, на мой взгляд, прекрасные люди и, как теперь говорят, хорошие менеджеры. Одним из таких я считаю Юрия Владимировича Андропова. Он, кстати, как и я, родился пятнадцатого июня, правда, намного раньше меня. Но до сих пор, празднуя свой день рождения, я обязательно поднимаю рюмку за него, теперь, правда, не чокаясь. Не хочется строить догадки, как было бы на самом деле, но я твердо уверен: если бы Андропов пришел к власти пораньше — СССР вряд ли бы развалился. Однако речь не об этом.

Когда пограничные войска были объявлены «специальными» войсками КГБ, требования к подготовке бойцов существенно изменились. Введение специального пограничного упражнения в стрельбе, контрольной пограничной полосы препятствий с элементами десантной подготовки и метанием ножей действительно заметно улучшили и двинули вперед боевую подготовку пограничников. А с началом войны в Афганистане и переброской туда пограничных мотоманевренных групп понадобились специальные подразделения для снятия сопредельных постов и пропуска войск через границу.

Анализируя международную обстановку того времени, можно с уверенностью предположить, что вероятным противником мог стать только Китай. США появились на горизонте позже, уже после ввода войск в Афганистан. Недавно закончившаяся быстротечная война Китая с Вьетнамом выдвинула Китай на первое место среди всех предполагаемых в то время вероятных противников.

Чем же занимались в ВПБС? Прежде всего, надо сказать о том, что их сразу же засекретили. На двери взвода повесили табличку «Посторонним вход запрещен!», внутрь могли зайти только дежурный по части и, конечно, командование пограничного отряда. Другим офицерам вход в это подразделение был запрещен, не говоря уже о прапорщиках, сержантах и рядовых. Пока не было четкой программы подготовки взвода, солдаты занимались привычным делом: рукопашный бой, преодоление полосы препятствий, стрельба, метание ножей, тренировка в снятии часовых, марш-броски. Затем программа была утверждена — ко всему, что изучали ранее, в нее добавили десантную подготовку.

Для каждодневных тренировок были построены десантные полосы препятствий (КПП). Сначала на учебном пункте и в отряде, а затем и на каждой заставе. Дополнительно к этому сделали свою полосу по имитации прыжка с парашюта. Что входило в прохождение этой полосы? Быстрый подъем на пограничную вышку, далее на высоте пяти, а иногда десяти метров от земли движение по канату длиной двадцать метров (правда под канатом была привязана страховочная сетка) и затем спуск на землю по шесту. Далее — преодоление обычной полосы препятствий. После этого бойцы попадали в пограничный городок, где по заранее проложенным следам определяли направление движения нарушителя. Те, кто справились с этой задачей, на протяжении двадцати метров двигались по-пластунски под колючкой и затем отрабатывали приемы рукопашного боя по выставленному «противнику». Далее шло метание ножей — и на огневой рубеж для выполнения специального пограничного упражнения. К этому комплексу ВПБС также добавили снятие часового и прыжок с учебной десантной вышки.

На реальных тренировках солдаты после преодоления всех этих полос выматывались так, что стрелять уже были не в состоянии. Однако упорные тренировки сделали свое дело, и через некоторое время стрельба стала весьма эффектной. А в дальнейшем этот комплекс еще усложнили — все стали делать в ночное время, стреляя с насадками или ночными прицелами. Одним словом, спецназ пограничных войск, пограничная войсковая разведка!

По личной инициативе Ю. В. Андропова в каждом пограничном отряде был создан «взвод повышенной боевой способности». Этот взвод подчинялся напрямую командиру пограничного отряда и действовал совместно с разведкой пограничного отряда. Подразделение было экипировано как десантные войска — с ног до головы. Камуфляж, камуфлированные береты, рюкзаки десантника, нож разведчика, АКМСУ-5,45 (тогда только что вышедшие и принятые на вооружение). В подготовку ВПБС, кроме всего перечисленного, входили десантная подготовка, начиная от изучения парашюта до практических прыжков с парашютом с вертолета, а также марш-броски по сорок пять километров с последующим выполнением боевого задания по учебному снятию пограничной заставы и боевой стрельбой на стрельбище.

Отбор в этот взвод вначале производился стихийно — просто набрали спортсменов, вот тебе и готовые спецназовцы. Но время показало, что спортсмены к такой нагрузке не привыкли.

Меня в этот взвод прикомандировали случайно — после моих удачных выступлений на соревнованиях по рукопашному бою. К этому времени я уже был достаточно хорошо подготовлен как офицер пограничных войск, а также занимался восточными единоборствами, имея на руках удостоверение инструктора по прикладному карате. Плюс перед армией прошел сборы и сделал три прыжка с парашютом с АН-12. Назначили меня главным кандидатом на должность командира взвода.

Я воспринял это назначение очень серьезно и начал с изучения документов по формированию учебной программы ВПБС, после чего смело потребовал от командования отряда полного выполнения всех требований. Надо отдать должное, мне повезло: командир части полковник Рязанов взял мой взвод под свое крыло. Вскоре я отобрал самых, на мой взгляд, подготовленных и наиболее перспективных в плане обучения бойцов и приступил к их подготовке.

Десантную подготовку взвода осуществлял специалист из пограничного авиаполка, он же проводил с нами и сборы в аэропорту Артем вблизи Владивостока. Каждый боец взвода сделал двенадцать прыжков с парашютом с МИ-8, причем три из них были выполнены в ночное время. Я до сей поры благодарен нашему инструктору по парашютно-десантной подготовке, который сумел подготовить нас умело и качественно, а главное, быстро.

Правда, не обошлось и без курьезов. Во время сборов к нам приехала женщина — военный корреспондент, которая собирала материал для статьи на тему о десантной подготовке. Инструктор предложил ей окунуться в атмосферу десантных будней и подняться с нами в небо, где она воочию увидит, как мы прыгаем. Тогда и вопросов будет гораздо меньше. Она охотно согласилась, даже обрадовалась, не подозревая, какой сюрприз ее ждет. Надев на нее парашют и подогнав, как положено по инструкции, инструктор усадил ее на лавочку рядом с нами, и вертолет взмыл в небо. Вот и набрана нужная высота, по команде мы начали прыгать. Инструктор пристегнул карабин принудительного открытия парашюта корреспондентки. Она увлеченно щелкала фотоаппаратом, снимая нас, а затем подошла к открытой двери и, поддерживаемая инструктором, стала фотографировать купола раскрывающихся парашютов. И тут инструктор сказал ей: «Ну, пора», — и буквально пинком под мягкое место вытолкнул из вертолета. Вопли и брань огласили небосвод. Но когда парашют раскрылся, ругань прекратилась.

Приземлившись на аэродроме, она долго не могла говорить, похоже, выкричалась в небе. А потом, когда немного отошла от стресса, оказалась очень довольна и написала действительно прекрасную статью о первых пограничных десанниках.

Так в каждодневных занятиях и тренировках прошло определенное время. Однажды перед Днем пограничника в отряд прибыла съемочная группа местного телеканала, чтобы снять материал о пограничниках. Командир, вызвав меня, приказал показать им все, на что способны мои бойцы на сегодняшний день.

Режиссер и оператор долго пытались мне рассказать, что именно им хотелось бы снять. Я предложил сделать по-другому: пусть они сначала просто посмотрят, что мы можем, а потом

решат, что будут снимать. Ну и запустил своих ребят по кругу. Десантная полоса препятствий, канат на высоте десять метров над землей, прыжок с высоты трех метров, метание ножей, преодоление армейской полосы препятствий сменились рукопашным боем с автоматом, ножом, саперной лопатой и без оружия. А в конце ребята продемонстрировали перебивание кирпичей ребром ладони. Корреспонденты просто ошеломились! Они не ожидали, что могут встретить здесь таких подготовленных ребят.

Началась съемка. Мы делали все, как умели, дубли повторяли, сколько надо, в общем, потратили на это весь день. И когда увидели себя по местному телевидению, но главное, это увидели обычные люди, то бойцы испытали гордость за себя, а рейтинг пограничников среди местного населения подскочил на недосягаемую высоту. И командир отряда после этого поверил в нас, стал поручать нам специальные, очень секретные задания.

Первое мы получили, насколько я помню, зимой. Командир вызвал меня и сообщил, что в районе «Горного воздуха» (это лыжная база отдыха) пропал мальчик. Я поднял свой взвод по тревоге и выдвинулся в указанный район. Поиск оказался недолгим, ведь такие вещи у нас были отработаны до автоматизма — мальчишку нашли живого, заплаканного, правда, и с переломом ноги. Спускаясь на лыжах напрямую через лес, он хотел сократить путь, но провалился в яму и сломал ногу. Оказали ему первую медицинскую помощь, зафиксировав перелом, доставили в больницу. Сотовых телефонов тогда не было, и я доложил командиру о выполнении задания по рации.

Потом было много событий, поисков, марш-бросков как зимой, так и летом. Где мы только ни бегали — по дороге и по лесу, по сопкам и болотам! А чего стоили переправы через реки — по канату и без него, которые требовали особой сноровки и мастерства. Одним словом, боевая служба на порученном участке.

Потихоньку сменялись поколения, приходили новые ребята, а ветераны ВПБС покидали отряд. Одних я отправлял в военные училища, в высшую школу КГБ, других домой, с направлением в институт. Потом они мне еще долго писали письма, пока следы не затерялись. А с приходом в нашу жизнь Интернета ребята нашли меня. Есть о чем поговорить, до сих пор общаемся, вспоминая те прекрасные дни.

Однажды поступил приказ поднять взвод по тревоге. На вертолете нас перебросили на остров Монерон вблизи Сахалина. Задача была поставлена такая: без шума и пыли взять нарушителей границы, высадившихся с лодки на Монерон. А произошло следующее: на дальнем рейде у Сахалина стоял пришедший из Японии сухогруз, который ждал своего оформления на приход у пограничников. Очередь из судов была длинной, ждать пришлось долго, и капитан судна решил взять вельбот и высадиться на остров Монерон — сварить уху, пожарить шашлычок, в общем, отдохнуть на природе. Как капитан он знал, что благодаря расположению острова Монерон сухогруз находится в «мертвой зоне» радаров пограничных застав, и рассчитывал, что нарушение сойдет ему с рук. Но не сошло.

Теперь-то я могу сказать, в чем капитан ошибся: он забыл про работника маяка, стоявшего на острове. Тот проявил бдительность, позвонил пограничникам и сообщил о высадке. Информация прошла по инстанциям, и мой взвод уже бежал по пыльным тропинкам острова к заветной цели. Это было наше первое боевое задание ВПБС на выезде. Реальные нарушители границы, реальная обстановка — в общем, настоящий боевик.

Незаметно подобравшись к указанному месту (а в это время уже начало темнеть), мы увидели на берегу моря костер и сидящих вокруг него людей. Невдалеке на отмели стоял вельбот. Заняв исходные позиции, бойцы залегли, готовые поддержать группу захвата огнем и маневром. Группа захвата, соблюдая маскировку всех видов — световую, звуковую и так далее, сблизилась с нарушителями. В одно мгновение перед уже подвыпившими любителями природы как из-под земли выросли крепкие парни в камуфляже и масках. Стволы уперлись в спины.

— Стоять, руки за голову! Не шевелиться!

Группа захвата начала досмотр нарушителей, после чего всех уложили лицом вниз, предварительно связав руки за спиной. Только женщине разрешили сидеть на валявшемся на отлив бревне. Я спросил, кто среди них старший. Откликнулся капитан судна. Я разрешил ему встать и потребовал объяснить, почему они нарушили границу и сошли на берег, не дождавшись оформления. Сняв первичные показания, сообщил по радиации о завершении операции по задержанию нарушителей границы.

Прилетевший вертолёт забрал нарушителей на борт. Через некоторое время подошел пограничный корабль, и прибывший с ним «глиссер» увел на буксире вельбот нарушителей. Мы в ожидании высланного за нами борта уселись у костра, ели свой сухой паек и веселились вместо нарушителей.

Надо сказать, что у меня имелось разрешение принимать во взвод любых пограничников по своему усмотрению. Естественно, прежде всего я отобрал спортсменов не ниже первого разряда, причем самых разных направлений и видов спорта. И, как показала практика, правильно сделал. Так, двое бойцов из Казахстана были чемпионами по набрасыванию лассо, северяне хорошо метали топоры и метко стреляли. Были во взводе и единоборец, и борец, и боксер — лучшие в своем профиле. Каждый из них учил других тому, что умел сам, и не просто понемногу, а до полного усвоения предмета. Благодаря такому взаимному обучению, когда каждый был друг для друга учителем, не наблюдалось у нас никакой дедовщины, а вот дружба завязалась настоящая, пограничная.

И вот очередное реальное задание — марш-бросок на сорок пять километров и снятие пограничной заставы «Золоторыбная». С места дислокации мы выбежали в двадцать часов по местному времени и к рассвету были уже на подступах к пограничной заставе. Организовав наблюдение и проведя разведку, выяснили, что часовой, стоящий у входных дверей заставы, ждет смены, смена травит анекдоты в дежурном помещении, а все остальные пока спят. Используя лассо, быстро сняли часового и ворвались в дежурное помещение, где условно уничтожили всю смену. Так же оперативно переместились в спальное помещение, взорвали взрывпакеты и сделали пару очередей холостыми патронами, имитируя уничтожение раненых. Затем по своей радиосвязи сообщили командиру части о выполнении задания.

Разбуженные стрельбой и взрывами начальник и старшина заставы выбежали из своих домов и были тут же условно уничтожены ожидавшими в засаде бойцами ВПБС.

Выслушав в свой адрес забористый трехэтажный мат перепуганного руководства заставы, мы побежали обратно к месту своей дислокации, радостные и довольные тем, что хорошо выполнили задание. Ведь для нас-то оно было удачным.

Позже, в период учений на Курилах, у нас было еще одно интересное задание, о котором хочу рассказать более подробно. Поверьте, оно того заслуживает.

Все началось как обычно: тревога, вертолет, ПСКР — и мы на Курилах. Высадили нас на берегу моря, у подножья вулкана Тятя. Поставили задачу: марш-броском на двадцать пять или тридцать километров по лесистой и пересеченной местности выйти к двум часам ночи к аэродрому Менделеева и уничтожить котельную и пограничную заставу с одноименным названием.

Получив задание, я с группой из пяти человек — Ваня Горелов, Валера Аксенов, Витя Другов, Вася Густов, Серега Чупин — рванул к заветной цели. Бежали тихо, размеренно, не спеша. Местность незнакомая, под ногами то и дело попадались булыжники. Километров через десять сделали привал и, сверив карту с местностью, определили свое местонахождение. Уточнив, сколько еще осталось до цели, решили выйти на дорогу, чтобы, пользуясь наступившей темнотой, километров двадцать пробежать по дороге. Решено — сделано.

Махнули еще километров пятнадцать, и тут впереди послышались звуки, напоминавшие урчание мотоцикла. Правда, раздавались они неравномерно, словно мотоцикл не заводился. Подойдя поближе, через прибор ночного видения мы увидели стоявшего на дороге мотоцик-

листа, который пытался завести свою заглухшую технику. Делать нечего, придется обходить его по лесу.

Но кто бывал в лесах Сахалина и Курильских островов, тот знает, что такое высохший бамбук. Как бы ты ни старался идти тихо, бамбук предательски хрустел под ногами. Услышав этот хруст, мотоциклист, видимо, принял нас за медведя и начал стучать ключом по мотоциклу в надежде отогнать зверя. В этот момент мы услышали работу двигателя ГАЗ-66, похоже, ехала автомашина пограничной заставы. Машина остановилась, и мотоциклист испуганным голосом сообщил пограничникам, что рядом бродит медведь. Однако начальник заставы сообразил, что за «медведь» бродит по лесу. В нашу сторону были сделаны выстрелы холостыми патронами, сопровождаемые призывами сдать.

Мы замерли. Сидели, затаив дыхание, и ждали, прослушивая местность. Я был уверен, что никто ночью лес прочесывать не пойдет — этому они не обучены и могут заблудиться. Так и случилось. Покричав, свои призывы сдаваться, пограничники сели в машину и поехали обратно на заставу — готовить нам встречу. Они полагали, что мы снова выйдем на дорогу и тут-то они нас на подходе к заставе и возьмут. Но мы решили иначе.

Укрывшись плащ-палаткой, при свете фонарика я изучил карту и обнаружил, что один из ручейков, протекающий недалеко от дороги, выходит прямо к аэродрому. Решение было принято мгновенно: отыскав этот ручей, мы по его руслу побежали вверх к аэродрому. Добравшись до пункта назначения, увидели, что на аэродроме установлен прожектор, который хорошо освещал подступы к аэродрому. Это оказалось очень кстати, поскольку все подступы к заставе в луче прожектора были теперь как на ладони.

Быстро выяснили, что застава охранялась по трем рубежам. Вокруг самой заставы были выставлены наряды из двух человек. В ближайших кустах прятались солдаты комендатуры, а далее, возле дороги, лежали в траве солдаты учебного пункта, привезенные для усиления. Проскользнуть незаметно было практически невозможно. Тут и родился очередной план, разыгранный в дальнейшем как в театре комедии.

Одного из своих, Валеру Аксенова, я отправил на заставу «сдаваться». При себе у него имела радиостанция без антенны, которую мы предусмотрительно сняли. Валера должен был прикинуться заблудившимся и отставшим от группы. Зная психологию солдата, я понимал, что, как только Валера придет сдаваться, они покинут свои места в укрытиях и пойдут смотреть на задержанного. Этого времени достаточно, чтобы успеть проскользнуть на заставу.

Проведя для Валеры подробный инструктаж, что говорить и как себя держать, я отправил его сдаваться. Оказалось, что Аксенов не только мастер спорта по конькобежному спорту, но еще и очень хороший артист. Каково же было его удивление, когда, подойдя к первому заслону, он увидел, что все бойцы, лежавшие на траве, спят здоровым крепким сном. Что поделаешь — учебный пункт, еще не адаптированные к службе бойцы. Во втором эшелоне обороны дело обстояло еще хуже. Солдаты, собравшись в одно место, курили и травили анекдоты. Видимо, надеялись на первый заслон, который, увы, спал.

В прибор ночного видения мы наблюдали, как на подходе к заставе нашего бойца задержал наряд, незаметно вынырнувший из темноты. Ну а дальше все шло как по нотам: как я и предполагал, пограничники, покинув места своих засад, прибежали посмотреть на задержанного нарушителя.

Мы, естественно, не могли не воспользоваться таким подарком и без особого труда проникли на территорию заставы. Развесив всюду таблички «взорвано», я велел группе затаиться в районе кочегарки заставы, которую, собственно, нам и требовалось взорвать. Сам же пошел «взрывать» канцелярию со всеми, кто там находился.

Незаметно обошел часового и дежурного по заставе, которые, стоя у крыльца, живо обсуждали задержание одного «спецназовца». Подойдя к двери канцелярии, осторожно открыл ее, слава богу, она не закрипела, и увидел такую картину: мой боец стоял у карты

и со слезами на глазах показывал, где он якобы отстал от группы, куда затем шел и откуда вышел. Он говорил таким жалобным голосом, что не поверить ему было невозможно. «Вот это артист! Хороший артист!» — усмехнулся я и повесил на выключатель света табличку «взорвано». Затем тихонько присел на стул, продолжая наблюдать за игрой Валеры. Наконец кто-то из офицеров, повернувшись к выходу, заметил меня, а вместе со мной и табличку «взорвано». Аксенов в это время уже не выдержал и начал смеяться, что сильно разозлило офицера, ведущего допрос. Он в сердцах выругался, добавив:

— Ну, сынок, будь это в боевой обстановке, я бы тебе показал, как морочить нам голову.

Но делать было нечего. Пришлось признавать свое поражение — застава «Менделеево» была уничтожена нашей «диверсионной» группой. Нас поместили в ленинскую комнату на втором этаже, накормили, а пограничникам велели не спускать с нас глаз. Но мы, связав простыни, спустились через окно и побежали за очередной «жертвой» в сторону Курильского пограничного отряда. «Взорвали» сам отряд, а затем и пограничную заставу «Лагуна», после чего на ПСКР убыли на Сахалин. Курильская эпопея закончилась нашей полной победой над пограничниками Курил.

Командовал я взводом чуть более двух лет, далее перешел в школу сержантского состава — заместителем начальника школы по боевой подготовке. А мой взвод в скором времени расформировали. Жаль, конечно. Хорошее было подразделение, боевое, настоящее! Но моих орлов, моих бойцов я не забуду никогда. Надеюсь, что и они меня помнят. Валера Аксенов, Вася Густов, Ваня Горелов, Сергей Чупин, Витя Другов, Мухамедзянов — мои ребята всегда со мной на связи. Остальные пока затерялись на широких российских просторах.

В ВПБС потянулись обычные серые будни. Занятия и тренировки, соревнования по самбо, дзюдо, рукопашному бою, волейболу, футболу, преодоление полосы препятствий, стрельба, метание гранаты и офицерское шестиборье.

В шестиборье входило: стрельба из пистолета Макарова, бег на сто метров, метание гранаты, бег на один километр, плавание и прыжки в длину. Странное какое-то соревнование. Однако я всегда занимал первое место в стрельбе и по совокупности набранных очков оказывался призером. А вот команды бойцов, которые я выставлял на соревнования, удивляли всех. Первые места во всех видах единоборств всегда были нашими. Мои ребята валили всех, невзирая на ранги и титулы.

Помню, новичок Сергей Чупин чистым броском «подхват» победил мастера спорта по дзюдо майора милиции. И так происходило в каждой схватке, на каждом соревновании. Мои друзья из местного КГБ начали «сватать» моих ребят, переманивать к себе в органы, предлагая должности прапорщиков, квартиру и последующую учебу в высшей школе. Двое из моих ребят все же уехали на учебу в ВШК. Это Мухамедзянов и Василий Густов. Густов — серьезный парень, боевой ветеран, прошел Афганистан. Сейчас живет в городе Сочи. Мухамедзянова я встречал позже уже в звании майора на должности заместителя начальника особого отдела пограничного отряда. Я же так и уволился капитаном.

Однако это не столь важно. У каждого своя судьба, своя стезя, своя фортуна. От меня к концу моей службы фортуна, похоже, отвернулась. Наверное, в какой-то мере в этом виноваты мы сами, но разве мы можем это признать? Чаще всего нет. Ведь гораздо проще найти главного виновника и направить на него свой праведный гнев. Сейчас я это, конечно, понимаю, а тогда были совсем другие мысли. И вот заслуженная пенсия.

Школа сержантского состава

О школе сержантского состава (ШСС) говорить особенно нечего, просто потому что это время мне как-то не очень запомнилось. Расскажу все, что смогу вспомнить. Когда меня сюда перевели, школой командовал майор Николай Громов. Замполитом был майор Владимир Васютник, а старшиной — прапорщик Геннадий Бабинич. Я пришел на место заместителя по боевой подготовке, который уехал учиться в академию.

Первая встреча с курсантами школы запомнилась смутно. Они меня, оказывается, уже знали по взводу ПБС, ведь мы все служили в одном гарнизоне. Майор Громов, очень образованный, начитанный офицер, был всегда аккуратно побрит и наглажен. Правда, любил иногда выпить, а потому в сейфе у него всегда стояла бутылка «Мартини». Мы с Васютиком постоянно его прикрывали, стараясь сразу отправить домой, если он выпил, но, если был уже сильно «под мухой», бывало, и закрывали в кабинете, чтобы проспался. Когда майор Громов собрался переводиться в город Алма-Ата (он был оттуда родом), меня прочили вместо него начальником школы. Вроде и два высших образования, и методикой обучения курсантов владею, однако замполит майор Васютник сказал начальнику политотдела, что мне еще рановато — не созрел. И вместо меня начальником ШСС назначили капитана Анатолия Стогневича, раньше служившего начальником заставы «Охотск». Благодаря регулярным поставкам рыбы и икры он был направлен в академию, но получил сплошные двойки при поступлении и с позором вернулся обратно. Я смирился с ситуацией, но отношения у меня и с новым начальником школы, и с Владимиром Васютиком после этого не складывались.

Я начал серьезно заниматься с курсантами физической подготовкой, тренировался сам и их учил рукопашному бою. Занятия по боевой подготовке у курсантов при мне стали реальными. Первое, что я сделал, это переписал заново всю программу подготовки сержантов с учетом тех знаний и навыков, которые я получил в пединституте и ВПБС. Новую программу подготовки отнес командиру пограничного отряда полковнику Рязанову на утверждение. Тот в свою очередь отправил ее в Тихоокеанский пограничный округ. Не прошло и месяца, как из округа пришла новая программа, один в один с моей, только уже с подписями полковников из округа. Меня там даже не упомянули. Да и Бог им судья, главное, что программу утвердили, и последний набор школы я уже начал обучать по новой, я все же считаю, своей программой.

Суть программы заключалась в том, что занятия должны быть комплексными и максимально приближенными к боевым действиям, с учетом дозирования физической и умственной нагрузок. События в Афганистане и горячих точках внесли свои коррективы. С самого утра, после развода и завтрака, курсанты ШСС уходили на целый день на занятия в поле, на учебный пункт. И отрабатывали все в полевых, приближенных к боевым условиям. Обед — в окопе, из котелка, кружки и фляжки. На войне как на войне. Непрерывные химические атаки противника, непрерывные артобстрелы, внезапные атаки или высадки десанта. Курсантам было очень тяжело, но они не обижались — понимали, что именно так закаляется стальной характер пограничника, будущего сержанта-командира.

Четыре дня в неделю полевые выходы и два дня в неделю политическая и строевая подготовка. В таком напряженном ритме учились будущие командиры отделений пограничных застав. Через какое-то время мы повезли курсантов из ШСС на стажировку по заставам. Скажу откровенно, показали они себя очень хорошо — глубокое знание педагогики и психологии, умение командовать. А также знание устава и инструкций по охране границы, отличный внешний вид и личный пример во всем. Начальники, застав сразу отметили, что этот выпуск будет особым и на заставы придут настоящие младшие командиры. Тут же стали просить прислать им именно тех будущих сержантов, которые проходили у них стажировку.

Первый выпуск по разработанной мною программе показал, что хорошо подготовленные сержанты могли без проблем заменить на пограничных заставах и начальника заставы, и замполита. Никакие «деды» не могли противостоять моему сержанту-профессионалу, командиру и воспитателю. И если судить по боевым действиям моих курсантов в Афганистане и Чечне, учил я их правильно.

КЛЮЧНИКОВ Олег Михайлович — Герой России, награждён посмертно (погиб 17 июня 2002 г.), Выпускник Школы Сержантского Состава 1985 г. весна — осень войсковая часть 2067 Сахалинского, Рижского, Ордена Ленина, Знака почётного чекиста, 52 пограничного отряда.

В ШСС все были настоящими бойцами, я называл их — «мои орлы». Ведь мы отбирали их в ШСС из всего состава учебного пункта, и, конечно, наиболее достойных. Среди них был и Олег Михайлович Ключников. Умный, добрый и скромный, я бы даже сказал, тихий. Ничем особенным среди ребят не выделялся. Сегодня я горжусь тем, что мне выпала честь учить будущего Героя России. Вечная ему память и царствие небесное!

Отзыв начальника ШСС: *«Олег Ключников был курсантом школы сержантского состава Южно-Сахалинского пограничного отряда с весны по осень 1985 года. Был скромным и удивительно спокоен. Мне он запомнился, когда ШСС проходила московскую инспекторскую проверку в июне 1985 года. Это была первая проверка после „апрельских тезисов“ Горбачева, хотя ШСС ее проходить не должна. Это были очень трудные дни, но мы справились. Вот тогда-то он и запомнился тем, что быстро ориентировался в сложных ситуациях, был спокоен и уверен в себе. Очень вынослив».*

Тогда ШСС руководил капитан А. Стогневич, заместителем по политчасти был майор В. Васютин, заместителем по боевой подготовке — капитан Е. Роговой. Мы гордимся многими нашими выпускниками, но Олегом Михайловичем Ключниковым особенно. Все курсанты школы будут помнить его имя.

Вот что написано о нем в представлении к наградному листу:

«Ключников Олег Михайлович — заместитель командира отряда милиции специального назначения при ГУВД Воронежской области, майор милиции. Родился 11 июля 1966 года в городе Воронеже. Русский. Окончил среднюю школу. Призван на срочную службу в Вооруженные Силы СССР, проходил службу в пограничных войсках в 1984—1986 годах. После увольнения в запас поступил на службу в органы Министерства внутренних дел СССР. Начал службу милиционером патрульно-постовой службы. В 1988 году был создан отряд милиции особого назначения (ОМОН) при ГУВД Воронежской области, и Олег Ключников стал одним из первых бойцов отряда. Прошел последовательно все ступени служебной лестницы, стал заместителем командира отряда. Окончил Орловский институт МВД РФ. В составе отряда совершил две командировки в зону вооруженного межнационального конфликта в Северной Осетии и пять командировок для участия в боевых действиях на территории Чеченской Республики в период первой и второй чеченских войн. В свою пятую командировку в Чечню Олег Ключников поехал в апреле 2002 года командиром сводного отряда Воронежского ОМОНа. Отряд был на службе в Ачхой-Мартановском районе Чечни. Командир отряда майор Ключников проявлял мужество и героизм в боях, хладнокровие в критических ситуациях, умело находил взаимопонимание с местным населением и организовывал взаимодействие с войсками и подразделениями правоохранительных органов.

Сопровождая колонну из Ачхой-Мартана в Самашки, 23 апреля попал в засаду боевиков. Приказал охранению спешиться и открыть массированный огонь по боевикам, а водителям на большой скорости покинуть место боя. После ухода автомашин боевики не стали втяги-

ваться в длительный бой с милиционерами и с потерями отошли. Отряд ОМОНа не имел убитых и раненых.

Получив сведения об участвовавших перемещениях боевиков, майор милиции Ключников 17 июня 2002 года с четырьмя бойцами отряда сам организовал засаду в районе села Чожичу. Однако вместо одиночных боевиков в неё попала банда в составе 15 человек. Милиционеры встретили боевиков огнём, сразу уничтожив часть бандитов. Однако численное превосходство всё-таки оказалось на стороне боевиков, и они это поняли. Постепенно их натиск усиливался. Олег Ключников мужественно вёл бой. Закрыв собой пулеметчика от брошенной в него гранаты, получил два осколочных ранения. Оценив обстановку, он приказал бойцам прорываться на ближайшую высоту, где можно было уверенно обороняться длительное время. По его команде милиционеры забросали бандитов гранатами и, пока те приходили в себя, прорвались на высоту. Там милиционеры заняли круговую оборону, причем был выявлен схрон боевиков и сооружённые ими же огневые позиции. Огнём с этих позиций были отбиты ещё несколько атак. В последней атаке, когда на одном из участков возникла критическая ситуация, майор Ключников приказал подчинённым сменить позицию, а сам остался прикрывать их перемещение. Намеренно обнаружив свое местонахождение, он тем самым отвлек внимание боевиков на себя, а когда был окружен — вызвал на себя огонь артиллерии при помощи сигнальных ракет. Получил тяжёлое ранение и скончался на поле боя. Группа продержалась до прибытия подкрепления.

За мужество и героизм, проявленные в ходе контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе, Указом Президента РФ от 9 сентября 2003 года майору милиции Ключникову Олегу Михайловичу посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации».

При жизни он был также награждён двумя орденами Мужества, четырьмя боевыми медалями.

Похоронен Олег на Коминтерновском кладбище города Воронежа.

Курсанты ШСС часто уезжали в город Аниву на учебный пункт, где жили и тренировались в полевых условиях. Это было хорошо для подготовки будущих сержантов — работа и учеба в обстановке, приближенной к суровым будням заставы. У местных офицеров здесь было много свободного времени, и они занимали его, кто чем мог, — кто играл в карты, кто ездил в Аниву в ресторан, кто усиленно занимался спортом. Я отобрал из них десятков желающих повысить свою спортивную подготовку и занимался с ними по вечерам в спортзале. Но иногда, когда нужно было помахать кулаками, защищая честь мундира, офицеры брали меня с собой в город Аниву, в ресторан. Ну и, естественно, махали кулаками от души, если кто-то оскорблял офицеров или пытался претендовать на женщину, которую ангажировал офицер. В общем, упражнялись...

Но были и рутинные, скучные дни. Менялись замполиты, менялись начальники, и каждый привносил в жизнь подразделения свою тупость или мудрость. Я даже не помню их всех, но вот то, что все время занимался с курсантами подготовкой к параду ШСС или красил казарму, — это помню. На параде ШСС всегда проходила лучше всех, я тренировал бойцов по-настоящему, ведь сам когда-то участвовал в нескольких парадах на Красной площади, а это кое-что да значит в строевой подготовке. А вот красить казарму я не любил, у меня от краски всегда начинался ринит. Я уходил в санчасть, и спасибо начальнику санчасти майору Валентину Полякову, который, как оказалось, меня уважал, — он всегда давал освобождение. К слову, мы сейчас оба на пенсии и живем с ним в одном городе. Недавно он умер, царствие ему небесное.

Школу сержантов несколько раз переселяли из одной казармы в другую, и нам приходилось постоянно делать ремонт. Новый начальник школы майор Радий, приехавший из Одессы в порядке замены капитана Стогневича (который уехал на его место в Одессу), очень любил розовый цвет. Все, что только можно, заставлял красить в этот цвет.

В период службы в ВПБС я заочно поступил в Южно-Сахалинский государственный педагогический институт на физмат (тогда вдруг разрешили получать еще одну профессию). Конечно, учился я в свободное от службы время, а сессии сдавал в период своих отпусков. Зато не прошло и трех лет, как я получил второй диплом о высшем образовании и дополнительную профессию учителя математики средней школы.

Не помню, сколько было у меня выпусков в ШСС, но я завел такую традицию: перед окончанием совершать марш-бросок на пик Чехова. Это 1 800 метров над уровнем моря, пятнадцать километров — все только вверх и вверх. При этом лесистая местность покрыта высоким бамбуком и кустарником, а тропинка только для одного человека. Но зато с пика Чехова весь город виден как на ладони, а в хорошую погоду можно разглядеть даже Охотское море. Конечно, это требовало от курсантов напряжения сил и выносливости. Но несмотря на мою требовательность, суровость, серьезные тренировки и напряженные занятия, многие из них и сейчас общаются со мной в социальных сетях. Все ребята ведут здоровый образ жизни, являются уважаемыми людьми. Среди них есть Герой России, чемпионы России по многим видам спорта, тренеры, юристы, директора предприятий, многие имеют правительственные награды. Все — прекрасные граждане нашей великой Родины. И я горжусь тем, что когда-то учил их мужской профессии и мы вместе служили.

Комендантская рота

Служба в самом пограничном отряде для солдата не очень привлекательна. Но, что поде-лаешь, некоторые специальности, а то и просто фортуна, тормозили бойца в отряде и не давали ему доехать до границы. Тем не менее все без исключения солдаты и сержанты отряда мечтали попасть на заставу — форпост нашего государства. Если перечислять подразделения, которые служат в отряде, это займет много времени, хотя в каждом отряде они разные и изменения происходят в течение года или двух. Постараюсь представить обобщенную картину, не разгла-шая при этом государственной тайны. Начнем, пожалуй, с комендантской роты — подразде-ления, которое осуществляет вооруженную охрану всего гарнизона, в том числе штаба погра-ничного отряда.

Особое внимание уделяется охране боевого красного знамени, охране штаба и складов с оружием и боеприпасами. Естественно, остальные склады тоже охраняются. Но на них, как правило, попыток нападения не бывает — не блокадный же Ленинград, чтобы грабить склады с продовольствием. Бойцы комендантской роты отличаются от остальных гарнизонных служи-вых прежде всего своим внешним видом и дисциплиной. Ежедневные строевые занятия, бое-вая служба с оружием и боеприпасами оказывают свое положительное воздействие. Я лично не могу себе представить, чтобы у знамени части стоял боец, не отвечающий всем высоким требованиям к воину-пограничнику.

Он всегда одет в парадную форму, чистую и выглаженную, коротко подстрижен, гладко выбрит, на нем сверкающие сапоги и такая же бляха. Два часа, положенные до следующей смены, боец стоит не шевелясь, лишь слегка ослабив колено правой или левой ноги. Все про-ходящие мимо военные отдают честь знамени части, при этом часовой принимает строевую стойку и замирает.

Днем стоять у знамени части намного проще, чем ночью. То пройдет знакомый боец, с которым можно пошептаться, то, сверкнув на тебя глазищами, проскочит вольнонаемная девица с высоким бюстом — все же не такая тоска. А вот с наступлением ночи все меня-ется. Давящая на тебя тишина штаба вызывает невыносимое желание спать. Начинают отека-ть ноги, плечи наливаются свинцом, автомат становится тяжелым, как пудовая гиря. Фуражка или шапка просто врежется в твою голову, сдавливая её, как обруч для пыток древней инквизиции. Кто хоть раз стоял у знамени, тот меня понимает. Стоишь как на раскаленных углях, стопы ног горят от постоянного напряжения, все тело каменеет, и кажется, что еще мгновение — и ты действительно окаменеешь или превратишься в оловянного солдатика. Но ты — пограничник, а потому, преодолевая натиск всей этой физиологической шелухи, встрепенешься, встряхнешь свое тело, прогонишь сон и достоинь до конца смены.

Кстати, чтобы все, кто не в курсе, знали — у часового есть кнопка вызова караула на слу-чай нападения, пожара, иного стихийного бедствия или если ему вдруг станет плохо. Так что умереть тебе не дадут, успеешь только нажать эту секретную кнопку. Но нас учили очень строго. Не дай Боже, ты нажмешь эту кнопку без особо важной причины — получишь от начальника караула или разводящего по полной программе. А еще могут потом этот случай вынести на обсуждение на солдатском или комсомольском собрании роты. Где уже твои сослуживцы ска-жут тебе в глаза, какой ты нехороший и слабовольный боец.

Я не служил в комроте, но еще во время срочной службы, обучаясь в школе сержантского состава, мы ходили в караул. Произошел со мной один случай — не буду скрывать, имею грех на душе. Правда, все обошлось без крупных разборок. Стоял я как-то у знамени части. Ночь, тишина, слышно даже, как где-то скребется мышь. Вот эта мышь меня и подвела: прислуши-ваясь к ее шуршанию, я незаметно для себя уснул. Уснул на таком ответственном посту! У знамени части, позор! Снится мне моя деревня, зеленый лужок, речка, телята, гуси пасутся на

лугу, светит солнышко, и я иду босиком по траве. Река так и манит чистой и теплой водой, но вдруг налетел ветер и толкнул меня в спину. Проснулся я в тридцати сантиметрах от пола, куда падал в полный свой рост. Резко вытянув руки вперед, успел приземлиться на ладони, но висевший на груди автомат по инерции ударился затвором о бетонный пол и грохнул, как выстрел. Этот жуткий грохот слился с грохотом стукнувшей входной двери. Это разводящий со сменой шли менять меня на посту. Я быстро вскочил, поправил на себе оружие и обмундирование и крикнул идущим навстречу людям:

— Стой, кто идет?

Мне ответили:

— Разводящий со сменой!

— Разводящий ко мне, остальные — на месте! — снова прокричал я.

Убедившись, что это действительно разводящий, я доложил ему, что на посту без происшествий, после чего тот скомандовал:

— Смена, продолжать движение!

Подошла смена, на мое место встал другой боец, а меня повели отдыхать.

Были в комендантской роте и другие интересные случаи и даже происшествия. Однажды, будучи дежурным по части, я, как было намечено по плану, вышел проверить караул. На дворе лето. Ночь была безлунной и теплой. Убедившись, что с караулом все в порядке, взял с собой разводящего, караульного из бодрствующей смены и пошёл проверять посты. Приблизившись к складам, огороженным колючей проволокой, я визуально не обнаружил часового, что меня насторожило. Шагнув за периметр колючей проволоки, мы напряглись в ожидании внезапного окрика «Стой, кто идет?», но стояла тишина. Часового нигде не было. Я дал команду разводящему принять пост под охрану.

Выставив караульного, мы с разводящим отправились на поиски часового. Сбоку склада, у самого дальнего забора, стояла будка, где временно складировали мусор и всякую ненужную ветошь, хлам, сломанную мебель. Потом все это грузили в кузов самосвала и вывозили на мусорную свалку. Подойдя к будке, я услышал мужской храп. А заглянув внутрь, увидел часового, спящего на куче мусора сладким сном. Автомат Калашникова лежал рядом, под головой виднелась зеленая фуражка. Наклонившись, я тихонько взял автомат и дал команду разводящему разбудить горе-часового. Однако тот еще долго бурчал во сне, не желая просыпаться, что говорило о том, что спит он давно.

Проснувшись, он, конечно, испугался, стал искать автомат, но потом, увидев его у меня на плече, вдруг обмяк, успокоился и под конвоем разводящего пошел на гауптвахту. За это нарушение его, конечно, не посадили в тюрьму и не отправили в дисциплинарный батальон. Просто отсидел десять суток на гауптвахте и был переведен в строительную роту. В погранвойсках с этим строго. Но вот командир пограничного отряда полковник Завражков отругал меня за то, что этой проверкой и своей «тупой принципиальностью» я принес отряду такой минус.

— Надо, идя на проверку, гнать впереди себя консервную банку — тогда не будет никаких происшествий, связанных со сном на посту! — орал он на меня минут сорок. Я понимаю, что, может, по-своему он и прав. Не мне, а ему надавали по шапке из московского главка. Но меня так воспитали родители и так научили в училище, а жизненно принципиальных позиций я не меняю.

Автомобильная рота

Когда командир автомобильной роты майор Говорун ушел в отпуск, приказом командира части меня поставили на замену. Я не стал возражать, хотя и знал, что авторота — это рассадник нарушений воинских уставов. Однако мне самому было интересно во всем разбираться: раскрыть порочную практику неуставных взаимоотношений солдат из разных призывов, понять причину так называемой дедовщины. В пограничном отряде это явление не такая уж и редкость, правда, здесь дедовщина не содержала в себе элементов жестокости, граничащей с преступлением. На отдельные ее проявления чаще всего просто закрывали глаза, а порой не могли даже выявить проблему, слабо разбираясь в психологии солдат. Правда, некоторые офицеры, наоборот, брали дедовщину себе на вооружение и с помощью «дедов» поддерживали в подразделении порядок и дисциплину. Именно так обстояли дела в автороте, и мне предстояло вскрыть и сломать эту гнилую систему, пока не случилось большой беды.

Для непосвященных расскажу, что авторота состоит из водителей грузовых, легковых машин и иной техники, а также хозяйственного взвода, куда входят повара, кладовщики, сапожники, кочегары и другие специалисты тыла. Отдельно хочется остановиться на водителях легковых автомашин, которые обслуживали весь командный состав отряда. Между ними также существовало деление на особых водителей черных «Волг», возивших командира, начальника политотдела, начальника особого отдела, начальника разведки, начальника штаба, и всех остальных, которые ездили на машинах УАЗ-469 и обслуживали других офицеров штаба.

Водители «генералитета» — так мы, одним словом, называли высокое начальство, всегда ходили только в парадной форме. Понятно, что к концу службы их парадная форма сильно изнашивалась. При увольнении из войск отслужившие свой срок, естественно, отбирали у молодых солдат новую парадную форму, иногда применяя и физическое воздействие к тем, кто не хотел ее отдавать добровольно. Поскольку никому до этого не было никакого дела, со временем нарушение вошло в привычку и стало нормой жизни автороты. Я об этой проблеме знал и потому уделил наблюдению за водителями «генералитета» особое внимание.

Первым делом позвонил каждому офицеру, начиная от командира части, и поинтересовался, довольны ли они своими водителями и какие будут указания по улучшению качества их работы. На что мне все дружно ответили, что полностью удовлетворены службой водителей и претензий к ним нет. Тогда я в свою очередь попросил «генералитет» сообщать мне, в какое время они отпускают моих подчиненных после ночных выездов и в выходные дни. В качестве обоснования сказал, что беспокоюсь о сохранности автотранспорта и здоровье бойцов. В «лихие» девяностые это было актуально.

После этого, как ни удивительно, я начал получать от командования сообщения о том, в котором часу они отпустили водителя в ночное время и в выходные дни. Всю эту информацию я заносил в специальный журнал, который хранил у себя в сейфе. У дежурного по роте был другой журнал, где дневальный по роте записывал реальное прибытие водителя в роту. На проходной также велся еще один, третий, журнал, где фиксировалось время въезда автотранспорта, а также время его выезда из гарнизона. Ну и в автопарке, естественно, имелся свой журнал, где все это тоже отмечалось.

Примерно через неделю я сверил записи в этих четырех журналах и выяснил, что все водители, вместо того чтобы прибыть в роту через пятнадцать-двадцать минут, а именно столько времени уходило на дорогу от дома самого далеко живущего офицера из «генералитета», возвращались спустя два, а то и три часа. Мне стало ясно, что все они уже нашли себе девушек, с которыми встречаются, разумеется, используя служебный автотранспорт. Проверив с помощью старшины и командиров отделений содержание тумбочек и личных вещей, я полу-

чил адреса и телефоны девушек. Всю информацию изложил в рапорте на имя командира части и подал рапорт по команде.

И что тут началось! Остается только удивляться, до чего же наше командование не любит признавать свои ошибки! Особенно когда всем стало понятно, зачем я просил сообщать время убийства водителей. На меня набросились, как собаки на затравленного зверя. Орали: мол, как ты мог, да как ты посмел! Увидев такой наезд, я вынужден был отнести копию своего рапорта начальнику особого отдела, да, был такой грех, а что делать?

И тут все началось с точностью до наоборот. Всех водителей было приказано снять с машин и отправить в строительную роту в другой город. Новых водителей я подобрал из молодого пополнения, прошедшего пятисоткилометровый марш. Закрепил их за машинами, и все пошло как по маслу.

Далее я принялся за хозяйственный взвод — наиболее недисциплинированное подразделение автороты. Быстро были раскрыты ночные посиделки «дедов» в хлеборезке с жареной картошкой, а также то, что на мытье полов, хозяйственные работы и дежурство вместо себя они отправляли молодых бойцов. Пришлось поставить на место весь сержантский состав и прапорщиков. Дело наладилось: сержанты, воодушевленные моей поддержкой, теперь прекрасно справлялись с попытками «дедов» верховодить. Наиболее дисциплинированных сержантов и солдат я стал отпускать в увольнение, водил всех в культпоходы, привлек к участию в соревнованиях, приобщил к спорту. В общем, все вроде бы хорошо. Но только я один знал, скольких бессонных ночей и скольких усилий мне это стоило. И поэтому могу с уверенностью сказать: нет плохих солдат! Есть плохие, ленивые командиры, неспособные навести порядок и дисциплину в своих подразделениях.

А тут и пришел конец моей работе в качестве замены — командир автороты вышел из отпуска. Представляю его удивление, когда он увидел те изменения, которые произошли за время его отсутствия. Начальник политотдела как-то признался, что солдаты и сержанты из автороты приходили к нему и просили меня вернуть — так им понравилась моя работа. Мелочь, а приятно.

Строительная рота

«Докатился» я и до строительной роты. А было это так: на Сахалин из Приморья привезли тридцать провинившихся солдат-«дембелей», которым оставалось служить три месяца. Сослали их сюда за участие в коллективной попойке, руководствуясь принципом «с острова не сбежишь». Я как раз был без дела, и меня как опытного педагога кинули на их воспитание. Если вы служили в армии, то хорошо представляете себе эту картину: тридцать «дембелей» одного призыва, причем не с боевых застав, а из строительной роты города Владивостока. Для остальных описываю ситуацию подробнее: тридцать недисциплинированных солдат, которым все уже до лампочки, которые уже забыли, что такое строй и как это — вставать утром на зарядку. Они уже вообще никого не воспринимали всерьез.

Приняв их под свое командование, для начала выяснил, есть ли среди них сержанты.

Оказалось, да, было четыре сержанта, правда, ранее разжалованных за те или иные проступки. Но главное, они заканчивали ШСС, командовать умеют. Я вызвал их в канцелярию и провел первую беседу, так сказать, для знакомства. Рассказал немного о себе, но в основном говорили они — какие ШСС заканчивали и где. Троих из них назначил командирами отделений, а одного — заместителем командира взвода. Затем приказал составить списки отделений. Каждому дал право самостоятельно набирать в свое отделение людей, руководствуясь принципом — бери тех, кто будет тебе подчиняться и поможет поставить на место других.

После того как списки были составлены, и бойцы распределены по отделениям, я провел построение и зачитал приказ о распределении людей и назначении командиров отделений, а также заместителя командира взвода. Тут же, перед строем, напомнил им, что по решению командующего округом все они согласно положению устава, которое я зачитал дословно, уезжают в последнюю партию. При увольнении по решению командира части они могут быть задержаны на срок до двух месяцев. Итого, если посчитать, то служить им еще три месяца плюс последняя партия. Это значит, примерно полгода. Но если они беспрекословно будут подчиняться моим приказам, выполнять все, что от них требуют устав и присяга, то я лично сделаю все, чтобы они уехали домой как можно раньше. Также сержантам будет восстановлено их воинское звание.

Не могу сказать, что на мои слова кто-то особо отреагировал: они привыкли, что офицеры всегда говорят много, а потом все забывается и жизнь идет своим чередом. Но они не знали меня, и это их подвело.

Как и положено, я назначил дежурную и дневальную службу, проинструктировал солдат и ушел домой отдыхать. При этом попросил дежурного по части заглядывать к моим орлам чаще, чтобы они поняли, что их контролируют. Утром в шесть ноль-ноль я прибыл в подразделение и приказал дежурному объявить подъем и построить личный состав на физическую зарядку. Все, конечно, вставали с ленцой и вместо положенных пяти минут только через двадцать вышли на плац для зарядки. Зарядку я проводил лично. По моей команде бойцы сначала наматывали круги вокруг плаца, затем построились в ряды, и я показал разминочные упражнения на месте. Естественно, упражнения эти они делали кое-как. Некоторые вели себя как клоуны, выполняя то или иное упражнение нарочито театрально, чем веселили своих товарищей. Я терпеливо наблюдал за всем этим, а сам примечал «клоунов» и тех, кто особенно сильно сачковал или демонстративно отлынивал. По их поведению было явно видно, что это те отрицательные лидеры, на которых равняются остальные.

После зарядки бойцы приступили к умыванию и заправке постели, а потом я построил их в коридоре и провел утренний осмотр — проверил внешний вид и личную гигиену. Оказалось, они уже давно забыли, что такое утренний осмотр, и совершенно не были готовы к нему. Назначенные мною командиры записали недостатки внешнего вида каждого из бойцов. Заме-

чания были следующие: нет короткой стрижки, не побрит, грязный подворотничок, не начищены сапоги, отсутствуют носовой платок или расческа. Не остались без внимания и такие, по их мнению, мелочи, как необрезанные ногти на руках, а также давно не стиранная или не отглаженная форма. А у некоторых даже шея оказалась грязной, и это называется «дембеля»! Позор, да и только!

После этого я приказал бойцам зайти в помещение и стать возле своих кроватей. И наглядно продемонстрировал, как командир должен проверять кровати и прикроватные тумбочки. В результате ревизии из-под матрасов и из тумбочек было извлечено столько всякого хлама, что они сами удивились. Все лишнее я дал команду уложить в вещевые мешки и сдать в кладовую. Затем они снова, уже под моим контролем, заправили постели, теперь уже так, как положено по уставу. В это время прибежал дежурный из столовой и сказал, что все уже позавтракали и ждут только нас.

Пользуясь случаем, я напомнил солдатам, что, пока они сами не начнут делать все как положено, на завтрак, обед и ужин в столовую будут каждый день приходиться последними и доедать то, что останется от остальных. При движении строем на завтрак они начали идти не в ногу, как положено, а вольным «дембельским» шагом. Я развернул всю колонну обратно в сторону казармы и так водил их кругами, пока они не поняли, что могут остаться вообще без завтрака. После этого пошли как положено. Завтрак, разумеется, уже остыл и был не таким вкусным и сытным, как они привыкли в Приморье, где они получали все лучшее, да еще с добавкой масла и белого хлеба. Вот такой случился облом! Пришлось намекнуть, что, мол, сами во всем виноваты — копались, как молодые солдаты на учебном пункте, вот и результат.

После завтрака сразу же начались занятия. Первым делом я решил провести в спортивном зале проверку их физической подготовки. Так сказать, выяснить, насколько бойцы владеют приемами рукопашного боя и умеют их применять. По команде они привели свой внешний вид в форму номер два (голый торс и снятые сапоги), после чего я завел их на большой ковер и начал разминку, проинструктировав по мерам безопасности. Выяснив, что больных среди них не имеется, лично по списку стал проверять, что каждый из них знает и умеет выполнять из приемов рукопашного боя. Так и сказал: все, что умеете, то со мной и делайте. Вот я — нарушитель границы, а вы — пограничники, задерживайте меня, вырубайте, разрешаю использовать любые приемы. Они вначале обрадовались, надеясь, видимо, со мной поквитаться. На это и был мой расчет. Всех приемов, я, конечно, не применял, возможно, и рисковал. Но моя интуиция и то, что я видел во время зарядки на плацу, позволяли мне быть уверенным в том, что солдаты не знают никаких приемов.

И тут пошло-поехало. Один за одним они нападали на меня и улетали то вправо, то влево. У меня легко проходили все броски и все болевые приемы, которые я знал. Настоящих ударов я, конечно, не наносил, а только имитировал удары в разные области тела, останавливая кулак или ногу в нескольких миллиметрах от цели.

После этого смотра мои бойцы как-то поникли, зато в дальнейшем участвовали в занятиях по физической подготовке уже с полной заинтересованностью. Движения, стойки, блоки, удары, болевые приемы. От простых переходили к сложным. Приемы против ножа, пистолета, автомата — все это они впитывали в себя как губка. Было видно, что как раз этого им и не хватало, чтобы иметь право называть себя истинными, настоящими пограничниками.

Далее пошли занятия по строевой подготовке, политзанятия и в заключение — кросс на три километра. Бойцы вели себя просто превосходно. Слушались командиров отделений, никто не сачковал, по крайней мере, открыто.

В течение одной недели я смог переломить ситуацию с дисциплиной в этом подразделении. Кроме того, общаясь с бойцами других подразделений, они многое успели узнать обо мне. И это тоже их подтянуло и дисциплинировало. Но тут меня вызвали к командиру и поставили

задачу: приступить к работам по укладке кабеля для системы «Гранд» от Южно-Сахалинска до Корсакова. А это пятьдесят с лишним километров. Скорее всего, работы затянутся надолго.

Надо было как-то стимулировать моих бойцов. Тогда я попросил командира, во-первых, прямо сейчас вернуть звание сержанта тем, кого я назначил командовать. Это будет и дополнительный контроль, и хорошее поощрение для них. Во-вторых, дать слово ребятам по окончании работ на траншее отправить их по домам. Как говорится, без задержки — такие дела назывались «дембельский аккорд».

Командир подумал и принял положительное решение. Я подготовил проект приказа, командир его подписал. Построив подразделение, я зачитал им приказ командира и еще добавил от себя, что и командир, и я делаем все для того, чтобы солдаты стали настоящими бойцами-пограничниками и уволились домой не с позором, а с честью выполненного долга.

Итак, началась работа. Первый день в охотку и после длительного перерыва в работе мы рванули весьма длинную траншею, так что к вечеру все чувствовали усталость. Далее работали свою внутреннюю норму, которую выполняли за день, а то и, если была такая возможность, перевыполняли. Через неделю мы уже вышли за территорию Южно-Сахалинска и к месту работы и обратно нас начали возить на автомашинах. Погода была хорошая: конец лета — и не жарко, и не холодно, копай себе и копай. Вечером приезжал заказчик, принимал нашу работу. Проверял ширину и глубину траншеи, чтобы все соответствовало необходимым нормам. После проверки сразу укладывали кабель и присыпали его землей, устанавливая столбики с предупреждающими надписями.

При рытье траншеи мы частенько натывались на различные трубы, кабели, бетонные коробки канализации. Это задерживало нас, так как приходилось ждать согласования и разрешения на продолжение работ. Так прошло два месяца, а мы проделали только половину пути. Все эти задержки с согласованиями выбили нас из намеченного графика, мы понимали, что «дембель» в опасности. Но что мы могли поделать?

Как-то вечером я рассказал ребятам о том, что Суворов ценил солдат, отличающихся особой смекалкой, и всегда поощрял таких. И тут мои бойцы заявили:

— А вы сможете купить нам пять бутылок водки?

Я насторожился и, естественно, спросил, зачем она им нужна.

— А это уже наша смекалка. Мы тут встретили прапорщика из «кадрированного» (это когда техника есть, а людей нет) инженерного батальона советской армии, так он за пять бутылок водки обещал нам прорыть траншею специальным механизмом на базе танка, — пояснили они.

Я рассмеялся и, конечно же, все сделал. Этот прапорщик прорыл нам траншею до самого города Корсакова. Мы быстро уложили кабель и засыпали его. Оставался еще месяц, чтобы прорыть траншею по городу, и ребята могут уходить домой. Вот о такой смекалке и говорил Суворов, а наш русский солдат очень смекалист. На том и стоим!

Чтобы не гонять туда-сюда транспорт из Южно-Сахалинска и обратно, нас поселили в Корсаковскую пограничную строительную роту. Там мы и жили, пока рыли траншею по городу. Ни на один день не прекращали заниматься рукопашным боем и каждое утро, выйдя на зарядку, демонстрировали уже хорошо выученные приемы на зависть всем солдатам Корсаковской строительной роты.

Траншея была полностью готова, и у нас в запасе оставалась еще неделя. Я доложил командиру о выполнении задания, за нами прислали автобус и отвезли в пограничный гарнизон Южно-Сахалинска. За неделю отдыха ребята отмылись, выстирали одежду, подготовили парадную форму и, получив проездные документы, в срок отбыли по домам. Уезжая, все искренне говорили мне спасибо за данный им жизненный урок и за то, что благодаря мне почувствовали себя настоящими пограничниками. Счастья вам, ребята!

Р. S. Все имена, фамилии и события являются вымышленными и придуманы автором. Возможны только случайные совпадения, а может, и не случайные.

ОКПП «Одесса»

Как уже писал ранее, я продолжал учиться. Пришло время первой стажировки, и для её прохождения мы приехали в славный город-курорт, город-легенду, город-герой Одессу.

ОКПП «Одесса», где нам выпало стажироваться, располагался в центре Одессы, как говорится, в двух шагах от парка им. Т. Г. Шевченко — в общем, если идти пешком, всего полчаса ходьбы. А там уже и до пляжа рукой подать.

Что мы делали на стажировке, расскажу позже, но нам, третьекурсникам, было очень приятно, что нас свободно выпускали в город, не требуя при этом увольнительных. Военного билета и командировочного удостоверения с отметкой о прибытии в Одессу оказалось вполне достаточно.

На службу мы в основном заступали после обеда, а с утра всей гурьбой торопились на пляж — шагали по прекраснейшему городу, любуясь его улицами, деревьями, памятниками. Правда, официальной версией нашего похода была проверка паспортного режима. Каждый раз, проходя через парк, мы видели стоявшего на центральной аллее мужчину с весами и разными приспособлениями для проверки мощности удара и силы сжатия рук. Естественно, тут же начинали испытывать свои возможности, заплатив по две копейки, — именно такая цена была за один аттракцион.

И все поочерёдно проходили через удар и сжатие. Оказалось, что потолок — двести пятьдесят килограммов на квадратный сантиметр при ударе — выбивал только я, а самое сильное сжатие рук показывал мой лучший друг Николай Пахомов. Нет, это не тот Пахомов, что был в Шепетовке, этот был пограничник, из города Тулы.

Но вот и заветная цель нашего путешествия — пляж. Оставив одного стеречь нашу форму, окунаемся в благодатные волны Черного моря. При этом почему-то сразу вспоминались слова из стихотворения Эдуарда Багрицкого: «Ах, Черное море, вор на воре!». И наступали самые прекрасные часы нашей стажировки: мы плавали, загорали, ныряли с пирса, где висела табличка «Нырять запрещается!». А после тем же путём отправлялись обратно. Снова подходили к одесситу с весами, и снова только я и мой друг показывали свой потолок достижений на удивление глазеющим на нас прохожим.

И так мы делали каждый день, когда проходили через парк. Постепенно местные жители к этому привыкли, и ко времени нашего появления возле одессита уже собирались люди, которые ждали нас, чтобы полюбоваться нашей силой. А мы, как заправские актеры, подходя к месту представления, снимали фуражки, заворачивали рукава рубашки и после небольшой разминки не спеша приступали к демонстрации своих способностей: я наносил свой удар, а мой друг сжимал экспанометр. Многие пробовали повторить наши рекорды, однако получалось только у единиц. И знаете, этот одессит скоро даже перестал брать с нас деньги, поскольку мы стали для него живой рекламой.

Ну а после обеда мы уже шли на службу в порт. По знаменитой Дерибасовской выходили к не менее известному памятнику Дюку и спускались по Потемкинской лестнице к морскому вокзалу. Здесь и проходила наша основная служба. Чем мы занимались, не столь важно, думаю, из моего дальнейшего рассказа вы это поймете. А вот встреча с Патриархом всея Руси Алексием (ныне покойном), которого мы видели во время его поездки в одну из черноморских стран, оказалась для нас неожиданной и запоминающейся.

А история произошла такая. Дело в том, что на груди у патриарха висел большой золотой крест, усыпанный драгоценными камнями. В декларацию он его не внес, и из-за этой нестыковки таможня не могла дать патриарху добро на выезд. Пока таможня звонила в Москву, советовалась с КГБ и всякими там фондами, Его Святейшество (так все его называли тогда) сидел в зале контроля, где находились и мы с товарищем.

Вольно или невольно, но он завёл с нами разговор. Для нас это было большой честью, несмотря на то что вера в Бога в те времена в стране не приветствовалась. Я уже не могу воспроизвести дословно, что именно он говорил, но то, что его речь произвела на меня неизгладимое впечатление, помню до сих пор. И отдельные мысли патриарха сохранились в памяти:

— Владимир Ленин правильно сделал, что отделил государство от церкви, ибо государства рождаются и исчезают, а вера идет из века в век.

И вот еще:

— Вам, молодым, не обязательно ходить в храм, раз власть это не позволяет. Главное, Бога надо иметь в душе. В душе молиться, в душе благодарить. И обязательно крестите своих детей, как это делали ваши родители, ибо вера вечна, и придёт время, когда христианство и в нашей стране будет уважаемо и почитаемо.

Тогда в это трудно верилось, но детей своих я окрестил, поскольку и сам был крещёным. И как мы теперь убедились, патриарх был абсолютно прав.

Наконец таможенники получили указание дать добро на выезд, поскольку священный крест является атрибутом одежды Его Святейшества. Благословив нас и осенив крестным знаменем, он пошёл на посадку на теплоход «Абхазия». А его слова и его благословение остались со мной на всю оставшуюся жизнь.

Или ещё один случай из той стажировки. Врач-кардиолог провозил с собой пластинки, а значит, звукозаписывающие предметы. Сейчас я могу это сказать, а тогда существовал список звукозаписей, запрещённых к вывозу, и все записи проверялись пограничниками. Поскольку врач был иностранцем и плохо владел русским языком, он не мог толком объяснить, что же на пластинках. Мы отвели его в зал контроля и понесли пластинки на так называемый политконтроль. Включив магнитола, поставили первую пластинку, слушаем. Сначала слышался какой-то шум, затем «тук-тук», «тук-тук», «тук-тук» — и так все пластинки от начала до конца. Правда, ритмы стука различались по темпу и скорости. Не иначе как зашифрованный шпионский код, промелькнуло в моей адресированной голове. Пригласили иностранца. Включив пластинку, спросили:

— Что это?

Он с улыбкой указал на свое сердце и произнес на ломаном русском языке:

— Стук сердца больных.

Нам стало неудобно перед врачом, стыдно за наше скудоумие, и, извинившись, мы отпустили его вместе этими пластинками. Но когда он ушёл, мы, конечно, ржали как лошади над собственной тупостью и неуёмной бдительностью.

А ещё один случай запомнился нам как особый. Один из провожающих, толпившихся возле теплохода «Грузия», подойдя к нам, сказал, что с нами желает побеседовать пожилая женщина, которая уже прошла контроль и находится на судне. Мы, естественно, поднялись на борт. Кроме пограничников, пока шло оформление, на теплоход никого не пропускали.

Встретились с пассажиркой. И она по секрету сообщила, что видела, как двое парней воспользовавшись тем, что пограничный наряд отвернулся, забрались на борт судна по швартовочному канату. Мы, естественно, доложили об этом офицеру пограничного наряда. Тот приостановил оформление и организовал поиск. Через час парней обнаружили на верхней палубе, где те спокойно сидели в шезлонгах, загораая на солнышке. После задержания они показали, где их вещи, и признались, что просто хотели попутешествовать по странам Европы, пока в школе каникулы. Бабуле за проявленную бдительность вручили медаль «За охрану границы», а нам объявили благодарность. Ну а за ту стажировку мы получили оценку отлично.

КПП «Ужгород»

Вторая часть летней стажировки проходила в Ужгороде. Как приятно было вновь увидеть знакомые пейзажи Закарпатья! Когда-то в самом начале срочной службы я проходил через здешний учебный пункт. Минеральная вода «Нафтуса», горы и долины, поросшие хвойным лесом, ручейки и чистые реки — всё ласкало мой взгляд. На самой границе в честь освобождения этих краев от фашизма был посажен сад Дружбы. Девятого мая в этом саду всегда собирались ветераны, встречались с сослуживцами из Польши, Чехии и других стран, представителями антифашистской коалиции. Разговоры, слезы, душевное застолье и, конечно, совместные песни тех военных лет. Так было до тех пор, пока Украина не отделилась от СССР.

Итак, я прибыл на КПП Ужгород — пункт пропуска через границу из СССР. Освоился быстро, и началась служба, интересная, захватывающая, кто-то мог бы сказать немного монотонная, но мне нравилась. Расскажу те случаи, которые меня особенно удивили, насмешили или расстроили, конечно, не выдавая при этом секретов службы.

Ехал через границу на запад автобус с советскими туристами. Наша задача — проверить паспорта, визы и осмотреть автобус. Таможня осматривала вещи на предмет контрабанды. Тогда были очень жесткие ограничения по вывозу всего, даже спиртного — три бутылки на человека, и всё. Обычно, когда мы заканчивали свою работу, нас оставляли для наблюдения, пока таможня завершит досмотр вещей. Таможенник, обнаружив у грузина пять бутылок коньяка, предъявляет тому претензии, мол, две бутылки лишние. Грузин в свою очередь отвечает, что это его суточная норма, меньше ему никак нельзя. В споре, конечно, победил таможенник. Аргументируя приказами и указами, он предложил грузину вылить в унитаз две бутылки коньяка, или они будут изъяты с составлением протокола. А тогда был такой порядок: если таможня или пограничники составили на тебя протокол, за границу ты уже больше никогда не выедешь. Реакция грузина оказалась весьма неожиданной: он открыл бутылку коньяка и выпил её прямо из горлышка. Вторую бутылку опорожнил его товарищ. Закусили бутербродом, который товарищ достал из сумки. После этого грузин спросил таможенника:

— Ну, теперь всё, проблем нет?

Все дружно засмеялись. Таможенник махнул рукой:

— Давай езжай.

Второй случай произошёл с бабушкой, которая ехала в Польшу к своей младшей сестре. Тащит бабуля большой старинный, еще хрущевских времен чемодан и просит меня ей помочь. Тяжело старенькой женщине. По инструкции нам не положено помогать пассажирам, видимо, чтобы не оказаться причастными к контрабанде, если её обнаружат в багаже. Все же помнят, как в фильме «Семнадцать мгновений весны» Штирлиц оставил свои «пальчики» на чемодане «пианистки» и был близок к провалу. Но, когда я вежливо отказал старушке, та как-то сразу запаниковала. Мне показалось это странным, и я сообщил начальнику смены о таком подозрительном поведении.

Тот попросил таможенников проверить бабушку более внимательно. Ну, таможня своё дело знает, начали уговаривать бабулю признаться, что она не всё внесла в декларацию и что явно у неё есть колечко с рубином, которое она носит возле сердца. Как гласит поверье, от сердечной боли. И действительно, старушка достала из левого внутреннего кармана пиджака кольцо с рубином. Ну, тут у таможни появилась зацепка для полного досмотра всех её вещей.

Старушку отвели в комнату для тщательной проверки. В результате обнаружили в её чемодане сливочное масло в пачках заводской упаковки, а в каждой пачке по золотому кольцу. Оказалось, её дочь работает на маслозаводе упаковщицей и подготовила всё это для транспортировки через границу. Иногда, как видите, лишнее слово или действие пассажира, а также

твоя интуиция могут привести к изъятию большой партии контрабанды. Все лавры, конечно, достались таможене, а мне объявили благодарность за бдительность.

А эта история где-то в глубине души вызвала у меня жалость к её героям, хотя жалость у пограничников может быть только к своему народу. К нарушителям границы, контрабандистам или тогда еще была такая категория, как диссиденты, жалости никакой не было. Ехала на машине семья из Франции: муж, жена и двое детей — сын и дочь. Похоже, они были баскетболистами, потому что рост каждого достигал не менее двух с половиной метров. Все машины из капиталистических стран мы досматривали особенно тщательно, не миновала эта участь и французов.

Я простукивал изнутри переднюю дверь машины, марку точно не помню, но к ней был прицеплен фургон, где имелось всё: кровати, газовая плита, столик, стулья, холодильник, телевизор. Просто дом на колесах. Так вот, при простукивании я вдруг услышал глухой звук, будто за обшивкой что-то спрятано, — нет привычного эха при ударе. Я, естественно, попросил водителя снять обшивку двери. Говорили мы, разумеется, через переводчика. Француз стал возмущаться, но, услышав, что в противном случае его не пустят в СССР и они вынуждены будут вернуться домой, начал молча снимать защиту двери. Когда обшивка была снята, под ней действительно оказалась пачка газет. Я пригласил старшего смены. Он сфотографировал все это внутри дверцы, и в присутствии понятых «закладка» была изъята. Это оказалась подборка запрещенной к ввозу в СССР газеты «Посев», в которой печатались антисоветские статьи и книги Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» и «Один день Ивана Денисовича».

Зафиксировав всё на фотоаппарат и составив протокол, старший смены дал команду отогнать машину на штрафную стоянку для тщательного досмотра. Да, попал француз, по полной программе: за полчаса вся машина и вагончик были разобраны и досмотрены. Обнаружили еще три закладки с антисоветской литературой и книги Солженицына типографского издания Франции. В беседе с французом наши разведчики установили, что машину и фургон они взяли напрокат. И всё, что там было заложено, было не их рук делом, а антисоветских центров, находящихся во Франции.

После профилактической беседы эту семью всё же пропустили в СССР. Бедный француз, собирая обшивку машины с помощью отвёртки, откровенно плакал: во-первых, нервы, во-вторых, потерянное время, да и стресс для всей семьи. Ещё не начавшись, их путешествие по СССР было уже испорчено.

За это задержание меня представили к знаку «Отличник погранвойск второй степени», но, поскольку такая награда у меня уже была — получил за зимнюю стажировку на высокогорье, в конечном итоге я от нее отказался и мне вручили грамоту.

ОКПП «Чоп»

Концовка летней стажировки прошла на ОКПП «Чоп», железнодорожном КПП «Дружба», где мы совместно с венгерскими пограничниками досматривали грузовые составы, идущие в Венгрию из СССР и обратно. Работа, скажу вам, не из легких. Во-первых, это грязь от железной дороги и грязь самого грузового состава. Во-вторых, грузы типа угля, нефти, бензина, солянки тоже не способствовали чистоте. Запах стоял весьма специфический, а если учесть, что это июнь, когда днём страшная жара, то ясно, что служба эта была не подарок.

Я уже не говорю о том, что приходилось забираясь на все эти вагоны и полувагоны, платформы и цистерны для их досмотра. А также и наклоняться, заглядывая под каждый вагон. Причём одновременно с тем бойцом, который шёл с другой стороны вагона. С той стороны вагона находился венгерский пограничник. Как оказалось, это весьма ленивые ребята. Я наклоняюсь под вагон — он нет, я забираюсь на вагон и полувагон, а он нет. Я, конечно, терпеть не стал и после досмотра состава доложил об этом старшему смены, а тот в свою очередь — начальнику венгерского караула.

Их начальник, что мне понравилось, долго разбираться не стал и просто надавал нерадивому венгерскому пограничнику по физиономии. Знаете, после этого его просто как подменили: и под вагоны ныряет, и на вагоны запрыгивает, и на цистерны залазит — ну настоящим пограничником стал. Жаль, что у нас такая педагогика запрещена, многие стали бы нести службу как следует.

Рутинная стажировка на этом участке подходила к концу. Совсем скоро нам предстояло возвращаться в училище и дальше изучать теорию, опираясь на практику, полученную здесь. Но один случай неожиданно встряхнул нашу жизнь, немного добавив недостающей ей специфической остроты.

Проверяя один из воинских эшелонов, идущих в страны тогда Варшавского договора, мы обнаружили, что на одном из вагонов отсутствует пломба. Вызвав начальника караула, который сопровождал этот груз, объяснили ему, что вагон без пломбы должен быть досмотрен.

Начальник караула отказался предоставить вагон для проверки. Наше дело маленькое: поставив у вагона часовых, мы прекратили оформление, не дав добро на отправку эшелона. Естественно, об этой стычке доложили начальству, оно в свою очередь сообщило в Москву, в КГБ. Завертелась машина силовой структуры, а эшелон-то стоит, и новые эшелоны, прибывающие на станцию, накапливаются. Создаётся железнодорожная пробка.

Но вот пришел ответ из Москвы, начальника караула пригласили к телефону. Его начальник по телефону дал ему указание совместно с нами досмотреть вагон и опломбировать. Открыв вагон, мы увидели, что весь груз упакован в специальную бумагу, каждая часть помещена в целлофановый пакет, всё укреплено на растяжках, всюду поролоновые прокладки — такого я ещё никогда не видел.

Это была наша новая, возможно, баллистическая или иная ракета. Они поступали на вооружение в страны Варшавского договора. Даже японцы позавидовали бы такой упаковке. Вот такая история.

Всё, стажировка закончилась, и мы едем в Москву.

Военный патруль

Заступать в патруль по городу Москве — это особое, ни с чем несравнимое мероприятие, а для меня оно вообще стало почти ритуальным. Наверное, потому что, когда меня назначали в патруль, со мной всегда происходили какие-то интересные события. Конечно, своим излишним рвением и требовательностью к выполнению устава и воинского долга я во многом сам создавал вокруг себя ненужные ситуации. Расскажу лишь о некоторых случаях.

Итак, курсантов посылали в патруль только в выходные и праздничные дни, так сказать, для усиления комендантского патруля.

Естественно, при этом требовалось быть безупречно одетым, побритым, постриженным, одежда должна быть выглажена, обувь начищена. И в таком виде мы прибывали на ВДНХ (выставка достижений народного хозяйства), где находилась комендатура, в подчинение которой мы поступали. Вначале комендант относился к нам как обычно, особо не выделяя. Но после нескольких крупных задержаний я стал его правой рукой и проводил все инструктажи, в том числе и офицеров, присланных на усиление.

Текст инструктажа я выучил наизусть, а вот примеры того, где и как могут попытаться ускользнуть от патруля нарушители воинских уставов, я приводил уже из своего личного опыта патрулирования. Итак, всё по порядку.

Однажды девятого мая, в День Победы, мы патрулировали с другом Николаем Пахомовым у метро ВДНХ. Двигаясь по аллее, издалека увидели, как в воздухе взметнулись полы кителя с медалями, затем раздался крик пожилого мужчины:

— Что же вы делаете, сволочи!?

Нам иного сигнала и не надо — рванули с места, как на стометровке, и спустя несколько секунд были у цели. Перед нами стоял взволнованный ветеран в парадном кителе, а рядом, на клумбе, покрытой зеленой травкой, валялись несколько сорванных медалей. Старик был очень расстроен, на глазах слезы. А по направлению к выходу из парка у ВДНХ убегали трое молодых парней, на вид лет четырнадцати-шестнадцати. Мы, не раздумывая, рванули за беглецами. Догнали быстро, потому что физически они были слабоваты, а мы получили адреналин. На бегу я подсёк бегущего подростка под ногу, тот споткнулся и упал на клумбу. Второго подсёк мой товарищ Николай, с которым мы всегда вместе ходили в патруль.

Я оседлал упавшего молодого хулигана как строевую лошадь и, заломив ему руку за спину, предложил не дергаться, спокойно встать и пойти к ветерану извиниться. При падении он успел выкрикнуть ругательное слово «мудак», но потом от удара грудью об землю отбил себе легкие и уже не мог говорить, а только кивал. Без особого труда доставили хулиганов к ветерану.

Там уже стоял милицейский патруль, которому мы их и сдали. Помогли ветерану надеть на китель его боевые награды и, выслушав слова благодарности, приступили к дальнейшему патрулированию.

Спустившись в метро, решили в этот день поставить рекорд по задержанию нарушителей воинской дисциплины. Николай стоял на перроне внизу, на выходе с эскалатора, а я сверху, при входе на эскалатор. Он задерживал тех, кто спускался вниз, а я тех, кто поднимался вверх. Пока было неинтересно: все остановленные военнослужащие не имели никаких нарушений в форме одежды, и, пожелав приятного отдыха, мы их отпускали.

Но тут раздался звонок дежурной по эскалатору. Это был сигнал вызова милиции. Я понял, что внизу что-то происходит, и махнул по эскалатору вниз. Ещё на ступенях увидел, как Николай удерживает одного бойца на полу платформы, а другого пытается завалить свободной рукой. Я подскочил и быстро положил второго бойца на пол. Николай сказал, что есть еще один,

третий, — рванул в тоннель и где-то там притаился. Я сдал своего задержанного подоспевшей милиции и побежал к тоннелю.

Беглеца обнаружил сразу за поворотом и приёмом самбо мгновенно свалил его на платформу. Упавший жалобно проговорил, что, мол, это не он, а тот, который мне нужен, побежал в тоннель. Я отпустил бедолагу, случайно попавшего, как говорят, под раздачу, и подал диспетчеру команду об отключении провода высокого напряжения. Дождавшись сообщения, что провод отключен, прыгнул на рельсы и помчался в тоннель. Далеко бежать не пришлось: буквально в ста метрах обнаружил прижавшегося к стене бойца и предложил ему вернуться обратно на платформу, чтобы не подвергать себя смертельной опасности. Глупец даже не догадывался, что мог просто заживо стореть от высокого напряжения, случайно прикоснувшись к рельсам.

Нарушители были задержаны и доставлены в комендатуру. Оказалось, это ребята из строительной роты, решившие после работы попить пивка и прогуляться по Москве. Николай учуял запах спиртного от проходящих мимо бойцов и, естественно, задержал их. Но вот что удивительно: наблюдавшие за произошедшим москвичи и москвички сочувствовали пьяным бойцам и ругали патруль на чем свет стоит. Любят у нас в стране слабых. Ох, как любят!

А вот ещё один случай, как говорится, на грани фола. Закончив патрулирование, мы с Николаем решили немного отвлечься и посидеть в парке, чтобы отдохнуть от суеты. Сидим на лавочке возле памятника Гагарину. Подходят к нам две девушки. Мы вежливо встали, чтобы поприветствовать их, познакомились. Они предложили побродить вместе по парку. Мы с Николаем к этому времени были женаты и интереса к девушкам не имели, тем более что особой красотой они не отличались. Но захотелось проучить их как следует, чтобы впредь были осторожны при знакомствах. Пошли, разговаривая о том, о сём, забрели в глубину парка. И тут я вытащил штык-нож и, поигрывая им в руке, сказал:

— Ну, всё, шутки в сторону. Сумочки, кошельки и драгоценности на бочку!

От неожиданности девушки просто обомлели и не знали, что делать. Однако тёмный закуток и штык-нож в моей руке, видимо, сыграли свою роль. Они начали медленно снимать с себя серьги, цепочки, потом достали кошельки и протянули нам. На глазах у обеих навернулись слёзы. Я, видя такую картину, не выдержал и расхохотался, сказав, что пошутил. Девушки спрятали всё в сумочки и быстро побежали к метро, на прощание обозвав нас дебилами.

Мы посмеялись над удавшимся, как тогда нам казалось, приколом, сели в автобус и поехали в училище. Но теперь-то я понимаю, что эти девушки наверняка будут очень плохого мнения обо всех пограничниках, а может, и вообще военных. Вот так мы по-дурацки пошутили, не подумав над своим поступком, граничащим с хулиганством. По сути, мы и есть дебилы.

А этот случай был вообще со стрельбой. Проходя мимо фонтана Дружбы на ВДНХ, мы неожиданно увидели офицера, который целился из пистолета в парочку, сидящую на скамейке. Не сговариваясь, рванули к нему, но было поздно: выстрел уже прозвучал, и женщина упала со скамейки. Подбежав, Николай заученным приёмом выбил пистолет из руки офицера, свалил его на тротуар и скрутил. Быстро разрядив оружие и спрятав его в карман кителя, я бросился к женщине, которая лежала на тротуаре, истекая кровью. Та кричала от боли — нога чуть ниже колена была прострелена насквозь, правда, кость, к счастью, не задета. Я достал специальный медицинский пакет, быстро, как учили, перебинтовал ногу раненой и усадил ее на лавочку.

Пока ехали милиция и скорая помощь, пострадавшая рассказала, что встречалась со своим возлюбленным, а муж выследил их и хотел убить. Офицер же в свою очередь заявил, что хотел только слегка ранить ее в ногу, чтобы навсегда отучить вилять хвостом. Нога у нее, между прочим, весьма тонкая, и, чтобы попасть в неё с расстояния пятьдесят метров, надо быть действительно хорошим стрелком. Учитывая его волнение и гнев, это было просто уди-

вительно. Кстати, после выстрела ухажёр женщины, по рассказам прохожих, так рванул в сторону парка, что только пятки засверкали.

Сдав задержанного и его оружие в комендатуру, мы продолжили службу. Настроение было приподнятое, поскольку комендант обещал написать нашему командованию благодарственное письмо.

Задержание, о котором пойдёт речь, было весьма неоднозначным. В выходной день, совпавший с праздником танкистов, мы, как обычно, патрулировали от метро до ВДНХ. В этот день в увольнении было много солдат, и, естественно, работы у нас прибавилось. Как истинные чекисты к пограничникам и солдатам ГБ из Кремлевского полка мы особо не придирались. Надо сказать, что те, как всегда, являли собой просто образец как формы одежды, так и дисциплины.

Прогуливаясь туда-сюда по аллее, мы немного заскучали. Съев по мороженому в стаканчике и в очередной раз выпив кофе в кафетерии, вновь вышли на аллею. И тут увидели, как навстречу шагает рота солдат во главе с прапорщиком. Солдаты, как потом оказалось, были из Таманской танковой дивизии. Шли они в групповое увольнение по случаю своего войскового праздника — Дня танкиста.

Я подошел к прапорщику, представился и предложил остановить роту для проверки внешнего вида. Прапорщик, конечно, был недоволен, но неповиновение патрулю могло закончиться для него весьма плачевно. В общем, пришлось предоставить нам бойцов для проверки. В строю их было ровно девяносто девять. Эта цифра на языке связистов означала «пошел к черту». Только в первой шеренге я у каждого бойца обнаружил нарушение: носки красного, фиолетового цвета, а не защитного или темно-синего как положено. Нужно расстояние от плеча до нарукавной нашивки не выдержано, вместо армейских брючных ремней кожаные «гражданские». Вторая шеренга не отличалась от первой, да и последующие тоже. Все девяносто девять солдат имели те или иные нарушения. Я предложил прапорщику проследовать вместе с бойцами к коменданту — пусть уже он решает, что с ними делать.

Когда я привел всю роту к коменданту, тот был в шоке. Позже он сказал, что служит здесь пятнадцать лет и впервые к нему привели целую роту, где у каждого есть нарушение. И ещё добавил:

— Ох, не завидую я твоим подчиненным: с таким твоим отношением к дисциплине они станут просто идеальными солдатами.

Он не был пророком — так оно и было. Именно так я требовал от своих подчиненных, и неслучайно мое отделение на первом курсе заняло первое место в училище по учебе и воинской дисциплине. А наша фотография висела на Доске почета целый год.

Так повелось, что сослуживцы в училище никогда не ложились спать, дожидаясь нашего возвращения из патруля. Они уже знали — будет очередной интересный рассказ о наших приключениях в Москве. И мы их не разочаровывали.

Инструктор прикладного карате — до

На гражданке я занимался боксом, в армии и в училище — боевым самбо, но, как и все мои сверстники, мечтал изучить восточные единоборства. Первое знакомство с карате-до произошло в пограничном училище. Один из моих сослуживцев, сын полковника КГБ, каким-то образом достал снимки приёмов карате. И мы, энтузиасты этого единоборства, скопировали их через прозрачную кальку и поместили в нотный блокнот, сделав таким образом пособие по карате.

В свободное время мы небольшой группой ходили в спортзал и тренировались, как умели. Конечно, помогали базовые приемы из бокса и боевого самбо, но понять все движения в карате до конца мы, конечно, не могли, поэтому придумывали всё сами. Как потом оказалось, в целом мы были на правильном пути. Это ещё раз доказывает, что у всех единоборств есть определенное сходство.

Уже будучи офицером, я встретил такого же энтузиаста по имени Александр, и мы продолжили тренировки. У него было больше литературы по единоборствам, и тренировки проходили на более высоком уровне. Конечно, боевые приёмы самбо мы тоже не бросали — они были для пограничников надёжным оружием. Когда нас перевели в областной центр, там уже, к нашей радости, существовала секция карате-до при областном совете «Динамо», естественно, только для сотрудников КГБ и МВД. Мы сразу записались в эту секцию, и начались изнурительные тренировки: шпагат, кульбиты вперед и назад, бег по вертикальной стене, нунчаки, явары — всё было интересно, мы просто жили этим.

Фильмы с участием Брюса Ли были нашим наглядным пособием, потом из Японии начала поступать и другая литература. Тогда мы впервые услышали, что есть разные школы: «Киокушинкай», «Шитокан», «Дзесинмон». И изучали эти школы по очереди, прежде всего, конечно, правила ведения боя. Постепенно узнали очень многое, но все равно казалось, что мы стоим только у истоков.

Однако, когда прошли первые соревнования, результат оказался просто отличным: приехавший из Москвы инструктор Никитин высоко оценил наши старания и даже пригласил нас в московское «Динамо», чтобы пройти сборы и получить удостоверения общественных инструкторов по прикладному карате. Это была как раз «Дзесинмон» — кубинская школа, которую в «Динамо» возглавил Марьяшин. По документам это проходило как прикладное карате.

Ну и, конечно, мы все бесконечно благодарны нашим тренерам и инструкторам, стоявшим у истоков карате в СССР. Я и сейчас помню дорогие моему сердцу имена — Штурмин, Касьянов, Арбеков, Никитин, Марьяшин, Рауль Кастро (племянник Фиделя Кастро, служивший в его личной охране). Спасибо им и низкий поклон за всё, что они для нас сделали, за продвижение спорта в стране и в пограничных войсках КГБ, в частности.

Итак, я приехал в Москву на КУОС (курсы усовершенствования офицерского состава). Курсы были организованы в нашем училище, одновременно на базе московского «Динамо» проходили сборы по карате. Я привез серьёзную курсовую работу по профилю, связанную с различными приёмами и действиями нарушителей границы со стороны противника. Также в ней рассматривались способы противодействия пограничников нарушителям.

Моя работа была высоко оценена и принята как зачет, что, собственно, мне и было нужно. Таким образом, все свое время я мог посвящать занятиям на сборах инструкторов по карате.

Двенадцать часов занятий днем. Восточная философия, теория, «ката» с первого по двадцать четвертый. Набивка рук, укрепление связок, суставов, блоки, удары руками и ногами. Работа с тенью, работа на «макиваре» и груше, работа в парах, работа с партнерами в кругу. Изучение захватов, болевых и удушающих приемов. Изучение биологически активных точек,

болевых точек, сочетание ударов по точкам. Точечный массаж и иглоукалывание при восстановлении травмированных конечностей и для снятия усталости.

Оказалось, мы ещё многого не знаем про карате-до. И в дальнейшем, тренируя своих ребят, я всегда советовал им сначала глубоко изучить философию, биологию и физиологию, укрепить свое тело, подготовить руки и ноги для блоков и ударов, а потом уже уделять внимание самим приёмам защиты и ударам.

Вечерами мы приезжали на стадион «Динамо» и занимались в секциях карате-до, которые вели наши инструкторы, постигая теорию и практику проведения тренировок. Разминка, работа с основами движений, дыхание и сам процесс тренировки. Не буду описывать всё, что мы изучали на этих сборах, но многое действительно стало для меня открытием.

Прошло три месяца, и каждому из нас в торжественной обстановке вручили удостоверение общественного инструктора по прикладному карате. Это была невероятная радость. Затем состоялись соревнования, и по их результатам мы получили дипломы и пояса. Я приехал на сборы с зеленым поясом, а уезжал с коричневым, который приравнивается к званию кандидата в мастера спорта. Все это отражено в моих зачётных классификационных книжках, и на записи поставлена печать «Динамо».

Мое удостоверение №343 выдано двадцать первого сентября 1982 года на основании решения №20 аттестационной комиссии от пятнадцатого сентября 1982 года. Подписал его председатель аттестационной комиссии Центрального совета «Динамо». Трудно представить, сколько было радости и ликования, ведь на всём Сахалине нас с удостоверениями инструкторов только двое. Это непередаваемое ощущение счастья и гордости за свои достижения!

Начались постоянные тренировки, соревнования, успехи, разочарования — было всё. А затем пришло постановление о запрете карате как вида спорта, наши занятия переименовали в секцию рукопашного боя. И мы продолжили свою жизнь уже под другим названием.

Рукопашный бой в «Динамо» был ведущим. Мы по-прежнему тренировались, хотя начальник политотдела полковник Акулов иногда вызывал меня для беседы, пытаясь добиться признания, что я занимаюсь карате. Я категорически отрицал, и именно благодаря этому наши тренировки продолжались.

Я, как и раньше, тренировал своих солдат, водил их на соревнования, неизменно побеждая и забирая у КГБ и МВД первые места по дзюдо, самбо и рукопашному бою. Параллельно занимался с детьми в детской комнате при ЖЭУ №3, вёл там три группы. Младшая — самбо, старшая — рукопашный бой, женская — дзюдо. Ребята мои были в основном из неблагополучных семей. Нас называли «дети подполья», поскольку я приводил их из подвалов, да и спортзал наш находился тоже в подвале.

Тем не менее мои подопечные не только занимали призовые места на областных соревнованиях, но и пользовались уважением своих товарищей. Многих потом приглашали в специализированные спортивные школы, и они пошли дальше в своей спортивной карьере. Но главное не это, а то, что благодаря тренировкам и занятиям спортом они становились настоящими людьми, гражданами нашего государства, сильными и добрыми личностями.

А спустя время что-то в нашей стране изменилось и карате-до снова разрешили, а мне позволили заниматься этим видом спорта. Собственно, самостоятельные тренировки я никогда и не прекращал, но все соревнования до этого проводились по правилам рукопашного боя. Теперь же мы могли соревноваться по правилам именно школ карате-до: «Киокушинкай», «Шитокан», «Дзесинмон».

Готовили спортсменов и приучали к тому стилю, который они выбирали для себя как основной. В нашем пограничном отряде сформировалось три команды по карате-до. Надо сказать, что в армию стали приходить солдаты, которые уже имели навыки рукопашного боя, а некоторые даже пояса. Чаще всего это были парни из Новосибирска, Красноярска, стран Балтики. Многие владели такими приёмами, что даже нам, инструкторам, было чему

у них поучиться в плане всевозможных комплексных ударов и очередности применения тех или иных защитно-атакующих комплексов. Спасибо им огромное. Эти ребята подняли наши команды на более высокий уровень, и первые места на соревнованиях были только наши.

Сейчас занятия спортом не носят такого массового характера, как раньше. Возможно, у нашего народа такой менталитет, что люди стремятся только к чему-то запрещённому. И если все стало ясно и открыто, то и интерес пропал. А может, просто молодёжь задавили своей рекламой водочные и пивные магнаты, заманили в свои сети наркоторговцы, компьютерная мафия увлекла с головой в компьютерные игры. Скорее всего, слишком слаба ещё государственная политика в области спорта для молодых людей. Да и пример родителей тоже оставляет желать лучшего. Стараясь заработать больше денег, они сами не занимаются спортом и детям не прививают любовь к спорту, к здоровому образу жизни.

Мой путь в спорте длился более чем двадцать пять лет, и даже после этого я понимаю, что мало знаю даже о тех его видах, которыми занимался всё это время.

Все события, описанные выше, являются реальными, с участием самого автора.

P. S. Все имена, фамилии и события являются вымышленными и придуманы автором. Возможны только случайные совпадения, а может, и не случайные.

Работа на заводе ЗИЛ

Не помню точно, в каком году это было, наверное, где-то между 1974 и 1976. Нас, курсантов пограничного училища, подняли по тревоге и велели для выполнения специального задания переодеться в рабочую форму. По привычке мы решили, что будет такое же задание, как и в прошлый раз. А в предыдущий раз мы искали «носителя секретов». В общем, пропал курьер с документами особой важности. Позже я расскажу и об этом случае.

Итак, мы ждали, что последует серьёзное задание. Всех посадили в крытые машины ЗИЛ-131, и дружной колонной мы выехали с территории пограничного училища, где я учился. Ехали долго, петляя по разным улицам сначала Москвы, затем пригорода, и наконец-то наша колонна подъехала к воротам огромного завода, над которыми красовалась надпись огромными буквами — ЗИЛ. Ворота открылись, и машины въехали на территорию завода. Ну а дальше все спешно выпрыгнули из кузовов, построились, получили инструктаж — и вперед, за работу. Оказывается, заводу ЗИЛ должны были вручить орден Октябрьской Революции, но выяснилось, что нужного количества выпущенных автомашин не хватает, и нас бросили на прорыв. Надо было помочь. Мне досталось навешивать правое крыло автомашины ЗИЛ-130. В начале работы это крыло показалось мне пушинкой. Я ведь спортсмен, да и от природы силой не обижен. Но уже к середине смены я понял, что такое изнурительный «японский конвейер».

Конвейер двигался заданным темпом, а я навешивал правое крыло. Процедура несложная: взял крыло с полки, нацепил на торчащие болты, наживил шайбы и гайки, а затем автоматическим пневматическим воротком закрутил гайки до полного прижатия крыла к кабине. Но уже к концу смены я перестал поспевать за конвейером, мне приходилось не ходить, а бегать. Руки ныли от монотонной работы, мокрый от пота хлопчатобумажный китель прилип к спине. Но всему приходит конец. Прозвучал долгожданный гудок, и смена закончилась. Мастер поблагодарил нас за работу и, пряча хитрую улыбку, многозначительно сказал:

— До встречи завтра, ребята!

Я спросил у взводного:

— А что, мы еще и завтра приедем вкалывать?

Ответ был лаконично прост:

— Сколько нужно, столько и будем вкалывать.

Спали мы в эту ночь, как после очередных полевых учений, то есть не успев донести голову до подушки, все в ауте.

Утром снова построение, погрузка — и вперед, на родной завод ЗИЛ. На этот раз я подсутился. Быстро рванул к мастеру, подарил ему армейскую флягу и попросил поставить на другое, более комфортное место. Мастер был рыбак-любитель, и моя фляга его очень обрадовала. Он спросил:

— А водительское удостоверение у тебя есть?

Я утвердительно кивнул, ведь мы сдали на права еще на первом курсе. Он повел меня в цех уже готовых машин и показал, что нужно делать. Все машины в этом цеху шли на экспорт в одну из дружественных нам тогда стран Африки. А делать нужно было следующее: завел машину, заехал на эстакаду, заглушил, поставил на скорость и на ручной тормоз. Затем берешь растворитель и с его помощью стираешь на колесах надпись «Первый сорт». А на месте, где написано «Первый сорт», специальным клеймом ставишь надпись «Высший сорт». Мастер так и сказал:

— Ты просил халтуру, вот и халтурь на здоровье.

И что мне оставалось делать? Халтурил за милую душу. Больше всего мне нравилось загонять машину на эстакаду и затем съезжать с нее. В общем, за смену так напрактиковался,

что уже, как говорится, одной левой загонял автомашину на эстакаду. Потом, кстати, эта практика пригодилась мне на службе на высокогорном участке границы.

Наша смена подходила к концу, а нужного количества машин так и не выпустили, значит, предстоит еще один заезд. На выходе автомашин стоял счетчик в виде торчащего вниз стержня. Когда готовая машина съезжала с конвейера, стержень скользил по кабине и циферка перескакивала. Для получения ордена надо было выпустить еще сто машин. И тут выручила смекалка. Халтурить так халтурить! Поставили стремянку, взяли лопату, и лопатой по стержню бац — счетчик циферку добавил. Сто пятьдесят ударов лопатой по стержню — и план на пятьдесят машин перевыполнен. Все, орден заводу обеспечен.

В благодарность нас всех пригласили на торжественное мероприятие по награждению завода ЗИЛ орденом Октябрьской Революции. Вручал лично Леонид Ильич Брежнев. Тогда мы его и увидели поближе, а то до этого все только издалека — на трибуне мавзолея, когда проходили парадом по Красной площади, да по телевизору. Вот и все про завод ЗИЛ и специальное задание.

«Носитель секретов»

Как и в предыдущей истории, нас подняли по команде «Тревога!» и велели одеться в рабочую форму одежды. Ну мы подумали, может, снова упал самолет, значит, будем стоять в оцеплении или бродить по полю и собирать в целлофановые пакеты все, что найдем. Так уже было на первом курсе нашего обучения, об этом я расскажу позже. Итак, нас подняли по тревоге и построили на плацу. Перед строем появился маленький человечек в гражданке и писклявым голосом сказал:

— Пропал наш сотрудник с секретными документами под грифом особой важности. Приметы: среднего роста, плечистый и крепкий. — Так и хотелось продолжить: ходит он в белой футболке и кепке, знак ГТО на груди у него, больше не знают о нем ничего. Но на этом совпадения закончились. — Волосы светлые, подстрижен под полубокс, носит очки. Может быть одет в костюм темного цвета, рубашку, белую или серую, с галстуком. Цвет галстука неизвестен. Кто найдет, тому десять суток отпуска домой, — завершил свое сообщение сотрудник КГБ.

Ну, с таким-то стимулом почему бы не поискать! Нас посадили в наши любимые ЗИЛ-131 с тентом и доставили к месту предполагаемой пропажи «носителя секретов». Затем построили в две цепи: впереди шла первая поисковая, в сотне метров сзади — дублирующая. Дали команду «Вперед!», и мы двинулись. Я первым обнаружил очки, подал команду «Стой!». Все остановились. Подошел эксперт, осмотрел очки, сказал, что это не его, и мы пошли дальше.

После того как мы обшарили все открытое пространство и уже начали приближаться к жилой зоне с многоэтажными домами, нас снова собрали и уточнили задачу: осматривать только подвалы и канализационные ямы, поднимая все канализационные крышки. Поиски продолжились. Вот тут-то я впервые и столкнулся, как говорится, нос к носу с наркоманами. Мы ведь об этом горе тогда ничего не знали. В одном из подвалов вдруг услышали стоны. Ну, естественная реакция — сразу ринулись на звуки. Подвалы были длинные, с тупиками и лабиринтами, но мы обучались следопытству и ориентирование в любой среде, поэтому быстро вышли на цель. В одном из закоулков обнаружили оборудованную временку: кресла, столы, тут же старый примус, кружки, ложки — все, конечно, закопченные. Повсюду разбросаны медицинские шприцы. В одном из кресел спал молодой человек, в другом девушка. А на полу корчился, видимо, от боли мужчина чуть постарше. Ну, мы к нему — надеялись, что это наш «носитель секретов». Однако по длинным волосам тут же определили, что это не он. Мы, конечно, не понимали, что здесь происходит. Вызвали специалиста. Тот сразу, только глянув, сказал:

— Те двое кайфуют, а у этого «передоз». Срочно скорую к подъезду.

Мы до этого и слов-то таких не слыхали. Нет, конечно, когда изучали загнивающий мир Запада, нам рассказывали про эту беду, но, чтобы у нас в стране, и такое! Вытащили мы этих бедолаг на свежий воздух, их увезла скорая помощь, а наши поиски продолжились. Не успели мы обследовать и трех домов, как снова обнаружили в подвале непонятных личностей. На сей раз это были живущие здесь опустившиеся мужчины, как сейчас говорят, бомжи. А тогда такого слова не было. Только из песен Владимира Высоцкого знали слово «бич» — «бывший интеллигентный человек».

Воняло от этих мужиков, как от помойки, а нам их нужно было досматривать. Ну что поделаешь! Поставили лицом к стене, ноги на ширину плеч, руки за голову. Провели досмотр, как учили на спецкурсе. Ничего, кроме опасной бритвы у одного в кармане, не обнаружили, но, все же и этих бродяг передали в руки милиции. Ведь тогда за тунеядство существовала уголовная статья.

Долго мы еще бродили по подвалам и заглядывали в канализационные люки. Кстати, из двух вытащили по одному «жмурику», но эти утопленники тоже оказались не нашим «носителем секретов». В ходе рейда задержали пятнадцать человек без документов. Как потом оказа-

лось, двое были в бегах, остальные — приезжие из разных республик СССР. Устали все как собаки. От нас самих уже пахло, как от тех бомжей. Но так ничего и никого мы и не нашли. Вернувшись в училище, первое, что сделали, — сразу побежали в душ, а затем занялись стиркой обмундирования. Помытые, переодетые в другую форму, пошли на ужин. Ну, а затем долгожданный отдых и сон.

Как потом оказалось, этот «носитель секретов» сдал секретные документы в камеру хранения аэропорта и смотался к своей женщине в Ленинград на двое суток. Блин, ну как в кино!

Авиакатастрофа, о которой не знала страна

Нас, первокурсников, подняли по тревоге. Для тех, кто уже отслужил в армии срочную службу, это дело привычное. А ребята, пришедшие с гражданки, много суеились, не попадая ногой в сапог. Но мы им помогали, можно сказать, по-товарищески, передавали свой опыт.

Построились на плацу с оружием, с боекомплектами, как говорится, по полной выкладке. Проверили, все ли на месте, что положено иметь с собой. Поступила команда все, кроме автоматов и двух магазинов с боеприпасами к автомату, сдать в оружейную комнату. Так и сделали. Я тогда командовал третьим отделением. И в моем отделении, как назло, ни одного бывшего служаки — все с гражданки. Ну, ничего, подучим, подтянем, будут не хуже других.

Снова построились на плацу, и нам по секрету объяснили, что недалеко от аэропорта «Шереметьево-2» упал самолет с иностранной делегацией и нас бросают на зачистку местности. Всем все ясно — надо так надо. Эх, знали бы мы тогда, с чем придется столкнуться, не радовались бы так этому специальному заданию! Команда «По машинам!» — и к аэропорту.

Километрах в десяти или двадцати от аэропорта нас выгрузили, дальше двинулись колоннами в сторону леса. Не пройдя и трех километров по лесу, наткнулись на широкую черную полосу: деревья на обгоревшей и почерневшей земле были снесены почти под корень. Нас сосредоточили вдоль этой черной полосы и поставили по кругу в оцепление на смену стоявшим там ранее курсантам милицейского училища. После того как вся площадь падения самолета оказалась в плотном кольце, тем из нас, кто уже служил на границе, поручили зачищать обозначенную территорию. Выдали перчатки, целлофановые пакеты и сказали:

— Все, что найдете, складывайте в пакеты. Наберется полный пакет, завяжите, оставьте сзади себя и берите второй.

Так мы и делали. Боже милосердный! Чего мы только не находили! Думаю, лучше не рассказывать о таких страшных находках, как кисти человеческих рук или обгоревшие открытые черепа с выпавшими глазами! От одного взгляда на это сразу становилось дурно, и только заблаговременно выданный каждому из нас нашатырный спирт кое-как приводил в чувство. Только теперь мы поняли, зачем нам вручили этот спирт и медицинские повязки. Горелое человеческое мясо, оказывается, имеет сладковато-приторный запах. Но хватит об этом!

Собирали документы, доллары, детские игрушки и разные другие предметы. Я все время боялся, что мне попадется мертвый ребенок, я бы этого, наверно, не вынес. Но, слава Богу, детей на самолете не было, игрушки, как выяснилось, везли в подарок. Нелегко об этом говорить, но среди курсантов, правда, со старшего курса, нашелся один, который прикарманил доллары. В итоге его сразу же отчислили из училища и отправили за мародерство в стройбат. Что ж, в семье не без урода. После всего увиденного на этой страшной черной полосе мы дня три не могли есть мясо. Потом позабылось, привыкли, и жизнь снова пошла своей рутинной вереницей дел.

Первый теракт в метро СССР

После срочной службы на границе СССР я поступал в Московское пограничное училище, что в Бабушкинском районе. Сначала были сборы в поселке Лукинов — это в Подмосковье. Сборы шли своим чередом: репетиторство, тренировки, собеседования. В субботу и воскресенье нас отпускали в увольнение, конечно, только тех, у кого были родственники в Москве. Я оказался в числе счастливицов, поскольку мой родной дядя по отцу жил в Пушкино, и в одно из воскресений поехал в город-герой Москву.

Скажу по секрету, ездил я, конечно, не к дяде, а к подруге, проживающей в районе метро «Таганская». Доехав до первопрестольной на автобусе, спустился в метро. Эскалатор, не спросив моего желания, потащил меня в глубину. Изучив маршрут и сориентировавшись по схеме, куда ехать, я сел в вагон метро. По наитию прошел в хвост поезда — с детства помнились слова отца: «Садиться надо в предпоследний вагон, там самое безопасное место». Естественно, вошел в предпоследний вагон. Поезд резво покатился, то набирая скорость, то тормозя на остановках, в сторону станции метро «Ждановская», ныне «Выхино».

И вдруг раздались какие-то странные хлопки, показавшиеся вначале безобидными. Поезд дернулся, затрясся и начал снижать скорость. В окна повалил едкий дым, а по вагону разнесся запах гари. Невыносимый скрежет и визг трущегося о бетонные стены металла вонзился в уши. Неожиданно наш вагон стал обгонять тот, что шел впереди. Оказалось, идущий впереди вагон сошел с рельсов и теперь двигался параллельно с нашим. Затем наш вагон резко накренился вбок и, докатившись до стенки тоннеля, со скрежетом застрял между ней и соседним остановившимся вагоном, который мы обогнали.

Это произошло так резко, что все, кто стоял, попадали. И даже сидевшие пассажиры свалились с сидений на пол. Свет в вагоне погас, еще как только прозвучали хлопки. По всей видимости, взрыв случился где-то в передних вагонах, да и мощность заряда была небольшой. Эти факторы и спасли нам жизни.

Почти в темноте, освещаемой лишь тусклым светом лампочек на стенах тоннеля метро, люди в панике начали пытаться выйти из вагонов. Однако все двери оказались заблокированными. Я тогда еще курил и всегда носил с собой зажигалку. Сообразив, что произошла катастрофа, начал действовать, как меня учили в армии. Подсвечивая зажигалкой, осмотрел всех пострадавших. Слава Богу, таких было немного и те в основном отделались ушибами и ссадинами. Затем попросил всех перейти в последний вагон, который прикатил вслед за нашим и оставался задними колесами на рельсах.

Без паники и суеты все проследовали в последний вагон. Ударом ноги мне удалось открыть дверь последнего вагона, ту, что вела в тоннель. Спрыгнув на шпалы, стал помогать остальным выбираться из вагона, предупреждая, что идти нужно только по шпалам и ни в коем случае не прикасаться к рельсам, которые обычно находятся под напряжением. Я ведь не знал, отключен контактный провод или нет.

Когда люди из последних двух вагонов оказались в относительной безопасности, начали помогать выбираться тем, кто находился в застрявшем вагоне справа. Надо отдать должное спасательным службам метро — помощь пришла очень быстро. Прикатил какой-то локомотив с двумя вагонами, оттуда вышли спасатели и посадили в вагоны всех пострадавших. Мы поехали к ближайшей станции метро, но в обратном направлении. На станции было пусто, только повсюду стояли милиционеры и медики.

Нас всех тут же осмотрели, оказали необходимую медицинскую помощь, и строгий дядя в гражданке предупредил: «Никому ни слова, государственная тайна, потом всё узнаете из газет». Когда поднялись наверх, там уже ждали автобусы, которые повезли нас по наземному маршруту в сторону следующей станции метро.

Теперь-то мы знаем, что это были первые теракты в московском метро. В СССР до этого никогда не сталкивались с национальным терроризмом, и, конечно же, наша великая страна об этом не узнала. Ни в одном СМИ не было сообщений о случившемся. Эта тема оказалась под запретом. Только позже, когда уже были задержаны (или назначены) исполнители и они во всём признались (или их вынудили признаться), появилась краткая статья в газете: «Террористы изобличены, осуждены и приговорены к высшей мере социальной защиты — расстрелу».

Я тоже молчал об этом, до тех пор, пока не прочитал в газете о возмездии. Но мои друзья мне, а вернее тому, что я там был, не верили. Они решили, что я всё это придумал, чтобы их развлечь.

Возмущенные «рабочие»

Снова не припомню точно, когда именно, но дело было примерно в 1975—1976 году. Нас подняли по тревоге. Приказали надеть спортивную форму и перчатки. Последнее особенно удивило, ведь было еще довольно тепло. Но мы люди подневольные и вопросов лишних не задаем. Перед строем поставили задачу. Как говорится, разъяснили, что и как. Оказывается, по словам командира, к Красной площади движутся колонны врагов Родины, которые хотят опозорить нашу страну на весь мир. Наша задача — пресечь эту провокацию: разогнать «врагов народа», изъять у них все фотоаппараты и видеокамеры, а фото- и киноплёнки привести в негодность. Иначе говоря, засветить, чтобы не осталось документального свидетельства.

Посадили нас на автомашины — и вперед. Улица Горького и другие прилегающие к маршруту шествия улицы были оцеплены сотрудниками милиции. Прибывших высадили во дворах и разбили на группы по десять человек. Каждой группе уточнили задачу и определили направление действий. Я оказался в той, что выходила к демонстрантам в районе памятника Маяковскому. Под видом возмущенных горожан и простых рабочих мы должны были завязать с демонстрантами разговор и убедить их разойтись и не позорить нашу Родину.

Вспыхнула перебранка, дошло до оскорблений, а дальше началась драка. Били мы демонстрантов, не жалея, будучи уверенными, что это самые настоящие «враги народа». Ну а учитывая нашу подготовку к рукопашному бою, долго «уговаривать» их уйти не пришлось. Ряды протестующих редели, кто-то просто убежал, кто-то лежал без сознания. Некоторым пришлось вызывать скорую помощь.

Переодетых курсантов милиционеры демонстративно арестовывали за нарушение порядка и уводили во дворы. Там нас отпускали, и, обогнув здание с другой стороны, мы снова выходили на улицу и продолжали бить непокорных, отбирая при этом фотоаппараты и кинокамеры. Засветив плёнку, отдавали обратно. Но если фотоаппарат не открывался, просто били его об асфальт до тех пор, пока не выскакивала плёнка. В течение одного часа нас «задерживали» и отпускали так раз десять. Но и демонстранты до Красной площади не дошли. Всех зачинщиков арестовали, остальные разбежались по домам.

Сейчас я понимаю, что это было с нашей стороны неправильно, нельзя так делать. Но тогда я слепо верил всему, что нам говорили, был ярым патриотом своей родины — СССР — и готов был бить за нее любого, только прикажите. Потом, правда, выяснилось, что это была демонстрация против запрета правительством СССР выезда евреев из страны. Приношу свои извинения всем демонстрантам, которых по приказу командования избивал у памятника Маяковскому.

Был и еще один случай, когда мы засвечивали плёнки. Нас, как обычно, подняли по тревоге с полной выкладкой и доставили на Красную площадь. Курсанты шептались между собой: война, что ли? Но когда высадились из машин, поняли — горит здание гостиницы «Россия». Люди вокруг суетятся и кричат. Стоя в оцеплении, мы предупреждали всех, кто пытался фотографировать, о том, что это строго запрещено. А если кто-то не подчинялся, вырывали фотоаппараты из рук и засвечивали плёнки. В те времена сотовых телефонов еще не было, да и фотоаппаратов не густо, не говоря уже о фотокамерах. Так что мы быстро управились со всеми любопытными.

Очень тяжело было видеть, как с верхних этажей падали тела, охваченных огнем и дико кричащих людей. Страшная это картина, когда пылающий, как факел, человек летит вниз с двадцатого этажа. Пока он долетает до земли, вся одежда на нем успевает сгореть. После удара об асфальт от упавшего отлетали части тела и брызги крови в виде фонтанов. Жуткое зрелище. Я уже не говорю о нечеловеческих криках падающих и заживо горящих людей. Хочется все это стереть из памяти, забыть, но не забывается.

Все события реальные, автор был свидетелем или принимал непосредственное участие в них, иное услышал от участников реальных событий.

Диверсанты

Изучая документы, которые могли бы помочь в подготовке бойцов, я получил допуск для работы с архивными свидетельствами с грифом не только СС, но и ОВ. В основном это были документы времен Великой Отечественной войны, в которых особое внимание уделялось диверсионным и мобилизационным ресурсам бойцов и командиров.

Там было написано, что один офицер-пограничник в тылу врага должен в кратчайший срок собрать не менее роты повстанцев, вооружить их и обучить диверсионным методам борьбы с врагом. Судя по документам, таких специалистов в период войны у нас было немало, и они реально сражались с фашистами в их тылу, используя местное население, отступающих бойцов Красной армии и убегающих от немцев жителей захваченных районов.

Я кропотливо и тщательно изучал этот опыт, понимая, что, если придется, уже могу реально проводить такую работу. Среди архивных бумаг я нашел то, что нигде и никогда не озвучивалось ни в одном военном или послевоенном документе, книгах или истории о войне. И касается это пограничников.

Бои шли на подступах к Москве. Немцы уже начинали понимать, что русские морозы не шутка, и применяли для согрева наши методы, то есть шнапс или спирт. А офицерам выдавали коньяк.

Так вот, солдаты одной из немецких танковых дивизий, которая готовилась в ближайшие дни совершить прорыв обороны Москвы, приняв очередную порцию горячительного напитка, улеглись на отдых. Часовые и боевое охранение были выставлены с обычной немецкой щепетильностью. Ничто не предвещало беды. Дул легкий, но колющий ветерок с морозцем, сверху сыпал мелкий снежок, затрудняя видимость.

В это время курсанты Московского пограничного училища получили боевую задачу на проведение дерзкой акции в тылу противника. Конечно, накануне операции были проведены глубокая разведка и подготовительная тренировка курсантов. Все было отработано до автоматизма. Как известно, курсантами в военное время становились солдаты, прошедшие службу на границе, а многие даже участвовали в боях с немцами. Получив инструктаж, они сдали все свои документы и, надев белый камуфляж, получили ножи разведчика, гранаты и револьверы — самое надежное легкое оружие войны.

Дерзость вылазки заключалась в том, что была поставлена задача скрытно попасть в расположение немецкой танковой дивизии, без единого выстрела снять часовых, боевое охранение и так же бесшумно вырезать все экипажи танков. Благо, разведка показала, что бдительности немцам, как ни странно, явно недоставало. И вот настало время «Ч»: группами по пять человек курсанты двинулись в направлении немецких позиций. Успешно перейдя линию фронта, без труда попали в расположение танковой дивизии. И где эта хваленая пресловутая немецкая бдительность? Измотанные боями и обстрелами, окоченевшие на морозе часовые были сняты без единого писка, потому что дремали на посту. Далее пошла работа, от которой стынет кровь в жилах: резко, зажав одной рукой рот, курсанты наносили единственный смертельный удар ножом в сердце или сонную артерию. Тихо переходя от одного фашиста к другому, они кромсали немецкую «железную машину». Руки и маскхалаты заливала кровь, но в темноте этого не было видно, да и не до того было.

И вот последний немец расстался с жизнью. Каждая группа вела четкий подсчет количества убитых. Не понадобились ни револьверы, ни гранаты. В бензобаки танков засыпали сахарный песок, приготовленный заранее перед выходом в рейд. Дерзкая выходка удалась.

Вернувшись в расположение части, курсанты при свете коптилок наконец-то увидели, как сильно измазались кровью фашистов. Но никаких эмоций, кроме какой-то звериной радости, не испытывали, а если у кого что и было, то это тщательно скрывалось.

Р. С.: Все персонажи и их действия вымышлены, любое совпадение имён и событий — чистая случайность.

«Партизаны»

На Западной Украине, в Белоруссии и Прибалтике в начальный период Великой Отечественной войны в лесах бродило много разного народа: отступающие бойцы и командиры Красной армии, беженцы, местные жители. Постепенно они объединялись в отряды. Кто-то стал партизанить, кто-то организовал националистическую группу «против всех» — это потом уже они получили названия ОУН¹, УНО², УНСО³ и дивизия «Галичина»⁴, и прочие отрепье.

Когда командованию РККА стала поступать информация о появлении партизанских отрядов и отрядов националистов, было принято решение поставить во главе этих отрядов, проверенных временем и войной чекистов и партийных работников. Из литературы и истории известны такие крупные руководители партизанского движения, как реальный Ковпак, киношный майор Млынский, в тыл к немцам также посылали и командиров-чекистов. Отрядов было довольно много, далеко не обо всех написано в исторических и литературных произведениях, а о некоторых (в связи со спецификой их работы) есть только записи в документах с грифом ОВ, до сих пор никому не известные.

Один из таких партизанских отрядов возглавил присланный из центра майор НКВД по кличке Град. К концу войны он был уже полковником КГБ. Приняв под свое командование сто двадцать три человека, Град быстро навел в отряде порядок и добился его полной боеготовности. В результате нескольких рейдов по вражеским тылам вооружил, одел и обул своих ребят, что называется, с иголочки. Но весь фокус был в том, что они были полностью обмундированы в захваченную немецкую форму, красноармейская-то давно изнасилась.

Доложив по радию о готовности своего отряда к ведению серьезных боевых действий в тылу врага, майор сообщил и о специфике одежды. Из центра вначале последовал гневный приказ немедленно уничтожить ненавистную форму, но затем дали полный отбой и, наоборот, одобрили такое снаряжение бойцов. Центр поставил отряду задачу: имитируя карательные операции немцев, уничтожать все встречающиеся на пути группы националистов и выявлять лояльно настроенных к немцам местных жителей. При этом командиру были даны особые полномочия — он имел право расстрелять на месте любого врага или его пособника.

И вот партизанский отряд под кодовым номером 666, бойцы называли его между собой «СС-КПСС», начал совершать рейды по тылам противника. За неделю боев были полностью уничтожены два отряда националистов, радостно вышедших навстречу, как они думали, немцам.

Отряд прямо среди бела дня строем шагал в расположение немецкой части, а подойдя вплотную, вдруг неожиданно открывал огонь из пулеметов и ликвидировал не успевших опомниться немцев. Потерь в таких боях, как правило, почти не было — один-два бойца, оставшихся на месте сражения, да пара раненых, которые уходили с отрядом из зоны столкновения. Но одна из операций прошла совсем с другими результатами.

¹ Организация, запрещённая в Российской Федерации.

² Организация, запрещённая в Российской Федерации.

³ Организация, запрещённая в Российской Федерации.

⁴ Организация, запрещённая в Российской Федерации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.